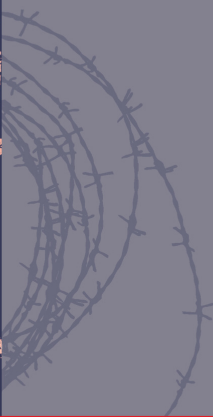

Факил
Сафин

Заблудившийся РАССВЕТ

ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Факил Миннемхамитович Сафин

Заблудившийся рассвет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33848158

*Заблудившийся рассвет. Роман: Татарское книжное издательство;
ISBN 978-5-298-02717-5*

Аннотация

Роман Ф. Сафина, признанного писателя, лауреата литературной премии имени Г. Исхаки – историческое произведение, основанное на фактическом материале жизни реальных людей.

Содержание

ПРОЛОГ	4
САКМАРСКИЙ ДЖИГИТ	12
I	13
II	37
III	63
IV	78
V	96
VI	129
VII	146
VIII	159
IX	210
X	293
Конец ознакомительного фрагмента.	300

Факил Сафин Заблудившийся рассвет. Роман

ПРОЛОГ

...Возможно, найдутся те, кто подумает, что это устаревшая тема. Но трагедия в судьбе народа не подвластна времени. Вспоминая прошлое, мы предупреждаем будущее.

Туфан Миннуллин

Моя первая встреча с Сакмарой. Она течёт стремительно, напористо. Волны без умолку щебечут между собой, порой даже игриво посмеиваются. Им нет никакого дела до этого белого света. Это ли не счастье?..

Из-за знойного лета река кажется очень обмелевшей. Реку, ярко сияющую под шаловливыми лучами солнца, и подножие высокой горы разделяет песчаная низменность. Сакмара, наверное, лишь на первый взгляд кажется такой беспечной, равнодушной. Как только начнутся дожди, низменность проглотит половодье, вот тогда наша река покажет свой настоящий характер: мечась от одного берега к другому, она устремится в сторону Урала, никого не пощадит на

своём пути, а если попадёшь в её пыльные объятия, унесёт на край света и бросит там на произвол судьбы. В душе понимаешь и чувствуешь эту другую затаённую мощь реки.

Сразу же после прибытия в село Татарские Каргалы, раскинувшееся у берегов Сакмары, и знакомства с хозяевами я с каким-то неудержимым порывом по извилистой тропе спустился к реке.

Вслед успел услышать, как хозяин поинтересовался у моих спутников:

– А кто этот парень? Он тоже из наших?

– Писатель, из Челнов.

– Да что ты, разве писатель бывает таким? Ходит в недоумении, словно степной араб, заброшенный с парашютом в тундру.

Вероятно, мой седоволосый спутник замолвил за меня словечко – все весело рассмеялись.

«У Сакмары жёлтые ивы...» Это строки из народной песни. Только мелодию вот никак не припомню. А ивы, действительно, виднеются.

Как только я подошёл к реке, три-четыре волны одна за другой, словно только и ждали меня, играя седыми гривами, окатили ноги по щиколотку, затем, подобно напроказившей ребятне, весело ринулись в безудержные воды Сакмары и растворились там. Кажется, даже был слышен их звонкий смех. При малейшем движении из обуви выплёскивалась вода, поэтому я снял туфли и поставил их на огромный белый

камень, глубоко вздохнув, посмотрел по сторонам. Прекрасны, неописуемо красивы окрестности Сакмары! Чуть ниже двое мальчиков завели рыжего жеребёнка прямо в середину реки и старательно купают его. А он тычет носом то в одного из них, то в другого, фыркает, кажется, даже пританцовывает в воде. Было видно издалека, что плескаться в реке доставляло жеребёнку истинное наслаждение. А на берегу, убрав руки за спину, взад-вперёд похаживает молодой крепко сложенный загорелый до черноты мужчина в коротких штанах. Его неспешные шаги выдавали отцовскую гордость, он смотрел и не мог наглядеться на своих сыновей.

А выше, у ивняка, две девчонки сидят у реки, складно держа в руках удочки. Да, времена изменились, теперь и они рыбачат, норовят поймать самую хорошую. Не успел я так подумать, как из ивняка вышли двое подростков и стали о чём-то спорить с девочками. Поднялся шум-гам, толкотня, то один падал в воду, то другой. Пока я, раскрыв рот, наблюдал за происходящим, две удочки, обгоняя быстрые волны, уплывали в сторону чернеющего моста. Эх, ребята, и сами не рыбачите, и девочкам, пришедшим ловить рыбу, не даёте покоя.

Я повернул в сторону тропинки, по которой спустился сюда. Она проходила через тёмные заросли лебеды, а на открытой части берега виднелся слой золы и угля – следы от пожара. Хотя выгоревшее место почти полностью успело покрыться песком, оно явно указывало на то, что когда-то здесь

всё полыхало огнём. Ведь сразу же по подъёму с берега начинается узкая улица, село Каргалы с его домами и дворами.

Поднимаясь, я вдруг резко остановился, вновь осмотрел Сакмару, взглядом разворошил простёртый на противоположной стороне довольно-таки густой лес. Меня охватило чувство какого-то странного недоумения.

Зачем я приехал сюда? Чего ищу? Кто меня ждёт? Никто не ждёт, это точно. А вот то, что я здесь нахожусь в поиске – верно. Если бы несколько лет назад мне сказали, что я когда-то вдоль и поперёк обойду Каргалы, Оренбуржье, то посмеялся бы от души. Казалось бы, никого у меня нет в этих местах, выходит, и искать у Сакмары и Урала нечего? Жена родом из соседней деревни, из Муслюмова, девушка, выросшая у берегов реки Ик. Сам живу в городе на Каме – Набережных Челнах. Так что же тогда...

История этого путешествия началась ещё десять лет назад и восходит к лету 1992 года. Кажется, лето тогда выдалось прохладным. Работаю в своём кабинете. В дверь постучались. Не успел я что-либо ответить, как вошёл пожилой седоволосый мужчина. Подал руку, поздоровался со мной как с давним знакомым, справился о здоровье, затем молча присел на стул напротив меня. Его лицо и глаза словно излучали какой-то тайный божественный свет. Гость посмотрел с таинственным видом. Вероятно, что ему порекомендовали обратиться именно ко мне.

Но молчать долго невозможно: дел невпроворот.

– Что за дело, уважаемый? – обратился я.

Лицо мужчины резко изменилось, стало серьёзным, кажется, даже появилась суровость. Он открыл папку и начал копаться в бумагах.

– Я пришёл к Вам, меня зовут Марат Давлетъяров, – он посмотрел на меня испытующим взглядом.

Татарская речь ему давалась нелегко, но мой гость старался говорить именно на нашем родном языке. Затем он спросил, словно сомневаясь:

– Вам приходилось слышать о человеке по фамилии Давлетъяров? – голубые глаза пожилого мужчины выражали грусть. – Молодёжь уже не знает его – я расспрашивал.

Давлетъяров... Давлетъяров... В голове вроде что-то и есть... Ага, вспомнил!

Я заговорил:

– Немного... Знаете, во время учёбы в Казанском университете мне довелось жить на квартире у одной бабушки. Бабушка в молодости служила горничной у купца Ушкова, была очень образованной, рассудительной, дружила с семьёй знаменитого физика Махмута Зарипова. Однажды профессор пришёл её провести. Вот тогда из его уст я и услышал фамилию Давлетъяров. «Отличные кадры были у нас, молодые, образованные татарские парни. Погибли, пропали все. Подростал молодой человек Давлетъяров. И он пропал», – рассказал он со скорбью в голосе.

После этого я задал вопрос гостю:

– А кто это Давлетъяров? Кем он приходится Вам?

Лицо моего собеседника передёрнулось. Он тихо произнёс:

– Это мой отец... – И он поведал мне подробный рассказ о своём отце Ахметсафе Давлетъярове, матери Рабиге Сарымсаковой, древнем роде Давлетъяровых, о том, что пришлось пережить ему самому.

С Маратом ага мы проговорили до самого вечера. Свою просьбу он выразил только в конце:

– Я составил наше родословное древо, хотел напечатать в журнале. Это было бы данью памяти отца и матери. У них ведь даже могил нет...

– Да-а-а... – сказал я задумчиво, просидев несколько минут в плену тяжёлых раздумий. – Всё, что вы здесь рассказали, достойно целого романа! Он стал бы поучительным уроком для будущих поколений...

Марат ага уже собирался уходить, но вдруг резко повернулся в мою сторону и строго произнёс:

– Роман напишете Вы!

– Как? – в недоумении промолвил я. – Был бы хоть раз в Оренбургском крае, Каргалах! Да и как писатель я не столь известен.

– Вы непременно станете большим писателем! – мужчина стал приводить интересные примеры из жизни Пушкина, Достоевского, читать отрывки из произведений. Говорят, что всякое сравнение хромает, а здесь оно уже становилось

совсем безногим.

– Так Вы же сами отлично знаете литературу! Напишите какое-нибудь произведение. А мы прочитаем, посоветуем.

Гость, казалось, засиял.

– Пробовал. Но каждому – своё дело. Я – строитель, работал главным инженером в крупной строительной организации, ушёл на пенсию. А Вы – писатель. Роман должны написать вы. Наша встреча не случайна, она имеет глубокий смысл. Аллах знал, к кому именно нужно привести меня...

Марат ага ушёл, а я, ошеломлённый, ещё долго сидел в тиши кабинета.

С этого дня он стал заходить ко мне. Что ни встреча, так новая весть: «Мама умерла (свою бабушку по материанской линии Халиму абыстай оба сына Ахметсафы Давлетъярова называли «мама»)... Тётя Биби (родная сестра матери) покинула это мир»...

– Опаздываем, дорогой эфенди, надо бы приступить к произведению. Говорят, у начатого дела конец ближе, – сказал он однажды.

– Вы, конечно же, думаете, что я способен написать такое произведение, верно? Так уверенно говорите или...

– Да, это произведение должны написать Вы, и никто иной!

– Так ведь я в Каргалах ни разу...

– Побудем. Готовьтесь, через неделю приедет мой сын из Казани. Он довезёт нас до Каргалов. Вам одной недели до-

статочно?

«Эпопея», вобравшая в себя более десяти лет моей творческой жизни, началась вот таким образом.

...В ушах – звон шумных вод Сакмары. Перед глазами – слой золистого угля, виднеющийся из-под песка. Я поднялся наверх по извилистой тропинке, еле заметной среди высоких зарослей лебеды. Чьи следы мне удастся обнаружить в прибрежных Каргалах? И вообще, найду ли что-нибудь?

Сверху послышался звучный голос Марата ага:

– Поднимайтесь на берег! Вас ждём...

САКМАРСКИЙ ДЖИГИТ

Книга первая

САКМАРСКИЙ ДЖИГИТ
КНИГА ПЕРВАЯ

I

*Песчаная буря, песчаная буря
На улицах Оренбурга...*

Из татарской народной песни

Брезжил рассвет – тихий, нежный, волшебный весенний рассвет, от которого млеет душа, а тело наливается свежей, первозданной силой. Все окрестности, весь мир, вся вселенная залиты мягкой весенней зарёй. Кажется, что из необъятного, безграничного космоса струится печаль, неизбывная, тонкая грусть в обрамлении пылких, даже чуть легкомысленных звуков весны.

Проснувшись вместе с первыми лучами солнца под щебет ранних птишек, Мустафа, как обычно, стал обстоятельно готовиться к утреннему намазу, стараясь не разбудить домашних. Он ступал по половицам тихо, осторожно, хотя его молодая жена Шамсия встала, надо полагать, за час до мужа, ведь её половина перины успела остыть. Действительно, в казане на печи уже вовсю кипела вода, а в середине большого медного таза стоял, надменно подняв изящный носик, его величество кумган, доверху наполненный тёплой водой для омовения.

После завершения священного ритуала, хозяин по обык-

новению сделал утренний обход своего обширного подворья. Приближалось время первого завтрака, и он, поднимаясь на высокое крыльцо дома и повинаясь годами выработанной привычке, бросил через плечо взгляд на палисадник и обомлел:

– Баракалла! О Аллах! О чудо!..

От нахлынувшей радости вмиг испарилась его обычная невозмутимость, тело стало необыкновенно лёгким, а душа по-юношески возликовала. И было от чего: всего за одну ночь яблони в саду расцвели так дружно, будто кто-то прокрался в ночи и нарочно укутал весь сад в роскошное белоснежное покрывало, а теперь с удовольствием и улыбкой наблюдает за реакцией ошалевшего от такой красоты хозяина. Наверное, невозможно лишь словами передать всю красоту белоснежной роскоши яблоневого цвета, это чудное великолепие природы. Открывая входную дверь, Мустафа ещё раз обернулся и посмотрел на сад, на утопающий в белых цветах яблони, на этот изумительный рассвет, и что-то дрогнуло в его притихшей душе, очистительное чувство охватило его, и словно по мановению волшебной палочки исчезли прочь все тревоги, заботы, страхи, сомнения и горести. Взгляд его скользнул по зеркальной поверхности речки Сакмары... Здесь их дом. Сразу через узкую ленту лесопосадки выходишь на крутой берег шаловливо, весело текущей реки. Здесь когда-то обосновался и зажёл родовой очаг их предок – Давлетъяр баба, мудрый муж и провидец, имя которого не

устаёт повторять в своих молитвах Мустафа.

Заречные низкорослые кустарники сменяются величественным и гордым лесом, издали чем-то напоминающим замершего в боевой стойке гусака, готового наброситься и заклевать любого, кто посягнёт на жизнь и безопасность его маленьких, только-только появившихся на свет птенцов, крохотных, пушистых, беспомощных гусят. А за этим дремучим лесом устремляются в необозримую даль и теряются на горизонте серо-голубые степи, имя которым бесконечность. Мустафа знал эти дали не понаслышке, а воочию, на ощупь. По своим торговым делам он прошагал и проехал тысячи и тысячи вёрст, но так и не достиг не то что края земли, но даже края страны. А ведь в их родных Каргалах некогда жили славные, знаменитые путешественники, которым было что рассказать о дальних странах, заморских землях. Чего стоит только один Исмагиль баба, прошедший в долгих странствиях целых 33 года и объехавший почти весь известный тогда мир!

Заворожённо смотрел он на цветущий яблоневый сад. Глаз не отвести – какая прелесть! Долго ещё находился Мустафа во власти этой красоты...

Наконец, он будто отрезвел, опомнился. «Вот дурень! – усмехнулся он про себя. – Сколько можно так на крыльце торчать? Словно пень с глазами...» Он облизнул потрескавшиеся, воспалённые на ветру и солнце губы, зашёл в дом и тихо (чтобы не разбудить детей), но твёрдо сказал жене:

– Жена, ну-ка, по-быстрому найди какую-нибудь ненужную тряпку, но только яркого цвета. Да живей, я тебе говорю! М-мда...

Во рту у него вдруг пересохло, а самого словно жаром обдало. Шамсия, конечно, послушная, хорошая жена. Но она за целый год жизни с Мустафой впервые видела его таким необычно взволнованным, и поэтому устремила на мужа взгляд, полный недоумения. Её длинные густые ресницы изумлённо распахнутых глаз едва не коснулись бровей.

– Что? – по-детски удивлённо переспросила она. – Ты о чём? Какие тряпки? Что за яркий цвет? Для чего?

Мустафа нетерпеливо повысил голос:

– О-о-о, Аллах милостивый! Жена, говорю тебе: неужели в хозяйстве не найдётся какой-нибудь тряпки, красной, например?

– Красной? – снова удивилась Шамсия.

– Ну да, красной! Чего тут непонятного? Алой! Пурпурной! Пунцовой! – теряя терпение, объяснил Мустафа. – Не голубой же и не зелёной, в конце концов! – И Мустафа раздвинул занавески окон, жестом приглашая жену посмотреть. Заинтригованная Шамсия посмотрела в окно и ахнула:

– Яблони!..

Вслед за вздохом послышался приглушённый стон, идущий из глубины души, из самого сердца. Теперь уже Мустафа оказался в растерянности. Полувздох-полустон молодой жены явился для него странной неожиданностью. Будто он

услышал голос неведомого, необычного существа, и от этого голоса вдруг вздрогнуло небо и замерло на мгновение всё живое на земле.

Шамсия ухватила за край занавески и закрыла ею своё лицо. Послышались всхлипы, порывистые вздохи. Мустафа оторопел. Потеряв дар речи, он не знал, что делать. Шамсия была явно не в себе. Затем отошла от окна, помолчала и голосом, полным скорби и тоски, произнесла:

– И в тот год была такая же красивая весна... Яблони купались в белом цвету, будто их обмакнули в катык. Птицы заливались так, что всю душу переворачивало. Всё было так прекрасно...

Мустафа резкими движениями зашторил окно. Нет, не зря Шамсия вспомнила «про тот год». Всё ещё тоскует её юная душа по первому мужу Фатхулле, исчезнувшему бесследно в 1915 году на германском фронте.

– Так... Это... Не сглазить чтобы... – забормотал Мустафа. – Яркие тряпки повесить на ветках... Так уж заведено... Чтобы, значит, не сглазить... А то весь сад наш на виду... Гм-м...

Спотыкаясь обо что-то, он поспешил выйти на крыльцо. Утопающий в белом цветении сад, этот весенний рассвет, весь этот мир уже не казались ему такими чудесными, как пять минут назад. Шамсия, ещё не полностью пришедшая в себя, вышла вслед за мужем:

– Послушай, – сказала она шёпотом, будто открывала чью-

то тайну. – Не знаю, к чему это. К добру или нет. Но сегодня уже дважды рассветало. Я видела две зари... Странно. Какой-то заблудившийся рассвет... Или ложная заря...

– Заблудиться может человек, а не рассвет, – назидательно ответил муж. – Наверное, этот непутёвый Валькай хаджи с панталыку раньше времени пропел утренний азан¹. То-то я будто почувствовал что-то не то, не так, поэтому на утренний намаз встал в положенное Аллахом время. Н-да...

– Значит, Валькай грешен? – с тайной радостью в голосе спросила жена. – Ведь он грешен и перед Аллахом, и перед людьми, да?

– Об этом знает один лишь Всевышний... – заметил Мустафа. – К тому же красные подождли возле Актюбинска стога сена, оставшегося ещё с зимы. Зарево пожара издалека можно было ошибочно принять за утреннюю зарю. Я и сам чуть было не обманулся, приняв отблески пожара за рассвет. Уже встал было на намаз, но засомневался, не слыша криков петуха... В общем, дьявольский какой-то рассвет...

– Да уж, – улыбнулась Шамсия, – будешь лежать и ждать, когда закричит петух. Без пения петухов какой рассвет в постели!

– Заря не займётся, пока петух не пропоёт, – прервал Мустафа шутивную фразу жены. – Петух ведь не набожный хаджи Валькай, чтобы преждевременно будить честной народ. Кстати, сегодня должен вернуться наш Ахметсафа.

---

¹ Азан – призыв к молитве.

Устал, наверное... Нужно будет к его приезду одного петуха зарезать. Хе... Если бы петух знал, что попадёт сегодня на обед, вряд ли бы отважился петть зорьку.

Последние слова мужа Шамсия не расслышала, потому что была уже дома, в светлице. А Мустафа крепко задумался.

...Не дай бог мужчине овдоветь. Мустафа знает, что значит остаться вдруг, неожиданно-негаданно одному, с кучей детей на руках. Когда его первая жена Магинур внезапно заболела и умерла, Мустафа не знал, что делать, куда себя деть, как справиться с постигшим его семью горем, как утешить ещё несовершеннолетних детей: четырёх сыновей и дочурку. Конечно, сердобольные родственники и соседи поначалу чуть ли не каждый день навещали его, помогали чем могли, но, известно, у каждого своих забот полон рот, и постепенно их визиты стали редкостью. К тому же началась война, которой, казалось, конца-края не будет. Любые баталии не могут принести народу ни малейшего облегчения, напротив только ввергают его в ещё большую нужду, увеличивая его страдания, сея горе, смерть, сиротство... Зато довольно потирают руки правители, царедворцы, разные поставщики и их прихлебатели, богатеющие на горе людском. Правда или нет, но как-то Мустафа услышал от благочестивого и образованного хальфы Мифтаха, что ни разу не воевавшего царя почитают чуть ли не за дурака. Может быть и так. Кто знает... И всё-таки разве в мирной стране народ не живёт спокойно, сыто, счастливо?! Когда в государстве царит мир, а казна его

богата, то и подданные живут припеваючи. Что ещё надо народу? Но народ — это весьма странный общественный организм. Порой трудно, почти невозможно понять его капризы. Ему довольно быстро надоедает мирная жизнь, он будто бы пресыщается удовольствием налаженного бытия и вот для начала, для затравки, начинает грызться между собой, а почему — и сам толком не знает. От междоусобицы народ переходит к недовольству царём, тем более что тут же находятся разного толка подстрекатели.

Казалось бы, что может быть ценнее, дороже мирной жизни? Ан нет, забыты уже годы, десятилетия покоя и благодати, рука тянется к оружию, и уже цари, брящая саблех, гонят свои народы на смертоубийство и взаимное истребление. Ну, с правителями и чиновниками, скажем, всё ясно: для них, сердечных, война что мать родная, они от неё лишь толстеют, карманы деньгами набивают, не забывая подкармливать и вечно «голодную» стаю прихлебателей, угодников, льстецов, падких на дармовщину. Каждый царь или король призывает сражаться «до победного конца», что в переводе с языка царедворцев означает проливать кровь народа до тех пор, пока не удовлетворятся их непомерные аппетиты. Однако этой жадности, похоже, нет предела, а значит, и войне конца-края не видно. Из сотен тысяч деревень уходят на смерть цветущие, кровь с молоком парни и кладут свои головы на поле брани... Так и родная деревня Мустафы Каргалы отдала ненасытному молоху войны лучших своих джигитов.

С потерей горячо любимой жены мир не прекратил существования, и жизнь продолжалась. Нужно было поднимать детей, выводить их в люди. Давлетьяровы – род сильный, многочисленный, дружный, испытанный и в горе, и в радости, перенёсший немало бед, выстоявший под бурями грозных событий. Хвала Аллаху, у рода Давлетьяровых древние и здоровые корни, и каждый мужчина в этом роде, будучи главой семьи, не забывает также о том, что является опорой рода и должен за отмеренную ему жизнь ещё более возвеличить свой славный род. Иначе жизнь теряет и смысл, и привлекательность. Какой толк от жизни, если ты не оставишь за собой сильное, живучее, прямодушное и благодарное тебе потомство, свято чтящее обычаи и веру предков? Вот и Мустафа живёт ради своих потомков. Смерть жены, конечно, на время выбила его из колеи. Очень, очень было тяжело... Их старшему сыну Гумерхану исполнилось уже 17 лет, и за него, кажется, не надо беспокоиться: джигит вполне самостоятельный, состоявшийся, выросший и закалившийся в нелёгком труде, знающий, почём фунт лиха. Четырнадцатилетний Гусман стремится к знаниям и старается походить на своего учёного дядю – Гумара ага, который живёт в Оренбурге. К тому же у внешне замкнутого Гусмана очень впечатлительная натура, и он тяжелее всех переживал смерть матери, у которой был самым любимым сыном. Двенадцатилетний Ахметсафа отличается от всех других детей. Во-первых, он не любит тянуть с любым порученным ему делом, всякое

поручение выполняет быстро и досконально, становится отцу настоящим помощником, чему радуется, пожалуй, больше, нежели сам глава семейства. Во-вторых, он старается выглядеть старше своих лет, а ещё любит где-нибудь уединиться и о чём-то подолгу думать, может быть, мечтать. А если его кто-то оторвёт от этих сугубо личных дум, он тяжело, взрослому вздыхает, но тут же скоро принимается за порученное дело. Ну а за восьмилетним Ахметханом нужен глаз да глаз. Про таких говорят «егоза», «непоседа». Живой и подвижный, как ртуть, он всюду и везде успевает сунуть свой любопытный нос, крутится юлой, задирает братьев, не обращая ровно никакого внимания на предостережения старших. И, наконец, единственная дочка – трёхлетняя крошка Биби-джамал, всеобщая любимица, шустрая, черноокая, ласковая, самая большая радость Мустафы, его будущее утешение в старости... Жизнь поставила вопрос ребром: хочешь не хочешь, а придётся привести в дом новую жену, вторую мать для своих детей. Как-то воспримут её дети?..

Селение Каргалы живёт по давно установившимся традициям и обычаям предков. Мужчины испокон веков занимаются торговой деятельностью или служат казаками в царской армии, то есть основное время проводят вне дома. Хранителями домашнего очага в таких условиях становятся жёны, на плечи которых ложится вся работа по воспитанию детей и поддержанию домашнего хозяйства в образцовом порядке. Видимо, по этой причине каргалинские женщины, оста-

ваясь традиционно верными и любящими жёнами, глубоко религиозными мусульманками, в то же время обладают известной самостоятельностью, даже независимостью, то есть отнюдь не расположены всю жизнь быть «рабынями» своих мужей и оставаться под их пятой. Каргалинские женщины весьма свободолюбивы, им палец в рот не клади, редко кто из них беспрекословно и бездумно исполняет любые приказы мужей. Словом, они больше соратники, нежели жёны, более друзья, нежели слуги, они верные и незаменимые помощники, советники и утешители своих мужей. Даже оставаясь вдовами, гордые каргалинки не спешат с повторным браком, предпочитая в одиночку растить и воспитывать своих детей, нежели идти второй женой и мачехой в чужую и, как правило, многодетную семью. Поэтому и Мустафа особенно не надеялся на повторный брак, успокаивая себя примерно следующим рассуждением: «Что суждено, того не избежать. Чем посылать одного за другим сватов, боясь очередного отказа и осмеяния со стороны сельчан, лучше терпеть, выжидать. Дети растут, время идёт, глядишь, с Божьей помощью и найдёт он себе новую подругу, а если и нет – на нет и суда нет. На всё воля Аллаха...»

Так успокаивал он себя, и ему действительно было как-то спокойнее жить с такими мыслями. Его не тревожили никакие слухи и пересуды, потому что для них не было почвы, жизнь шла более-менее ровно, и Мустафа почти свыкся. И вдруг как гром среди ясного дня: старуха Таифе принесла

Мустафе восточку от молодой вдовицы по имени Шамсия. Дескать, если Мустафа ага не против, она, то бишь Шамсия, согласна выйти за него... Старуха Таифе, обрадованная перспективой выгодного сводничества, а также возможностью устроить счастье двух одиноких людей, еле дождалась утра, чтобы сообщить эту весть Мустафе. Памятуя, что вдовец в последнее время решительно гнал от себя сватов и вообще отказался от идеи повторного брака, бабушка Таифе настроилась на долгую борьбу и, засучив рукава, готова была взломать глухую оборону Мустафы. Но пройдя в светлицу, где царила глубокая тишина, она вдруг оробела. Справится ли она со своей нелёгкой миссией? Не выгонит ли её взашей этот невозмутимый Мустафа, спокойствие которого не поколебит, казалось, даже залп десяти пушек? Не накричит ли он на неё в сердцах? Ведь что ни говори, а Таифе, видит Аллах, пришла сюда с единственной и благородной целью: заботой о пятерых детях Мустафы. В противном случае разверзлась бы земля под её ногами, и провалилась бы она в преисподнюю, не успев дочитать молитву за душу убиенного ещё в японской войне мужа своего, безгрешного и чистого душой батыра.

Однако Мустафа, кажется, вовсе не собирался ни выгонять, ни ругать почём зря бедную старушку, и Таифе посчитала это за добрый знак. К ней постепенно возвращалась смелость, во всяком случае, коленки уже не дрожали, и когда Мустафа молча расстелил на половине стола кухонную ска-

терть, собираясь потчевать чаем гостью, Таифе нетерпеливо потянула хозяина за рукав и сказала:

– Вообще-то я не собираюсь тут засиживаться.

Мустафа, наконец, проговорил:

– Признаться, ты застала меня врасплох со своим известием, тётушка Таифе. Садись за стол, в ногах правды нет, почаёвничаем, поговорим, взвесим всё...

– И то верно, – согласилась гостья, стараясь не показывать охватившей её радости. – Не тот разговор, чтобы на ногах его вести. Присядем, почитаем сначала.

Она села на саке, оперлась спиной о подушку и подняв к лицу ладони, приступила к молитве. Читала она вдохновенно, всю душу свою вкладывая в обращение к Богу. Ведь она пришла к Мустафе с благородной целью и, кажется, вот-вот добьётся успеха.

– И-и-и!.. – затянула она по-старушечьи. – Уж я-то знаю, как несладко живётся одиноким, как же... как же... А мужчина без женщины совсем жить не может, да-а... И вдовицам, потерявшим свою опору и крепость, нелегко одним подымать на ноги детей. Ох, братец Мустафа, ты и сам знаешь, что я уже десять лет оплакиваю мужа своего ненаглядного, погибшего в японской войне. Хорошо ещё, что сыновья выросли послушными, любящими мать, стали настоящими джигитами. И кость у них крупная – в отца, упокой Господь его душу. Только и слышишь от них: «Мама, милая, что ещё надо сделать? Ты скажи, мы мигом!» М-да... Истинные бо-

гатыри.

Вспомнив, зачем она пришла, Таифе наклонилась к хозяйину и спросила:

– Что-то детей твоих не видно?

Мустафа тяжело вздохнул и нехотя ответил:

– Младшие спят, старших дома нет, они при деле.

Таифе будто не расслышала его и продолжала как ни в чём не бывало:

– Во-от... У Шамсии муж тоже на войне пропал. Ни слуху, ни духу от Фатхуллы... В самом начале войны одно-единственное письмо от него пришло, и всё – Аллаху акбар!² Да успокоится его душа в раю, да услышит он наши молитвы и поможет нам в своё время открыть ворота рая!.. А в соседнее Биккулово, говорили, вернулся было раненый солдат, воевавший вместе с Фатхуллой. Он и рассказал, что перед самым боем выдали им на двоих один котелок и одно ружьё, и погнали на вооружённых до зубов немцев. Снаряд взорвался прямо под их ногами. Биккуловского паренька от смерти солдатский котелок спас, а у Фатхуллы в руках только винтовка злополучная и была. Биккуловского беднягу откопали из-под земли с продырявленным котелком в руках, отвезли в госпиталь, где с того света чудом вернули. В том бою вообще мало кто выжил. Фатхулла, наверняка, погиб, иначе он числился бы в списке раненых и попал бы в госпиталь вместе с биккуловским парнем. После выздоровления этот паренёк

---

² Аллаху акбар! – Аллах велик!

наводил справки о Фатхулле, но так и не нашёл его следов. Значит, нет уже в живых бедного Фатхуллы. Ведь уже год прошёл после этого. Ты знаешь Шамсию, их дом тоже возле реки, только выше по течению. Родители её умерли от какого-то мора. Сама она молода, красива, трудолюбива, покладиста, не болтлива. Сам понимаешь, к такой видной молодой не один и не два раза уже сватались, но без толку. Я и сама начала беспокоиться: уж не хоронит ли Шамсия заживо свою молодость и красоту? Но вот вчера она позвала меня на чай и во время беседы призналась: «Бабушка! Мне трудно одной! Мне уже тридцать лет, и никаких почти радостей я ещё не видела. Может, пошлём весточку Мустафе ага? Не возьмёт ли он меня в супружницы? Была бы ему верной подругой и в горе и в радости. Ни к кому другому, кроме Мустафы, не лежит моё сердце, бабушка...» Да-а, братец, так и сказала, можешь мне верить. Зачем мне тебя обманывать-то? Теперь слово за тобой, Мустафа, – и старуха замолкла.

Долго молчание не могло продолжаться. Мустафе только-только перевалило за сорок, был он мужчиной представительным, сильным, здоровым, хозяйственным, словом, как в народе говорят, мужик хоть куда! Неудивительно, что многие молодухи на него заглядывались. Вот и Шамсия... Но ведь Мустафа решил не думать о втором браке! Дела-а-а... Что же делать? Думай, Мустафа, думай... Тебе решать. Тебе жить... До Шамсии охотников, действительно, было немало. Мустафа не с луны свалился, всё знал и видел. Всем

сватам от ворот поворот дала Шамсия, проявила характер твёрдый и честь крепкую. Однако жизнь продолжается. Годы идут. Как ни старался Мустафа оберегать своё семейство от всех невзгод, понимал: детям нужна мать, ласка женская, материнская. Особенно трудно было объяснить смерть матери младшим детям – Ахметхану и Бибиджамал. Каждое утро они спрашивали своими чистыми невинными голосками: «А мама сегодня придёт домой?» От таких вопросов больно сжималось сердце и желтело лицо Мустафы.

И он решился. Была не была! Но как бы по деликатнее, помягче объяснить это старухе Таифе? Ох, уж эта Таифе! Ничего от неё скрыть невозможно! Проницательная старуха! – Это... Хм-м... – прокашлялся Мустафа и неловко спросил, краснея: – Когда?

Понявшая всё с полуслова, с полувзгляда, Таифе посветлела лицом, глаза её радостно заблестели, как Сакмара под лучами утреннего солнца.

...В ожидании бабушки Таифе Шамсия очень нервничала, ходила по комнате взад-вперёд, внезапно останавливалась, заламывая за головой руки, что-то бормотала, шептала и всё думала, думала... Была у неё ещё одна тайная причина, толкнувшая на переговоры с Мустафой. И о ней никто не знал, даже бабушка Таифе.

В последнее время Шамсию-молодку стал домогаться азанчи Валькай хаджи. Сластолюбивый хаджи даже не стал посылать к ней сватов, а пользуясь своим духовным саном,

сам приходил к ней в дом, уговаривая молодую хозяйку стать его второй и, естественно, любимой женой. Стыд и срам! У хаджи трое детей, старший из которых лишь на десять лет младше Шамсии. Что люди скажут? Этот старый азанчи, путающий отблеск пожара с утренней зарёй, не умеющий и с одной женой сладить, с утра поднимающий в доме скандал по малейшему поводу, словом, этот старый зануда мог серьёзно скомпрометировать Шамсию. Нужно было что-то срочно предпринимать для сохранения своего честного имени. Три дня и три ночи превратились для Шамсии в настоящий кошмар, она не могла ни есть, ни спать, выплакала все глаза, так что впору было сушить не только подушку, но и роскошные косы вдовицы. Наконец, она приняла решение послать весточку к Мустафе, тем более что он ей, действительно, нравился и статью своей даже напоминал сгинувшего на войне Фатхуллу.

Весь аул одобрил союз двух одиночеств. И только оскорблённый в лучших чувствах Валькай хаджи, из чьих сластолюбивых когтей упорхнула пташка, не удержался от демарша, и однажды, увидев Мустафу, запрягавшего возле дома свою савраску, закричал, брызгая слюной и в ярости стуча тростью о забор:

– На чужое добро позарился, Мучтай, на чужое посягнул! Да падёт проклятье на голову хальфы Мифтаха, прочитавшего вам никах! Э-эх... Ошибся ты, Мучтай, крепко ошибся... на чужое руки протянул... Не видать вовек счастья, не

видать...

Долго он ещё поносил Мустафу-Мучтая, осмеливаясь вставлять в свою ругань даже имя Аллаха. Мустафа не стал говорить Шамсие о стычке с Валькаем, хотя она сразу обрисовала ему, правда, в осторожных выражениях, свои отношения с хаджи. Впрочем, это происшествие быстро забылось. И только одно обстоятельство казалось немного странным: о Валькае хаджи Шамсия отзывалась не иначе, как «старый чёрт... старый шайтан... старый иблис...», хотя хаджи был всего на два-три года старше Мустафы. Слезы Шамсии, вспомнившей о своём первом муже, всё-таки растревожили Мустафу, поставили его в трудное положение. Он испытывал такое неприятное чувство, будто кто-то резко ударил его под коленки. И что теперь? Мустафа должен сделать вид, что ничего не случилось, и он ничего не слышал? Легко говорить... Да, если восемнадцать лет назад он после свадьбы готов был от счастья горы перевернуть, то теперь второй брак вряд ли наполнит его душу таким же геройским желанием...

Расстроено бродил он по двору, не зная, чем занять себя, и вдруг с удивлением увидел в своих руках ярко-красные полоски какой-то материи. Видно, Шамсия выполнила просьбу мужа. Во всяком случае, теперь есть чем заняться.

Мустафа открыл калитку, зашёл в сад и стал завязывать яркие ленточки на утопающие в белом цвету яблоневые ветки. Но делал он это как-то неохотно, не испытывая особой радости, особого душевного подъёма. То радужное настро-

ение, которое он испытал на рассвете при виде белого цветенья, куда-то исчезло, испарилось. «Правду, видимо, говорят старики: вдовец и вдова, раз соединившись, ложатся вечером в постель вдвоём, а утром встают вчетвером», – подумал он. – Вот я и тоскую по своей Магинур, а Шамсия не может забыть своего первого мужа Фатхуллу...» Он завязывал ленточку за ленточкой и постепенно успокаивался.

...А мир, однажды взорвавшись, всё никак не мог успокоиться. Не успели привыкнуть к военному времени (хотя можно ли к этому привыкнуть?), как словно обухом по голове: царь отрёкся от престола. Господи, что происходит в этой стране? Что или кто заставил царя отречься? Вряд ли он добровольно отдал власть над шестой частью земной суши. Куда глядели его приближённые, царедворцы, советники и прочие лизоблюды? Разве их держат на вершине власти не для того, чтобы вовремя давать самодержцу умные и правильные советы, наиздания? Чтобы, наконец, избавить страну от дальнейших потрясений и бед? Странно, очень всё это странно... Трон, конечно, долго пустовать не будет. Свято место пусто не бывает... Испокон веков дерутся, режут друг друга на кусочки из-за трона, из-за власти. Уже не междоусобица, а целая война идёт за трон. На кону огромная держава! А кровопролитие, кажется, в самом разгаре. Сын восстал против отца, дочь – на мать, сородичи – на сородичей, христианин режется с христианином, мусульманин – с мусульманином... И чего не хватает, какого рожна ещё нужно

этому «Лилину», как называют его малограмотные инородцы, этому неистовому Ленину-Лилину, который взбаламутил весь народ до крайней степени? Вообще-то народ взбаламутить не так уж и трудно, но как его потом удержать? Думал ли об этом «Лилин»? Вряд ли... Как бы не пришлось этому «Лилину» локти свои кусать от досады... К тому же, говорят, он не кто иной, как «немецкий шпиён», угу... Во всяком случае, так утверждал Заки Валиди на одном из митингов, тот самый Валиди, которому вдруг захотелось стать «падишахом башкирским». Удивительно, до чего может довести человека жажда власти. Объявив себя «царём башкир», Валиди призвал тысячи и тысячи татар в «славное башкирское войско». Многие помнят его пламенную речь о том, что революция – это неожиданный подарок для нас, и если мы провороним эту возможность, то снова останемся ни с чем, а потому вперёд, славные батыры, отважные башкиры, вперёд на бой за свободу! Так вот, стоило Валиди произнести подобную речь, как все татары с криками «Ура!» и пошли на этот самый бой. Каково, а? Прошу любить и жаловать – «победоносная башкирская армия»...

Испокон веков престол державный манил к себе людей определённого склада. Хотя перед смертью ханы, султаны, цари и короли передавали трон своим наследникам, но, как правило, находились ловкачи, авантюристы, изменники, которые обманным, зачастую кровавым путём поднимались на вершину власти. Как-то хальфа Мифтах сказал: «Если бы

все троны мира вдруг обрели дар речи и рассказали о всех изменах, свидетелями которых они были, историю пришлось бы переписывать заново». «Лилин» попробовал перенести престол в Москву, но трон, как говорится, везде трон. Раньше трона, то бишь правительства, в Москве успел обосноваться и запустить свои козни дьявол-иблис. Есть, говорят, особая порода иблисов, крутящихся возле монарших тронов, и пусть этот трон окажется хоть на луне, иблис всё равно будет там раньше всех. Так, видимо, угодно Всевышнему... Интересно, а есть ли падишах у самих татар, или они ещё не успели обзавестись собственным царьком? Когда-то, в незапамятные времена у татар были настоящие цари, «потрясатели вселенной». Но и их могущество было подточено изменами, коварством, междоусобицей. В итоге татарин лишился и царя, и страны своей. И вот теперь, когда наступило смутное, беспокойное время, какой-нибудь ловкий татарин наверняка попытается поймать рыбку в мутной воде и объявить себя «владыкой татарским». О, Аллах!.. Но согласится ли пресловутый «Лилин» на провозглашение хотя бы маленькой «татарской короны»? Если согласится, значит он полный профан и дурак, потому что никакими коронами, указами и армиями не вытравить из татар неистребимую зависть междоусобную, взаимное подозрение, недоверие и соперничество, всегда готовое перейти в непримиримую вражду. Да татары своего «царька» заключают до смерти, выдадут с потрохами хоть Москве, хоть какой-нибудь иной Тьмутаракани, или же

вовлекут с головой в свои нескончаемые распри и клановые разборки. Что уж говорить, за власть, за «корону» любого размера и достоинства наш народ глотку друг дружке готов перегрызть. Вот чего следует опасаться... Э-эх, патша-Микулай, царь-Микулай, ну и дурачина же ты!.. Разве можно своими руками власть отдавать кому ни попадя? Э-эх...

...Прошлая весна заставила себя ждать, долго канителилась. Даже когда начался сев, небо вдруг разразилось беспрерывными дождями. Проглянуло, наконец, солнышко, радостно вздыхает мужик, но глядь – из-за Сакмары снова туча надвигается! Отхлестает землю длинными ливнями, удалится восвояси та туча, и мужик тут же на поле выходит, опасливо поглядывая на коварное небо... Однако на этот раз грозные небеса наказали людей не дождями затяжными, а нашествием каких-то странных вооружённых людей. Странными они казались хотя бы потому, что толком так и не знали, за кого и за что воюют. Каждый до хрипоты кричал что-то о свободе, земле, народе, но толковал эти священные, казалось бы, понятия на свой лад, со своей колокольни. Стало быть, сколько колоколен на Руси, столько и правд? И вообще, если хотя бы несколько дней кряду потолкаться на митингах и послушать ораторов, то можно прийти к выводу, что такие святые понятия, как «честь, совесть, вера, нация», от частых употреблений износились, пообтёрлись и потускнели настолько, что их не отличить от золы, втопанной в весеннюю распутицу. На митинге у каждой группировки –

свои лозунги, призывы, свои способы заигрывания с массами. От этих трескучих фраз и лозунгов в умах людей создавалась такая путаница и неразбериха, такая ужасная муть, какую можно сравнить разве что с грязными по весне талыми водами, несущими свои мутные бурлящие потоки в речку Каргалинку, потом в Сакмару, постепенно исчезая и растворяясь в полноводном Яике³. Практически одни и те же лозунги из разных уст быстро наскучили народу. Крестьяне думают о земле, о судьбе урожая, а шелкопёры-ораторы по-прежнему митингуют. Деревню то и дело тревожат то белоказаки Дутова, то какие-то красные партизаны, то ещё какие-нибудь «цветные», сразу и не разберёшь. «Красные» – так эти особенно языкастые. Как начнут говорить о свободе и братстве, – и не остановить их. Наши татары тут как тут: ораторствуют о всеобщем освобождении от рабства, о братстве и единстве бедняков-мусульман, а сами же этих «братьев-мусульман» и грабят, разоряют, джигитов в армию угощают. Ускачут «красные», и только мужик вздохнёт посвободнее, как появится «славная башкирская армия» со своими лозунгами: отделение, автономия... Но если прислушаться и вникнуть, то суть, в принципе, одна и та же: дескать, объединяйтесь, братья, не то худо будет. Да ещё поговорку татарскую для красного словца припомнят: «Отделившегося съест волк, отколовшегося задерёт медведь».

И тут выясняется любопытная деталь! Хотя какая уж это

---

³ Яик (Жаек) – река Урал.

деталь. Оказывается, для полного народного счастья всем этим «цветным» позарез нужно, чтобы каргалинцы при-мкнули именно к ним. Иначе родина погибнет. Так что, братья-каргалинцы, открывайте свои амбары и закрома, отда-вайте своих джигитов в «победоносные» армии и не забудь-те про фураж для коней (кони, разумеется, тоже каргалин-ские). Ну, кто как не доблестные каргалинцы помогут Роди-не в трудное время? Уверенные в лояльности «братьев-кар-галинцев», разномастные отряды даже не дожидаются их со-гласия, а сами открывают амбары и закрома, забирают с по-дворьев всё, что подвернётся под руку, и скачут дальше «за-воёвывать для каргалинцев свободу». А если заикнёшься об оплате, тут же показывают самую твёрдую валюту: револь-вер или винтовку. Словом, восемнадцатый год принёс наро-ду одни бедствия...

Тяжёлые думы Мустафы были прерваны голосом молодой жены.

– Тебе говорю, – донеслось с крыльца. – Третий раз само-вар вскипятила! Иди в дом чаёвничать!

И Мустафа, вздохнув, покинул кипящий в белом цвете-нии сад, где уже были развешены на ветвях алые ленточки весны.

II

...Секретарша поморщилась и даже как-то съёжилась, увидев Сталина, как всегда незаметно прошмыгнувшего в приёмную. Она на дух не переносила этого рябого и какого-то будто кособокого человечка, ненавидела и в то же время боялась его. Сталин чувствовал это, но виду не подавал, напротив, приветливо улыбнулся секретарше, но в следующий же миг приветливость на его лице сменилась злобно-издевательской ухмылкой. Такова была подлинная натура Сталина: коварное двуличие, что и вызывало брезгливо-опасливое отношение к нему секретарши. Если бы Сталин посмотрел в настенное зеркало приёмной, то увидел бы, как исказилось от ненависти и отвращения симпатичное личико секретарши. Но Сталин не любил зеркал. Впрочем, ему не было никакого дела до этой секретарши, пропади она пропадом. Прежде чем, как обычно, без разрешения зайти в кабинет Ленина, Сталин ещё раз вспомнил весь свой разговор с этим «выскочкой» Троцким. «Тоже мне, стратег нашёлся!» – язвительно подумал он. Дескать, Куйбышев и Фрунзе проводят на Восточном фронте весьма мудрую, правильную политику и скоро разгонят враждебные формирования, действующие в Волго-Уральском регионе. Дескать, самым большим достижением Куйбышева-Фрунзе является умение привлечь на свою сторону вчерашних врагов. Даже башкир-

ское правительство Валидова готово перейти на сторону Советов. Кроме того, быстрыми темпами проходит мобилизация волго-уральских татар в ряды Красной Армии. Особенно радует тот факт, что среди татар нашлись такие инициативные деятели, как Усманов, которые сами приступили к формированию частей в помощь Красной Армии.

Вначале Сталин со спокойной полуусмешкой слушал картавые разглагольствования Троцкого, в порыве красноречия то и дело вскидывавшего свою острую бороденьку: этот наивный чудаки искренне, по-детски радовался даже ничтожнейшему успеху! Так не радуется, наверное, даже моряк, ступивший на желанную землю после целого года изнурительного плавания. В конце концов, краснобаиство Троцкого достигло своего апогея и терпение Сталина лопнуло, народный комиссар национальностей презрительно процедил сквозь зубы:

– Романтик несчастный!

Троцкий будто подавился своей речью и недоумённо посмотрел на Сталина.

– Все вы романтики несчастные! – безжалостно повторил Сталин. – Бухарин и Рыков романтики от экономики, а вы недалеко ушли от романтизма в области военной. Пора уговоров и романтики в революции прошла. Нужно спуститься на землю, товарищ Троцкий. Сейчас во главе угла стоит вопрос национальностей, и если в эту деликатную сферу сунет свой нос какой-нибудь невежа и дилетант, то может так

напортачить, что поставит под удар все завоевания революции. Революция и национальное самоопределение – исключают друг друга, несовместимые, даже враждебные понятия. И если мы не поймём это, не обуздаем своевременно разного рода инициативных деятелей в национальных окраинах, то впоследствии можем горько поплатиться за эту слабость. Нужно признать, что в последнее время что-то очень много появилось доморощенных «спецов» по национальной политике, и...

И тут Сталин, безошибочно уловив во взгляде Троцкого искры нешуточного гнева, поспешил смягчить тон и обойтись без резких выпадов:

– Мы добьёмся успеха лишь в том случае, если каждое своё действие в отношении инородческих областей будем проводить, советуясь друг с другом, тщательно взвешивая всевозможные последствия.

– Это так, – согласился Троцкий. – Совместное дело трудно развалить.

В действительности Троцкий едва сдерживал в себе девятый вал гнева: «Ишь ты, хитрец, дьявол матёрый! Сам-то делает своё дело, ни с кем абсолютно не советуясь, а всякое коллегиальное принятое решение норовит обратить в свою пользу!»

– Если каждый станет тянуть одеяло на себя, мы вынуждены будем в самом лучшем случае топтаться на месте...

Троцкий вдруг вспыхнул:

– А я, дорогой товарищ Сталин, именно по этому поводу и пригласил вас! Надо поговорить...

– В таком случае нашу беседу, думаю, лучше продолжить следующим образом. Я предпринял немалые усилия, чтобы склонить Валидова на сторону Советов, и об этом хорошо знают в Комиссариате. Что касается татар, я не хотел бы в дополнение к уже имеющимся Вахитову и Султан-Галиеву иметь ещё одного задиристого петуха в лице Усманова. Если они выйдут из-под контроля, то боюсь, что так называемое «башкирское войско» Валидова покажется нам детской игрушкой, невинными шалостями.

– И тут я согласен с вами. Однако не следует упускать из виду то обстоятельство, и здесь я повторяюсь, что основная тяжесть на наших фронтах легла в настоящее время на плечи татарских солдат, особенно в пехоте и артиллерии. Большинство солдат на любом из фронтов составляют ныне те же татары. Таким образом они, без всякого преувеличения, являются щитом революции. Именно поэтому Фрунзе с Куйбышевым возлагают большие надежды на формируемые Усмановым татарские полки. Поэтому в вопросе об Усманове нам не следует проявлять спешки, напротив, нужно показать выдержку и терпение, обеспечить Татбригаду Усманова вооружением, продовольствием, фуражом, словом, всем необходимым, и создать условия для ускоренного обучения татар-новобранцев, чтобы отправить их на фронт уже через полтора-два месяца. В таком случае Восточный фронт смо-

жет справиться с возложенными на него задачами. Мы не ошиблись, оказав доверие Усманову, который показал себя умелым и авторитетным организатором. Он просит лишь одного: не трогать бригаду, хотя бы во время краткосрочных ускоренных курсов боевой подготовки, и не дробить бригаду, а отправить её на фронт целиком, в полном и едином составе. Молодой комиссар опасается, что бригаду начнут растаскивать по частям ещё до того, как она приобретёт боевую готовность. И я поддерживаю стремление Усманова сохранить Татбригаду как боевую единицу... А то у нас есть такие «умельцы», что не прочь хапнуть на свой фронт пару-другую чужих полков... – тут Троцкий хитро улыбнулся Сталину и продолжил: – Поддержав таких, как Усманов, мы сможем, наконец, полностью очистить Приуралье от колчаковцев и разрозненных казачьих отрядов. Кроме того, после долгих кровопролитных боёв в окрестностях Ташкента налаживаются дела и на Туркестанском фронте. В случае вступления в боевые действия Татбригады некоторые формирования на Туркестанском фронте могут оказать помощь татарам Тургайской степи, в результате чего Восточный фронт сможет с успехом закончить летнюю кампанию. В это время на вверенном Вам Южном фронте...

Упоминание о Южном фронте неприятно царапнуло слух Сталина и отозвалось в сердце застарелой занозой. Было от чего расстраиваться: назначенный Центральным Комитетом партии ответственным за Южный фронт Сталин вот уже ко-

торый месяц не может сдвинуть с места целую армию Ворошилова, безнадежно застрявшую под Царицыном. В то время, как другие члены Реввоенсовета месяцами пропадали на вверенных им участках фронтов, непосредственно руководя боевыми операциями, Сталин ограничился лишь несколькими инспекционными поездками в Царицыно, во время которых попытался даже совместно с Ворошиловым провести «блестяще» задуманную и разработанную операцию, но вся их хваленая «лобовая» стратегия разбилась о вражеские позиции и привела к массовой гибели наскоро обученных или вовсе необученных красноармейцев. Умом Сталин понимал всю несостоятельность Ворошилова как полководца, но при засилье в Реввоенсовете таких «выскочек», как Троцкий, предпочитал покрывать и защищать таких, как Ворошилов, готовя из них «гвардию» будущих прихлебателей и безропотных исполнителей своей воли. В решающие моменты он будет опираться именно на кучку таких преданных лично ему высокопоставленных бездарей. Поэтому Сталин поспешил перебить очередное витийство Троцкого:

– Южный фронт с лихвой выполняет свои задачи. Против Ворошилова воюют регулярные белогвардейские части, в отличие от Восточного фронта, где нашим полкам противостоят, как вы выразились, разрозненные казачьи отряды... Гмм... Значит, по-вашему, сформированные татарские полки можно отправить на фронт лишь через полтора-два месяца?

– Наши товарищи придерживаются именно такого мне-

ния. Недавно Татбригаду посетил Калинин, и на него новые полки произвели весьма благоприятное впечатление. Этот фактор, конечно, придётся учитывать при планировании предстоящих операций.

От Троцкого Сталин сразу же направился к Ленину. Комиссару национальностей не давали покоя дурные предчувствия. Если Куйбышев добьётся своего, то... Тогда Сталин как пить дать погорит со своим Южным фронтом. Надо было срочно что-то предпринимать. Вся надежда сейчас на кавалерию Будёного. Фрунзе, конечно, опытный и грамотный военный специалист, прекрасно знающий своё дело, и совершенно ясно, что он вскоре добьётся решительных побед на Восточном фронте. Троцкий при всём своём краснбайстве далеко не дурак, понимает, что судьба революции решается на Восточном фронте. Увы, может решиться судьба не только революции... События на фронтах могут повернуться таким образом, что поставят под сомнение судьбу Сталина, создадут смертельную угрозу его так блистательно начавшейся карьере. И без того хватает тех, кто точит зубы на Сталина. Не следует выпускать из рук Фрунзе, что во что бы то ни стало, каким угодно способом необходимо связать и с Южным фронтом. Да, в создавшейся ситуации глупо пытаться тащить на себе одном весь Южный фронт. Один он, Сталин, с фронтом справиться не сможет, это факт. Именно поэтому Сталин до поры до времени вынужден вести себя «скромно» и не высовываться. А ведь как хочется порой продемон-

стрировать свои коготки, обнажить свои острые клыки!.. Но нельзя, пока никак нельзя... И этот остробородый краснобай прекрасно понимает положение Сталина, потому и улыбается ему так ехидно, с издёвкой. Что же... остаётся единственный путь – любыми способами расстроить, спутать планы Троцкого...

В кабинет Ленина он вошёл, уже уверенный в себе, с хорошо продуманной целью...

...В тот же день Ленин послал Фрунзе зашифрованную телеграмму: «...Вы знаете, в каком трудном положении сегодня находится Оренбург? Обороняющие город железнодорожники просят меня немедленно прислать им на помощь два пехотных и два кавалерийских полка или хотя бы тысячу пехотинцев и два-три эскадрона кавалерии. Что вы собираетесь предпринять? Каковы ваши планы? Немедленно сообщите мне об этом!»

Вторая телеграмма требовала перебросить на Южный фронт крупные войсковые соединения...

Фрунзе оказался среди двух огней. С одной стороны, он понимал, что поспешная отправка на фронт необученных татарских полков равносильна преступлению, а с другой стороны, не мог не выполнить приказа Ленина. К тому же в случае дальнейшего обострения положения на фронтах всю вину могут взвалить на него, Фрунзе. А обвинить его будет нетрудно: сознательно уклонился от выполнения приказа товарища Ленина!

Под предлогом проверки боеспособности Татбригады, создание которого и так сопровождалось спорами и чуть ли не скандалами, Фрунзе в середине мая приказал Усманову срочно перебросить один татарский полк на помощь защитникам Оренбурга. Усманов пробовал отговорить Фрунзе, доказывая, что бригада ещё не готова к ведению боевых действий и было бы преступно посылать необученных людей на верную гибель. Самым странным было то, что Фрунзе, до сих пор защищавший позицию Усманова, вдруг сам же приступил к растаскиванию созданной с таким трудом бригады. Трудно, очень трудно понять такую перемену... И вот молодой комиссар Шамиль Усманов, с великими трудностями организовавший такое крупное национальное воинское формирование, как Поволжскую Отдельную Стрелковую Татарскую Бригаду, предпочёл уехать с одним полком на фронт, нежели продолжать преодолевать интриги в отношении оставшихся ещё в тылу других татарских частей. Прав ли он был? Ошибался ли?..

...Плывя на пароходе из Казани в Сызрань или мчась на поезде в сторону Оренбурга, Усманов ни на минуту не терял бремя ответственности и не давал волю чувствам. Времени в пути было хоть отбавляй, и комиссар иногда навещал тех артистов из татарской труппы, кто оказался в составе полка. Артист – он везде артист, народ непривередливый, при первой же возможности начинает репетиции и забывает обо всём на свете! К тому же среди артистов оказалось несколько

красивых девушек. Представляете? Теперь им от джигитов нет отбоя. Все как один влюбились в юных артисток, каждый Юсуф «сохнет» по своей Зулейхе и ревниво оберегает её от посторонних нескромных взоров. А батыры все как на подбор – brave ребята, настоящие пахлеваны⁴! Конкуренция у них из-за девушек прямо-таки огромная! Послушаешь их разговоры с очаровательными гуриями и удивляешься: откуда у вчерашних крестьян такой изысканный язык, учтивые манеры, такой лоск и изящество в обхождении?! Впрочем, у комиссара нет времени обращать внимание на подобные забавные эпизоды в их путешествии.

...Немного не доезжая Оренбурга, Шамиль решил пройти через весь состав до паровоза. Здесь, стараясь не мешать работавшему в поте лица кочегару, он жадно всматривался в знакомые окрестности. Запах родины пьянил его. Оренбург... Город его детства и отрочества... Город первых грёз, волнений, потрясений... Шамиль вспомнил, как подростком он не в шутку увлёкся радиodelом, прочитывая бессонными ночами горы специальных журналов и книг... Золотое, волшебное время! Тогда ему казалось, что нет никого счастливее его, что жизнь прекрасна и уж по крайней мере будет длиться вечно!..

Шамиль улыбнулся. Он знал, что улыбка шла ему. Стройный, красивый джигит в новенькой форме и фуражке, из-под которой непокорно вылезали чёрные кудрявые волосы,

---

⁴ Пахлеван (пәһлеван) – богатырь, герой.

своей улыбкой мог заворочить любую красавицу. То-то терялись юные артистки, когда приходил к ним молодой красивый комиссар с ангельской улыбкой. Девушки вмиг забывали заученные роли, и даже плясали невпопад, заливаясь краской то ли стыда, то ли смущения, не забывая, правда, при этом бросать жгучие, выразительные взгляды на Шамиля. Эх, молодость!.. Было бы мирное время... Тогда Шамиль знал бы, что делать...

Сердце его забилося сильнее... Неотрывно смотрел он на проплывающие мимо окрестности Оренбурга и погружался в воспоминания, связанные с этим городом, хотя последний раз он уезжал из Оренбурга всего-то меньше года назад. Но за этот прошедший год произошло столько событий, столько битв в этом городе и его окрестностях, столько крови пролито, столько злости и жестокости выплеснуто... Да, дутовцы были свирепы и коварны... А если вспомнить действия разрозненных красных отрядов, волосы дыбом встают. Наспех сколоченные партизанские отряды делали что хотели, творили беззаконие, возбудили ненависть населения и совсем утеряти даже остатки авторитета, превратясь в банды. Шамилю с февраля до лета 1918 года пришлось воевать в этих краях во главе отряда, собранного в Сызрани. Бои шли тяжёлые, затяжные. Шамиль хотел собрать воедино разрозненные партизанские отряды, но это оказалось очень трудной задачей. Каждый отрядный командир мнил себя Наполеоном, не слушался общего командования, в итоге наруша-

лась воинская дисциплина, процветали самоуправство, произвол.

Помнится, в начале лета к нему в штаб прибежал взволнованный отрок, за которым поспешал шумно дышавший мужчина. Отстранив подростка, мужчина выступил вперёд и с достоинством представился:

– Я – Гумер Давлетъяров.

При этом он многозначительно посмотрел на Шамиля: дескать, знай и цени, что к тебе такой большой человек пришёл. Впрочем, на всякий случай мужчина уточнил:

– Я в здешних краях слышу за человека учёного, радеющего за нацию. Таких, как я, здесь немного...

Он показал рукой на беспокойного паренька:

– А этой мой племянник Ахметсафа, из села Каргалы. Плохую весть он принёс, очень плохую...

– Что за весть? – серьёзно обеспокоился Шамиль.

В начале разговора степенный Гумер абзый не очень-то склонен был доверять этому молоденькому смазливому комиссару, но увидев его спокойную решимость, предельную сосредоточенность, серьёзные и пристальные глаза, услышав его твёрдый голос, который мог принадлежать не юному офицеру, но зрелому мужу и командиру, он проникся к нему доверием.

– Я уже обращался по этому вопросу к двум или трём командирам, но мне сказали, что вопрос может решить только Усманов. А дело в том, что красноармейцы собрали в Кар-

галах группу молодёжи, объявили их дезертирами и готовят самосуд. Об этом и рассказал мне Ахметсафа.

Подросток едва дождался окончания степенной речи дяди и горячо заговорил:

– Угрожают расстрелять! «К стенке, – кричат, – поставим!» Никого из деревни не выпускают. Безобразничают, как с цепи сорвались. Такие и расстрелять могут... Там остался мой старший брат Гусман, и ещё Хальфи абый, сын бабушки Таифе, и ещё...

Шамиль прервал взволнованную многословность подростка:

– Ну этот Хабри! В эти дни только он со своим отрядом за Сакмару ходил. Толком воевать не умеет, да и не хочет, ему бы только над мирными жителями командовать да издеваться!.. Пора его приструнить!

– Да-а, – подтвердил Ахметсафа. – Командира ихнего зовут Хабри. Всю деревню в тюрьму превратил. Никого не выпускает.

– А ты как смог выйти? – прищурился Шамиль.

– Так ведь наши Каргалы, дядя, село большое, всех лазеек не перекрыть, – с достоинством ответил паренёк. – Меня дядя Давли через Сакмарку переправил и до самого Кушкульского озера на лошади проводил. Сам поспешил вернуться, очень беспокоился за наших арестованных джигитов. А я напрямиком к дяде Гумеру побежал. Вот...

– Значит, надо преподать урок этому зарвавшемуся Хаб-

ри.

Шамиль открыл дверь и крикнул:

– Эй, Фёдор! Сколько у тебя человек?

– С утра было двадцать конных да сорок пеших.

– Хватит и конных. Собирай отряд, выступаем немедленно. В Каргалы... Там Хабри снова бесится, самосуд чинит.

– Что он на этот раз вытворяет?

– Я послал его проводить пропагандистско-разъяснительную работу среди населения, чтобы привлечь в наши отряды новых джигитов. А Хабри выбрал самый лёгкий путь – страшает парней расстрелом, чтобы добиться своего и пополнить отряд.

– Он и вправду расстрелять может... Помнишь одного паренька, расстрелянного в одной деревне, тоже за Сакмарой? Дело рук Хабри. Сам он, правда, не сознаётся в этом, божится, что не убивал. Сущий дьявол... Думает, что если пристрелить пару людей, то остальные на коленях к нему приползут, умолять станут, чтобы их в отряд приняли.

Тяжело было на душе Усманова, пожалел он, что отправил на задание такого недостойного сумасбродного человека, как Хабри.

– Ну, я покажу этому нечестивцу! – в сердцах воскликнул он и поднялся, проверяя на ощупь кобуру.

– Хорошо, Гумер абзый, – обратился он к книготорговцу. – Меньше слов, больше дела. Мы выезжаем... Я ведь тебя сразу узнал, бывало, не раз приходил в твой магазин за

книгами.

– То-то и твоё лицо мне знакомо, – ответил немного смущённый Гумер. – Действительно...

Усманов с улыбкой обратился к Ахметсафе:

– А ты, паренёк, возвращайся через свои же лазейки. Мы поедем через мост, открыто, чтобы Хабри видел, кто нагрянет к нему в гости. Не то, не ровен час, пальнёт в нас, приняв за лазутчиков.

Ахметсафа в душе надеялся, что вернётся в деревню вместе с отрядом, верхом на коне, рядом с комиссаром. Хотелось ему увидеть, как вытянется от страха физиономия этого бандита Хабри. Но делать нечего, придётся возвращаться теми же тропами. Ничего. Главное, чтобы Усманов подоспел вовремя, освободил каргалинских джигитов, жизнь которых висит сейчас на волоске. Особенно беспокоился он за старшего брата Гусмана. Только бы успел Усманов. Тогда и Ахметсафа будет считать себя освободителем джигитов. И, забыв даже поблагодарить комиссара, Ахметсафа юркнул за дверь, спеша вернуться в село.

Когда маленький отряд Усманова входил в село, обстановка там была накалённой до предела. Головорезы Хабри выстроили у стены новой мечети с десятков деревенских юношей и ждали лишь приказа своего главаря. Увидев скачущий к ним отряд во главе с самим Усмановым, Хабри сразу же затрусил, оробел, потеряв всю свою грозность.

– Ты чего тут вытворяешь, Хабри? – голосом, не предве-

щавшим ничего доброго, спросил Усманов.

– Так это... Товарищ Усманов, – залезбил было тот. – Разъяснительную работу, значит, веду... – Ага... Так как не хотят они записываться в красноармейцы... Ну, я и... Малость того...

– Понятно! Ты не разъяснительную, а подавительную, подрывную работу ведёшь, кровопивец! Ты у народа только ненависть возбуждаешь. Дальше своего носа ничего не видишь. Оружие, мой дорогой, приносит пользу лишь в руках умного человека. Мы ошиблись, доверив оружие такому балбесу, как ты!

– Да я что... Я приказ выполняю... Кто больше меня народу в отряд мобилизовал?

– Сегодня ты их тащишь в отряд на аркане, а недели через две-три они разбегаются кто куда. Это ты называешь мобилизацией?

– Это уже, товарищ комиссар, ваша забота. Воспитывайте, просвещайте, внедряйте, так сказать, революционную дисциплину.

– В том-то и дело, Хабри, что революционная дисциплина, революционная сознательность должна начинаться с нас самих, с тебя, с других. Ты посмотри на себя – на кого похож? На голове папаха казацкая, на ногах – узбекские ичиги, сам одет в гимнастёрку. Пугало какое-то, а не командир.

– Ты не смейся надо мной, товарищ Усманов. Нет у меня времени следить за собой, за своей внешностью...

Усманов продолжал бушевать.

– Посмотри на своих подчинённых – это солдаты революции или разбойники с большой дороги? Немедленно собирай свой отряд, пусть приведут себя в порядок, а я с народом буду говорить.

Усманов повернулся к юношам, понуро стоявшим у стены мечети, но жадно ловившим каждое слово комиссара.

– Ну, что поникли, джигиты? Что голову повесили? – крикнул Усманов. – Идите по домам, а то родители, небось, заждались. В Красную Армию насильно никого забирать не будем, так и знайте!

В мгновение ока арестованные растворились в собравшейся толпе, остались стоять лишь двое юношей.

– А вы чего ждёте?

Один из хлопцев вышел вперёд, почесал голову и сказал:

– Спасибо, товарищ комиссар... Огромное спасибо, что приструнили хабриевских головорезов. Я сам буду сын старухи Таифе, Хальфетдином зовут. Матушка моя в обморок упала, когда нас на расстрел тащили. Надо побыстрее успокоить её. Но прежде дозволю слово сказать.

– Говори. Слушаю.

– Вот мы с Гусманом, сыном Мучтая... то есть Мустафы абзый, подумали и решили записаться в ваш отряд.

Для Усманова не имело значения, кто такие старуха Таифе или Мучтай абзый. Важно было то, что парни добровольно шли в его отряд. Сердце комиссара радостно забилося. Он

бросил ещё один гневный взгляд на Хабри, с недовольным видом стоявшего в сторонке, а ребятам сказал:

– Правильно надумали, молодцы. Ситуация теперь такая, что негоже нам прятаться по чердакам да сеновалам...

Заметив, как покраснел и опустил голову Гусман, комиссар добродушно улыбнулся:

– Никак я угадал, Гусман?

– В самую точку попали, товарищ комиссар, – встрял в разговор Хабри. – Мы его с чердака вытащили.

Усманов снова насупился:

– От злодейств твоих, Хабри, люди не только на чердак, но и в преисподнюю готовы спрятаться. С тобой мы ещё отдельно поговорим.

Тут осмелел и Гусман.

– Не знаем, кому и верить, – признался он. – Каждый командир гонит нас в свой отряд. Мой старший брат Гумерхан записался в полк Мусы Муртазина, который будто бы за красных. А недавно, слышим, он к башкирам подался. Кому же нам верить?

– Да, был такой промах. Ошибка вышла. Взаимопонимания тогда не хватило. Зато теперь и Муртазин, и другие башкирские командиры готовы перейти на сторону красных. Нам нельзя разделяться, распылять свои силы. Если мы теперь не сможем принести хоть какую-нибудь пользу татаро-башкирским мусульманам, грош нам цена будет. После битвы, как известно, героев много объявится. Как бы не вы-

шло так, чтобы после войны, когда снова будет поднят национальный вопрос, Москва ткнула нас носом в наше собственное дерьмо и сказала: «Когда мы на фронтах проливали кровь за победу революции, вы, мусульмане, грызлись между собой, а теперь вознамерились требовать какие-то права для себя? Так не бывает!» Поэтому считаю, что нам нужно активнее участвовать в революционном движении. Кроме нас никто не решит и не должен решить нашу судьбу. С этой целью я и стал большевиком, начал организовывать красноармейские мусульманские полки, воевать с белоказаками. Хорошо, если бы и вы поняли это, и вместо того, чтобы прятаться по чердакам от разных несознательных хабриевцев, вступили бы в передовые ряды революционных бойцов. Если вы желаете сознательно и добровольно присоединиться к моему отряду, милости просим, всегда рады.

– Рахмат, спасибо, комиссар, – ответили парни, растроганные дружеским расположением и сердечным разговором с ними видного красноармейского военачальника, тем более мусульманина.

– Благодарите не только меня, но и того паренька, который сумел вовремя предупредить меня о готовящемся злодеянии, – улыбнулся Шамиль.

Народ начал расходиться, но услышав последние слова комиссара, остановился. Послышались любопытные голоса:

– И что же это за паренёк?.. Кто этот герой?.. О ком речь?.. Чей сынок?..

Мустафа довольно улыбнулся и признался:

– Да мой это пацан, мой сорвиголова, Ахметсафа... Давлиджан его до Кушкульского озера проводил, на лошади, а дальше он сам... Ловок, пострелёнок... А вот и он сам возвращается...

Действительно, к толпе приближался усталый, запыхавшийся, но счастливый Ахметсафа. Послышались одобрителные возгласы:

– Ну да... Это сынок Мучтая!.. Он самый! Проворный малый! Молодец! Удальца по походке видать!.. Сразу видно: из рода Каеш⁵, то есть ремешников! Крепок, как ременная кожа!

Ахметсафа, смущённый оказанным ему вниманием, спрятался за широкую спину отца. Мустафа обнял сына за плечи, шутиливо подтолкнул его и нарочито громко похвалил:

– Молодец, сынок! Спас брата своего Гусмана!

– А где Хальфетдин абый? – вдруг встрепенулся Ахметсафа.

– Не беспокойся, все живы-здоровы. Домой побежали.

Народ, находившийся в невероятном напряжении в течение нескольких часов кряду, после освобождения своих сынов облегчённо вздохнул, расслабился. Каждый спешил домой, обрадованный благополучным исходом дела. Трагедии удалось избежать.

---

⁵ Каеш – ремень, прозвище рода Давлетъяровых, возникшее от главного занятия Мустафы, собиравшего для обработки шкуры животных.

Усманов протянул руку Ахметсафе:

– Ну, джигит, ты показал себя молодцом! Так держать!

Видя, что народ стал расходиться, Усманов в два прыжка поднялся на крыльцо мечети и крикнул, махнув рукой:

– Народ! Прошу не расходиться! Ещё немного внимания!

Люди нехотя вернулись на приметную площадь, насто-
роженно и недоверчиво косясь на неугомонного комиссара:
дескать, что ещё замышляет красный командир? Оглядев со-
бравшихся возле него сельчан, Усманов снова улыбнулся:

– Уважаемые сельчане! Джамагат⁶! Как видите, я подо-
спел вовремя. А раз так, может быть, заодно и поговорим
немного, побеседуем? Слово – не молоко, много не выдо-
ишь, но и в воду его превращать негоже...

– Хм-м... Язык у него подвешен что надо, – хмыкнул кто-
то в толпе...

Усманов продолжал:

– Вот смотрю я на этих джигитов, настоящих гренадё-
ров, и думаю: ну, хорошо, мы сегодня уйдём, а завтра нагря-
нут, скажем, белоказак, послезавтра – башкирские всадни-
ки. Каждый из них попытается забрать к себе в отряд наших
джигитов. Раз отвертитесь, два... Но вечно так продолжаться
не может. Вот и мы по приказу Ленина проводим мобили-
зацию солдат в Красную Армию. Уже с апреля идёт запись
татар в нашу армию. Такие вот дела, джамагат... как же вы

---

⁶ Джамагат (жәмәгать) – здесь: народ, общество, община; уважительное обра-
щение к собравшемуся где-либо народу.

собираетесь уберечь своих джигитов от войны? Прятать их по чердакам и погребам? Между прочим, уклонение от мобилизации в военное время приравнивается к преступлению и подлежит суровому наказанию...

– Вот этого мы как раз и не понимали, господин товарищ комиссар, – прервал его пожилой крестьянин, чуть выйдя вперёд и взволнованно поглаживая свои усы и бородёнку. – То ли нам не объясняли как следует, то ли сами мы такие непонятливые. Верно, что к нам многие приходят, и все на словах ратуют за дела мусульман, речи говорят разные от имени мусульман. Не секрет, что мы как-то не приучены делить себя на татар и башкир. Я, например, до сих пор не знаю, кто я: татарин или башкир? Однако, тьфу-тьфу, чтобы не сглазить, я где угодно и когда угодно могу сказать и доказать, что являюсь правоверным мусульманином, элхэмдуллилләһи⁷, у меня крепкая вера и чистая совесть истинного слуги Аллаха.

– Так ведь и мы являемся Мусульманской бригадой, – подхватил его мысль Усманов. – Вообще, вопрос, затронутый вами, очень сложен и запутан, и решать его предстоит, наверное, не один год. Именно из-за разногласий по поводу этого вопроса и возникли у нас трения и споры с господином Валидовым и его сторонниками.

– А этот Валидов – ещё кто такой? – сипло спросил какой-то мужик в толпе.

---

⁷ Элхэмдуллилләһи – хвала Аллаху.

– Падишах башкирский, – быстро «просветил» его Муштафа.

– Вона-а-а... – удивлённо протянул мужичок, – и как это их так угораздило, горемычных?..

В толпе засмеялись. Усманов продолжал:

– Да, все мы мусульмане, я лишь советую не забывать одного: на самом деле исламский мир огромен, сложен и порой даже противоречив. Не хотелось бы отвечать за все мусульманские народы, да и не имею на это права, но что касается нас, живущих между Волгой и Уралом татар и башкир, то нам жизненно важно объединиться, сплотиться. К этому зовёт нас Султан-Галиев и другие вожди нашего народа. Сами видите: силе можно противопоставить только силу. Разве вам хорошо было при царе? Может, вас полюбили белоказаки? Или, возможно, вы думаете, что Валидов обеспечит вам райскую жизнь? Не будет этого, джамагат. У нас нет иного пути, чем объединение. Если мы хотим и надеемся стать полноправной нацией, нам нужно принимать срочные меры в этом направлении. Надо учиться действовать с прицелом на будущее...

– У рассвета есть неразлучный друг закат, а у прошлого года будет год грядущий, мил человек, – рассудительно, издалека начал говорить пожилой крестьянин. – Будущее привязано на длинной-длинной верёвке. Между тем жизнь нынче как-то разладилась, расстроилась, а уши наши совсем засахарены от сладкоголосых речей...

– И это правда. Дутовцы морочат вас идеей создания между Волгой и Уралом «Учредительной» республики, другие забивают вам головы своими проектами. А тут ещё Валидов, обещая народу золотые горы, призывает соединиться с Дутовым...

И тут его перебил спокойно стоявший до этого густобровый плотный мужчина:

– Так в чём же дело? Они объединяются, так и вы к ним присоединяйтесь, вот и будет ваше любимое объединение и сплочение, братство и равенство. Всё шито-крыто! К чему пустопорожние разговоры? Или тебе, сынок, просто нравится так ораторствовать, витийствовать? Никто не мешает вам объединяться с кем угодно и как угодно. Чего же кота за хвост тяните?

– Гы-ы! – одобрительно хмыкнули в толпе. – А Давли верно говорит. Десять дервишей и в один чулан поместятся, а двум падишахам и целого континента не хватит, – говорили наши деды. – Чем больше царей, тем меньше земли.

Но Усманов не привык уступать в споре:

– Но почему они решили объединяться? Их главная идея, цель – противостоять созданию Татаро-Башкирской Республики, то есть, прошу прощения за каламбур, объединение против объединения. Однако подумайте сами: неужели Дутов в случае успеха действительно поддержит Валидова с его «Башкирским государством»? Чепуха! Ничего подобного! Дутов, клявшийся на верность русской монархии, то бишь

царю, и пальцем не пошевелил, чтобы хоть чуть-чуть помочь мусульманам. А к борьбе, то есть к войне в своих интересах, этих же мусульман зовёт, агитирует. «Борьба» – звучит мужественно и красиво, но только надо знать, за что и как бороться. Посмотрите на нашу Сакмарку, на её быстрое, стремительное течение. Я сам родился и вырос в Оренбурге, учился здесь. Помню, как красиво и величаво плыли по Сакмаре льдины во время весеннего половодья. С берега всё это выглядит действительно красиво. Но попробуйте войти в такую реку, и вас мигом унесёт, завертит, раздавит среди льдов. Эта ситуация очень похожа на бурлящую ныне в революционном движении Россию. Вас зовут на борьбу, сулят манну небесную, молочные реки и кисельные берега, но стоит только поверить им и окунуться в этот водоворот, и вряд ли кто из вас уцелеет...

– Другие посулышки, кажется, тебе и в подмётки не годятся, – усмехнулся Давли. – Гладко говоришь, видно, что язык хорошо подвешен. Так ведь язык без костей, мелет без умолку. «Земля не поднимется без коня, страна – без батыра», – говорили древние, но это лишь красивая присказка. Сказать легко. А как это осуществить? Сие одному Аллаху ведомо.

– Спасибо за высокую оценку моих ораторских способностей, – белозубо улыбнулся Усманов. – Не скрываю и не хочу скрывать, что цель моя – объединение в один мощный кулак мусульманских полков. Как человек военный, побывавший

не в одной битве, скажу, что в этом мире вынуждены будут считаться только с тем народом, который един, хорошо вооружён и отважен. Если ты берёшь в руки оружие, должен знать, за что воюешь. Наш час пробил, мы должны завоевать свободу для мусульман, восстановить, возродить наше государство, о чём веками мечтали наши деды и прадеды! Говорю вам как комиссар созданного в Оренбурге Мусульманского батальона: сила на нашей стороне, народ на нашей стороне. С нами – Бог и правда! Мы победим!

* * *

...Раздался пронзительный гудок паровоза, и Усманов очнулся от воспоминаний, с удивлением и некоторым смущением обнаружив, что стоит с высоко поднятым кулаком: «Мы победим!» О, господи! Усманов осмотрелся вокруг: не видел ли кто-нибудь его? Нет, он стоял один. Облегчённо вздохнув, Шамиль стал пробираться в вагон, где размещался штаб полка. Эшелон подъезжал к Оренбургу...

III

Да, события восемнадцатого года крепко и надолго запали в память многих людей...

В день чудесного спасения каргалинских джигитов от головорезов Хабри Ахметсафа не стал дожидаться окончания импровизированного митинга, а поспешил домой. И всё-таки ему было непонятно, почему уважаемый Давли абзый так упорно спорил с комиссаром Усмановым? Этот комиссар напоминал Ахметсафе сказочных богатырей и пахлеванов. Вон как скукожился от страха Хабри, едва увидев своего командира!

Мальчик был донельзя горд тем, что именно на его долю выпало спасение каргалинских «никрутов» (так отец называл «рекрутов»). Радостное настроение не могли затмить ни тучи, двигавшиеся со стороны Яика, ни порывы холодного ветра. «Успел! Я успел! Ура! – пело внутри него. – Я спас Гусмана абый, хвала Аллаху!»

От радости он не чуял ног под собой, а избитая тысячами подошв, раскисшая от непрерывных дождей тропинка казалась ему не хуже центрального бульвара в Оренбурге. Мальчик забыл о своей усталости и вприпрыжку бежал домой. Сегодня праздник! Ура!

Он едва не столкнулся с Валькаем хаджи, неожиданно появившимся из-за переулка Ишановской мечети. В последнее

мгновение лихой паренёк заложил крутой вираж и сумел избежать столкновения, и в этот момент из груди его помимо воли вырвался бесшабашный клич:

– Эге-гэ-эй!.. Хой-хой!.. – словно он понукал пасущихся в степи овец.

Не ожидавший от подростка такой прыти, и главное, такого непочтения к собственной особе, Валькай хаджи сначала опешил, а потом поднял свою трость наподобие копья и ткнул в грудь мальчишке:

– Прочь с глаз моих, окаянный! Или у тебя в зенках картофель растёт, что ничего не видишь?! Щенок! Глаза бы тебе перцем прочистить! Розгами по заднице пройтись! Распустились донельзя! Куда прёшь? Вам дай волю, так вы и на служителя Аллаха верхом сядете!..

Самое интересное, что в этой ситуации испугались оба. Криводушный хаджи долго не мог прийти в себя, опасаясь, не специально ли поджидал его щенок Мустафы, чтобы напугать его до смерти. Но и подросток испытал традиционный для сельской молодёжи страх перед священнослужителем. Ахметсафа растерялся и брякнул первое, что подвернулось ему на язык:

– Добрый день, азанче бабай! Как живёте, дедушка азанче?

От гнева глаза Валькай чуть на лоб не вылезли. Неистово размахивая тростью, он снова заорал:

– Негодник! Голодранец! По-мусульмански здороваться

не можешь? По-божески, по-книжному приветствовать не научился? Распустил вас этот еретик Мифтах хальфа! У-у, сатанинское отродье!.. А ну-ка учтиво поклонись и скажи мне: «Ассалямагалеюкум, почтенный господин хаджи хазрат!..»

В своём негодовании азанчи был по-своему прав. Дело в том, что Каргалы издавна славились во всём тюрко-татарско-мусульманском мире своей набожностью, религиозностью, благочестием. Когда образованные мусульмане отправлялись с берегов Камы и Яика в священный хадж в Мекку, то по пути обязательно останавливались в Каргалах, где два-три месяца проводили в молитвах с благочестивыми старцами, от которых набирались знаний, укреплялись в вере, слушали рассказы о всех тонкостях священного хаджа. И только после этого, обогатённые знаниями и освящённые светом истинной веры, они отправлялись дальше. И вот, как это ни странно, даже в такое богобоязненное и благочестивое село, жившее строго по предписаниям Корана, вдруг стало проникать еретическое, по убеждению консервативных клерикалов, учение джадизма, или реформаторства, проще говоря, новометодной школы, более светской, чем прежняя. И первыми «еретиками» в благочестивых Каргалах стали такие, как Гумер Давлетъяров, с юности подавшийся в купцы и перебравшийся в многолюдный град Оренбург. Сначала он перезнакомился с самыми отпетыми еретиками – этими длинноволосыми, безбородыми писаками, книжными «чер-

виями», разного рода сомнительными учёными, издателями и т. д. Потом он стал переманивать каргалинских юношей в городские новометодные медресе. И, наконец, вконец обнаглел и добился открытия «еретической» школы в самих Каргалах – этом оазисе ислама, «Мекке» волго-уральских мусульман! Конечно, кадимистские или старометодные имамы не переставали ругать «еретиков» и призывать на их головы кару господнюю, однако находились и те, кто защищал и поддерживал начинания Давлетъяровых и их сторонников. А вскоре в Каргалы приехал откуда-то и стал баламутить народ молодой, но строптивый хальфа, учитель по имени Мифтах. Преодолевая невероятные трудности, несмотря на многочисленные нападки кадимистов в свой адрес, он сумел организовать обучение детей и молодёжи по новому, джадистскому методу. Таким образом, многовековые устои каргалинских имамов-фундаменталистов в начале XX века стали расшатываться и терять свою цельность, как взбитая вечером подушка в течение бессонной ночи теряет к утру всю свою упругость, свежесть и пышность.

Тяга шакирдов к светским знаниям оказалась настолько сильной, что ученики не боялись проклятий и угроз консервативных хазратов и мулл и без колебаний шли в школу Мифтаха хальфы. К тому же, – о, Аллах! – в ауле открылась и женская школа, к чему приложили руки богатеи Хусаиновы, тоже выходцы из Каргалов, кроме того, к ним присоединился и знаменитый золотопромышленник Закир Рамиев. Неви-

данное, неслыханное дело! В каргалинскую женскую школу начали приезжать девочки даже из таких больших городов, как Оренбург и Троицк! Видимо, очень уж истосковался народ по настоящим знаниям.

Но сельские аксакалы и муллы-кадимисты не думали сдаваться. Они приложили максимум усилий, обошли множество инстанций и добились-таки закрытия новометодной школы. Но рано схоласты радовались. Мир неузнаваемо, неудержимо менялся. Оренбургские баи вновь открыли новометодную школу, и снова продолжилась борьба между кадимистами и джадистами, между схоластами и реформаторами, между старым и новым... Так, в пылу этой борьбы и вошли джадисты в полосу революционных событий. Но даже в круговороте революций и гражданской войны кадимисты не переставали поносить почём зря своих непримиримых недругов-джадистов, как будто последние и явились виновниками и даже подстрекателями Октябрьского переворота и наступивших катаклизмов. Дескать, разворошили муравейник... Потревожили гнездо змеиное... Не-ет, Валькай хаджи не зря бесновался, кричал на этого мальчика – в глазах подростка он видел присущую Давлетъяровым умную насмешку, прямоту и чистоту невинности, и от этого ещё более распалялся. Щенок мустафинский! И язык у этого сорванца неплохо подвешен.

– Да, правильно, дедушка Валиулла, – ничуть не смущаясь, ответил Ахметсафа. – Я учусь у Мифтаха хальфы!

В голосе подростка чувствовались гордость и даже некоторый вызов.

Ох, как испортился мир! Где уважение к старшим? Где присущая татарам богобоязненность? Раньше такие выходки даром не проходили...

– Какой я тебе дедушка! – рявкнул обиженный азанчи. – Иди, иди, топай отсюда, негодник! Испортил вас вконец Мифтах хальфа, сбил с панталыку. Удивительно! Непонятно! Кошунственно! Зачем нужны деревенским детям какие-то география, математика и прочая белиберда. Достаточно уметь считать деньги... А уж учить русскому языку – и вовсе великий грех, святотатство, отступление от канонов ислама и шариата...

Подросток давно уже скрылся за поворотом, но азанчи всё ещё кричал, грозно размахивал тростью:

– Да-да, русский ум взбаламутил и перевернул весь мир! Далеко с русским умом не пойдёшь, ой, не пойдёшь! Который уже год люди беснуются, воду мутят, бедствиям конца и краю нет, страна до сих пор не может, да и, кажется, не хочет успокаиваться! О, Аллах!..

Из дому навстречу Ахметсафе выбежали две юркие фигурки. Это были младшие: братишка Ахметхан и сестричка Бибиджамал. Девочка обняла колени Ахметсафы и с удовольствием зелепетала: «Олы абый⁸ плишёл... Мне гостинца плинёс...»

---

⁸ Олы абый – обращение к старшему из братьев.

– Куда ушёл Гусман абый? – спросил Ахметсафа.

– Он на войну собиается, – важно ответила Биби, шмыгая носиком. – И Хальфетдин абый тоже в класноалмейцы записывается. Он тоже на войну собиается...

Девочка болтала, не давая брату вставить хоть словечко.

– Да-да, абый, и Хальфи абый тоже на войну готовится. Инэй⁹ плачет, не хочет дядю Хальфи на войну отпускать, говорит, не уходи...

Ахметсафа в растерянности посмотрел на Ахметхана. Сообразительный братец быстро объяснил:

– Мы к бабушке Таифе ходили, а там инэй обнимает Хальфи абый и плачет: «Никуда ты не уйдёшь, ни ногой от меня! – не пущу! Что я буду делать без тебя?» Ведь Хальфи абый – хороший человек, всю работу по хозяйству выполняет, поэтому маме не хочется отпускать его, так ведь, абый? А Гусману абый она и слова не сказала насчёт записи в армию. «Сам уже знаешь», – только это и сказала. А бабушки Таифе в то время дома не было, её подруги позвали в гости, в другой конец села...

Всё! Больше на эту тему Ахметсафа не хотел слышать ни слова, тем более при маленькой болтливой сестрёнке. Он чувствовал, что инэй не зря хочет удержать дома Хальфетдина, оставить его не просто как незаменимого работника... Ведь Гусмана она от армии не отговаривала! И что это Гусман абый надумал? Когда успел? А где отец? Всё ещё слу-

---

⁹ Инэй (инэй) (диал.) – обращение к матери.

шает речи красного комиссара Усманова?

Он поднял сестричку на руки, а Ахметхану сказал: «Дуй сейчас же к Новой мечети, отец там должен быть. Приведи его домой».

И почти шёпотом добавил: «Ни слова об инэй и Хальфи абый, понял?»

Ахметсафа с сестрёнкой на руках пошёл к дому. Дворы в Каргалах обычно небольшие, но двор Мустафы ага был очень просторным, вместительным. Здесь находились два дома, сложенные из саманного кирпича. Дом поменьше – спальное помещение для детей, а дом побольше, побелённый, считался главным домом – «олы йорт».

Гусман сидел возле печи в малом доме, низко опустив голову, как провинившийся перед кем-то человек. Увидев младшего брата, обрадовался, посветлел лицом.

– Отец не вернулся ещё? – спросил он.

– Ахметхан за ним побежал... А ты чего надумал? Я с ног сбился, спасал тебя, а ты... – начал высказывать свою обиду Ахметсафа, но абый подошёл к нему, взял с его рук сестрёнку, прижал её к груди и коротко сказал:

– Так надо, братишка...

– И Хальфи абый в армию собирается...

Гусман горько усмехнулся:

– А как же ... И он пойдёт, никуда не денется.

– Хотя инэй уговаривает его остаться... Я сам видел...

Гусман недовольно поморщился:

– Уже успели к бабушке Тайфе сходить, пострелы...

Он опустил девочку на пол, и Биби тут же юркнула за дверь: ей бы лишь в игры играть.

Гусман положил руку на плечо брата:

– В том-то и дело, братишка. Всё дело как раз в этом Хальфетдине. Сегодня я с ним очень серьёзно поговорил. Предложил ему выбор: или мы вместе идём в армию, или я убью его. Только ты никому об этом не говори. Знай, но помалкивай. Договорились?

Ахметсафа в недоумении пожал плечами:

– Почему ты так настроен против Хальфетдина? Да если бы не он... Вы ведь с отцом дома редко бываете, а он всё хозяйство ведёт. Они с мамой всё хозяйство на себе держат.

– Рано с тобой об этом говорить... Подрасти немного, повзрослей, а когда я вернусь из армии, тогда и поговорим как мужчины. Только не обижайся, ладно? А пока слушайся меня, делай как я велю. О нашем разговоре – ни слова! Никому! Он должен остаться нашей тайной.

Увидев спешно возвращавшегося отца, они замолчали.

– Ты что это надумал, сынок? – с порога заговорил Мустафа ага... Дыхание его прерывалось от быстрой ходьбы. Отдуваясь, он уселся на саке¹⁰.

Гусман уже взял себя в руки. Он провёл ладонями по лицу, словно стирая краску смущения, и взглянул на отца:

– Так больше нельзя... Сам подумай, отец, сколько мож-

---

¹⁰ Саке (сэке) – низкий топчан, лежанка.

но прятаться по чердакам и сеновалам? А в Оренбурге жить стало ещё опаснее, чем в деревне. Всё равно меня найдут, не красные, так белые, не дай бог, ещё и застрелят как дезертира. Лучше добровольно записаться в Красную Армию... А там видно будет... Ведь мне уже двадцать лет, отец, пойми.

Мустафа долго сидел, о чём-то задумавшись, а потом тихо спросил:

– А где же ваша инэй?

– У бабушки Таифе, – нехотя ответил Гусман.

– Ахметсафа, сынок, сбегай к бабушке Таифе, приведи мать.

...Ещё только поднимаясь на крыльцо дома Таифе, Ахметсафа услышал плаксивый голос инэй:

– Не-ет, милый мой Хальфетдин, и не ду-умай, не-ет!.. Хочешь, уйдём отсюда вместе, куда глаза глядят, с тобой – хоть в преисподнюю, только не оставляй меня одну!

Хальфетдин что-то бормотал в ответ, но слов его не было слышно.

– А я? – продолжала убиваться Шамсия инэй. – Почему ты думаешь только о себе?...

Теперь уже и Ахметсафа начал понимать всю подоплёку отношений между их мачехой и наёмным работником.

Хальфетдин был сыном той самой бабушки Таифе, славился как трудолюбивый, исполнительный, мягкий душой человек. Его и дети любили. Джигит он был пригожий и лицом, и статью, и умом его бог не обидел. Да и хозяйке он, ви-

димо, по душе пришёлся, Мустафа это сразу почувствовал.

Действительно, Шамсия одна еле-еле справлялась с большим хозяйством. Ведь Мустафа всю зиму пропадает в казахских степях, собирает шкуру животных, стал брать на свои промыслы и Гумерхана, а Гусман пропадал в Оренбурге, в книжном магазине дяди Гумера. Словом, прошло вероятно, года два такой нелёгкой жизни, и Мустафа, наконец, решил взять в дом хорошего работника. Сын бабушки Таифе, кажется, вполне годился для этой роли. Хальфетдин очень быстро стал своим человеком в доме, выполнял самые тяжёлые работы по хозяйству, с удовольствием возился с маленькими детьми. Иногда, когда дети упрямились, Шамсия инэй грозила им:

– Опять вы дерётесь, озорники! Вот скажу Хальфетдину, он уши-то вам надерёт! Хватит вам драться, не то весь дом разрушите ещё до приезда отца...

И лукавым, любящим взглядом посмотрев на Хальфи, добавляла: «Впрочем, когда ещё ваш отец вернётся?...»

Хальфи при этом как-то странно хмыкал, а в голосе Шамсии появлялись оттенки то надежды, то, напротив, безысходности.

– Да, не сидится дома вашему отцу. Не успеет он отдохнуть, как придёт к нему вездесущий Давли бай, вернувшийся из казахских стойбищ и кишлаков. Дескать, казахи только и ждут, когда у них закупают шкуры. Мустафа, как обычно, побалагурит: «Эх, Давли, – скажет он. – Если с тобой по-

ехать, то, как пить дать, целый месяц, а то и два, прождёшь этих медлительных казахов, пока они не соблагоизволят, наконец, принести к тебе шкуры и другие кожи...» И всё равно ведь уходит с этим пронырой Давли, уходит, хотя и клянёт всё на свете, и...»

Тут Хальфетдин пытался остановить многословие Шамсии:

– А что ему делать? Такими, как он, агентами, богатеи любят помыкать. Езжай туда, не знаю куда, привези то, не знаю, что... А ведь знают они, что Мустафа ага никогда пустым не вернётся, всегда приедет с обозом, доверху набитым шкурами и кожей...

– А о нас он подумал? – возражала Шамсия. – Каково нам здесь? Хорошо ещё, что бог надоумил его взять тебя в наш дом...

Тут она рдела, словно красна девица, и становилась ещё красивее.

...Поначалу они позволяли себе вести подобные разговоры и в присутствии Ахметсафы, но со временем стали избегать рано взрослеющего подростка, уединялись где-нибудь в уголке и заговорщицки шептались, смолкая тут же при появлении Ахметсафы. Тогда Хальфетдин предпочитал ретироваться с видом кота, тайком съевшего хозяйскую сметану...

...Когда начали мобилизовывать солдат на фронты новой, уже гражданской войны, многие деревенские парни предпочитали скрываться. Но в прошлом году несколько юношей

поймали и расстреляли как дезертиров, выведя их на берег Сакмары. А сегодня этот головорез Хабри пригрозил расстрелять каждого, кто окажется дезертиром. Народ испугался. Гусман отлёживался на чердаке. Однако шустрый Ахметхан успел «по секрету» сказать маленькой Биби, где прячется их Гусман абый. Трёхлетняя Биби тут же поставила этот «секрет» на службу своим интересам. Однажды она завопила на весь двор:

– Хочу на чердак, к олы абый! Хочу к олы абый!

Ничего не поделаешь, пришлось маленькую проказницу поднимать на челдак. Впрочем, Гусман всегда был рад повозиться с любимой сестрёнкой, для которой готов был хоть луну с неба достать. Вскоре Биби прочно обосновалась на чердаке, порой стоило больших трудов выманить её оттуда. И не дай Бог, если что-нибудь бывало не по ней. В таком случае маленькая шантажистка тут же начинала вопить:

– А вот и скажу! Скажу-у! Плячешься! Скажу, где плячешься! Скажу дядям с винтовками, вон они ходят по улице! Если меня не будешь любить, всё скажу!..

Гусман, наконец, не вытерпел и стал скрываться в других домах, у родни, друзей, знакомых. Однако это было вдвойне опасно, так как невольно подставлялись под удар хозяева, которых могли осудить за «укрывательство дезертира»... Не зря говорят, что бережёного бог бережёт. Гусман чувствовал, как сгущается беда над его головой. И вот однажды красноармейцы неожиданно застали его за обычным

для прибрежных жителей занятием: складированием брёвен, вынесенных на берег во время бурного весеннего половодья. Тогда он и решил: если останется в живых, то добровольно запишется в Красную Армию, но не один, а вместе с этим ловкачом Хальфетдином. Укрываясь на чердаке, он не раз подмечал из своего укрытия интимные нюансы в отношении между мачехой и домработником, мучился этим «открытием».

Всех пойманных «дезертиров» сначала собрали в «караулке». Последним втолкнули Хальфетдина. Гусман вспомнил, как однажды Хальфи похвалялся: «Я сделал себе тайник под полатями, в жизни никто меня не найдёт!» Как видно, не помог ему схрон, или не молился Хальфи в тот день. Гусман искренне обрадовался поимке батрака. Улучив момент, чтобы другие не слышали, он откровенно поговорил с Хальфетдином, поклявшись в случае чего выполнить свою угрозу. Хальфи хотел было взъерепениться, но тут же осёкся, увидев под носом пудовый кулак юноши-силача.

...Молодка заметила тихо вошедшего Ахметсафу и отпрянула от Хальфи. И всё же, как и всякая женщина, она хотела, чтобы последнее слово в споре с любовником оставалось за ней.

– Ну и упрямый ты! – с досадой прошипела она. – Лежи себе на печи, пока всё не утихомирится! Не бойся, никто ничего не узнает. А пока бабушка Таифе не поправится, я сама тебе еду носить буду. Так что оставь свои глупые мысли.

Хальфи исподлобья посмотрел на Ахметсафу и процедил:

– Обернись, не видишь, что ли, за тобой пришли... Скоро обеденный намаз... Я же не собираюсь немедленно, сию же минуту в армию бежать... Как говорится, как-нибудь после обеда.

IV

Весна девятнадцатого года выдалась тёплой и дружной, не то что годом ранее. Уже в середине апреля земля созрела для пахоты, а в середине мая в Каргалах завершили посевные, да и многие другие работы.

Зато в торговле дела не особенно удавались. В роду Давлетъяровых испокон веков занимались сбором шкур у казахов-скотоводов Тургайской степи и сбытом этой сырьевой продукции в Оренбург и другие города. Поэтому и приклеилось к Давлетъяровым прозвище «Каеш», что можно перевести на русский язык как «кожаный ремень» или «кожаный».

И все Давлетъяровы, действительно, отличались необыкновенной выносливостью, словно были выделаны из ремённой – самой прочной – кожи. Правда, из всех Давлетъяровых в последнее время старинным родовым промыслом занимался один лишь Мустафа. Ремесло его было не особенно доходным, но всё-таки более-менее надёжным: в любое время года, за исключением песчаных или снежных бурь, у казахов можно было найти достаточное количество самых разнообразных шкур. Кроме того, торговля в татарских деревнях традиционно пользовалась почётом и уважением. И всё бы хорошо, только наказал за что-то Аллах раба своего Мустафу, отнял у него жену в расцвете лет и сил. Красивая, трудолюбивая, жизнерадостная и ласковая Магинур

умерла внезапно, от какой-то злой хвори. Через год в дом вошла вторая жена, молодая «солдатка» Шамсия, но не лежало к ней сердце Мустафы. Нет, не подумайте, что Шамсия оказалась нерадивой и ленивой женой, вовсе нет. Второй такой вряд ли отыскать во всём междуречье, и Мустафа должен считать Шамсию поистине даром небесным для себя. Но чего-то не хватало в их отношениях. Чего же? Мустафа так и не смог до конца распахнуть свою душу перед Шамсией, а без этого нет и не может быть истинно близких и, в конце концов, доверительных отношений. Да-да, именно доверия, того самого, особенного доверия, которое существует только между мужем и женой, так не хватало Мустафе. Он никак не мог дать Шамсие всего того, чего так страстно и долго ожидала женщина: ласки, нежности, любви, да-да, пусть немного сумасшедшей, но горячей любви! Мустафа ещё был далеко не стар, он сильный, крепкий мужчина средних лет, вполне способный на любовный пыл. Но... не чувствует он Шамсию по-настоящему родной, единственной, без чего не может быть доверия. А если между супругами нет глубоких, доверительных отношений, то нет и самой супружеской, семейной жизни. Что странно, так это то, что Шамсия, кажется, нисколько не переживает по поводу охлаждения их отношений. Возможно, она просто не подаёт виду, хотя внутри у неё всё кипит?

Вскоре Мустафа стал замечать, что молодая жена едва скрывала свою радость и оживление всякий раз, когда он

снова собирался в дальнюю дорогу по своим торговым делам. Лицо её светлело, походка становилась лёгкой, движения – быстрыми. В её разговорах, обращении с детьми или мужем в эти минуты ощущалась какая-то неприятная, тревожная таинственность. Мустафа не мог понять причин такого изменения в поведении жены, и это очень беспокоило его. Но сегодня он, кажется, понял жену, когда она всплакнула, вспоминая первого мужа, сгинувшего на войне. Ему даже стало легче на душе. Разве это грех – горевать по ушедшим в мир иной близким людям, особенно если эти люди были тебе любимым мужем или любимой женой?

Мустафа сам знал такие минуты, когда сердце его вдруг пронзала боль воспоминаний о безвременно ушедшей Магинур.

Сыновья подрастали и улетали из родного гнезда... Гумерхан с Гусманом воюют в Красной Армии. Дай-то Аллах, чтобы живыми вернулись домой. Хальфетдин, ушедший в армию вместе с сыновьями Мустафы, вскоре вернулся, вернее, дезертировал. Об этом ему по секрету сказала мать паренька – старуха Таифе. Но никто не знал, где прячется этот ловкий беглец. Впрочем, в любом случае, нанять его заново не представлялось возможным: всюду шныряли военные отряды. К счастью, подрастает Ахметсафа, ему уже четырнадцать лет, и он превращается в настоящего джигита и надёжного помощника. Среднего роста, широкоплечий, с пронзительным взглядом чёрных глаз, Ахметсафа взвалил на себя

почти всю работу в хозяйстве. Во всяком случае, во время посевных работ Мустафа благодаря сыну особо не напрягался...

Почти сразу по окончании сева к Мустафе пришёл Давли бай – ещё один представитель славного рода Давлетъяровых, вернее, одного из самых сильных его ответвлений. Давли бай готовился выехать в казахские степи, откуда хотел пригнать гурт скота. Ему нужен был помощник, и он пришёл просить за Ахметсафу, четырнадцатилетнего сына Мустафы.

«Народ мне все пороги пообивал, работу испрашивая, – начал Давли бай. – Сам знаешь, народу работа нужна, особенно в нынешнее смутное время. Только теперь не очень-то берут на работу подёнщиков. Время, говорю, непонятное...»

– М-да... – покачал головой Мустафа. – Времена расплывчатые. Приходится вертеться, как белка в колесе... Да толку мало... Недавно я тоже в казахской стороне побывал, да не особенно удачно...

– Так-то оно так, но нам, торговым людям, недосуг ждать, пока мир успокоится и образумится. У торговли свои, незыблемые законы, Мустафа туган¹¹, и если её не поддерживаешь в заданном ритме-то, все твои сбережения могут за один день сгореть. М-мда... Значит, Гусмана ты в армию отдал. Что же, дело хозяйское, только вот что я тебе скажу, туган: у Гусмана жилка торговая имеется, ему своё дело надо открывать. Видел я, как он управляется в книжном мага-

---

¹¹ Туган – родня, родственник, браток (здесь: сородич младшего возраста).

зине Гумера абзый. Любо-дорого смотреть! Думаю, в роду Давлетъяровых на одного почтенного купца больше станет. Даст Аллах, вернётся он с войны, и женим мы его на дочке какого-нибудь удачливого купца.

Мустафе нравились слова гостя, и всё же он сдержанно ответил:

– Хи-и, Давли абзый, давай не будем садиться верхом на ещё не рождённого жеребёнка! Всему своё время. Неизвестно, чью дочь он сам выберет себе в жёны. Если понравится ему дочь купеческая, что же, быть посему, а если...

– Не говори так, Мустафа! – строгим голосом перебил его Давли бай. – Если не хочешь, чтобы обмельчал наш славный род, ищи невесту, равную нам. В противном случае как бы не пришлось горько каяться, но тогда уже поздно будет: близок локоть, да не укусишь. Кроме того, джигиту нельзя долго ходить в холостяках, семейные узы и брачное ложе лишь подстегнут его способности, и дело его от этого только выиграет. А у нас дело – превыше всего!

Убедившись, что Мустафа, наконец, поддался чарам его красноречия, купец решил, что называется, брать быка за рога:

– Стало быть, ходит и ходит ко мне народ, работу испрашивают. Только я отвечаю: «Нет, дорогие мои, и не думайте, потому что я уже обещал взять в помощники Ахметсафу, сына достопочтенного Мустафы»... Если ты, конечно, непро-

тив, туганкай¹².

Мустафа задумался, не зная какое решение принимать. С одной стороны, неудобно отказывать влиятельному родственнику, с другой стороны...

Ситуацию разрешил сам Ахметсафа.

– Я пойду, папа? – спросил он. – Ведь в прошлом году я помогал Давли баю пригнать скот из-под Актюбинска.

Отец сдался. Ударили с купцом по рукам, договорились насчёт оплаты.

...И вот теперь, по всем расчётам Мустафы, Давли бай с Ахметсафой должны возвратиться. Однако пока ни их, ни стада не видать: ни облачка на горизонте.

А на душе Мустафы тошно, муторно. О чём только он не передумал, повязывая красные ленты на белоцветные яблоневые ветви... Из тяжких раздумий его вывел лишь голос Шамсии, зовущей мужа на утреннюю трапезу...

... Едва они допили чай, как дверь с шумом распахнулась, и в дом вошёл, вернее, почти ворвался обожжённый степными ветрами Давли бай и зарокотал:

– У-уф, Мустафа туган! Что за непоседа эта Биби, а? Ну, егоза! Плутовка маленькая! Не успел я остановить лошадь, как эта Биби кубарем скатилась откуда-то прямо в арбу. Ах, бесовка! В такое раннее утро уже на ногах, пострелёнок!

Продолжая широко улыбаться, Давли бай перешёл, наконец, к традиционным приветствиям:

---

¹² Туганкай – уменьшительно-ласкательное от «туган» (родной).

– Эссэлэмүгэлэйкүм вэ рахмэтүллаһи вэ бэрәкәтүһү¹³, Мустафа туган!

Гость грузным мешком плюхнулся на скамейку, перевёл дух и продолжил:

– Да ниспошлёт тебе Всевышний благоденствие!

Затем наступила очередь молитвы, а потом – взаимные расспросы о здоровье, благополучии семьи и т. д. Наконец, Давли бай закончил с необходимым ритуалом и перешёл к новостям.

– Хвала Аллаху, Мустафа туган! Овечий гурт пригнали ещё вчера, поздно вечером... Ну и славный у тебя хлопец, скажу я тебе, Мустафа джан! Ничуть от других не отставал. Молодец! Пригнали весь скот, ни одну овцу не потеряли.

Снизив тон, Давли бай счёл нужным отметить и свои личные заслуги:

– Хи-хи... Да и как же иначе? Ведь я лично за всеми при-
сматривал, день и ночь с ними был... М-мда... За молодё-
жью нужен глаз да глаз. Сам лично не уследишь – всё поте-
рять можешь, так-то, туган... Ну, конечно, и знакомые каза-
хи помогли. Без охраны никак нельзя. На дорогах то и дело
военные отряды шастают, то там, то здесь стреляют. Ужас!
Бывали дни, когда не знал, что делать со скотом, куда его
девать... Окружными путями, обходя районы боевых дей-
ствий, с великими трудностями пригнали мы скот и сдали по

---

¹³ Эссэлэмүгэлэйкүм вэ рахмэтүллаһи вэ бэрәкәтүһү – мира вам, милости и благословения Аллаха.

назначению, элхэмдүллилэһи... Что верно, то верно: деньги с неба не падают. Расходы были большими, пришлось немного денег у оренбургских друзей занять. Вчера вечером, хоть и усталый был, а полночи глаз не сомкнул, всё деньги считал, прикидывал, что да как. И выходит, Мустафа туган, что расходы мои превышают доходы. Такая вот незадача...

Мустафе, по правде говоря, не было никакого дела до финансовых затруднений Давли бая. Его беспокоило одно: разскот пригнали ещё вчера вечером, где же в таком случае Ахметсафа? Почему ещё не дома? Конечно, беспокойство о сыне отнюдь не означает, что Мустафа безразличен к делам своего компаньона и родича, нет. Мустафа не из таких, кто радуется, когда у близких ему людей возникают проблемы и затруднения. Мустафа – человек сострадательный и понимающий... Но сейчас его занимал другой вопрос: где Ахметсафа? А Давли ага всё витийствовал:

– Встал я рано утром, думаю: погоди-ка, нужно к моему приятелю Мучтаю сходить, навестить его...

Мустафа нахмурился. Ему не нравилось, когда его имя искажали при нём же. В другом месте, где самого Мустафы нет, пожалуйста! Но при нём же... Подавляя раздражение, Мустафа требовательно и строго посмотрел на болтливого гостя, понимая, что этот старый лис затевает какую-то очередную хитрость.

– А сынок твой остался вчера в Оренбурге, у Гумера абзый, малость отдохнуть решил, намаялся с дороги, – сказал

Давли бай. — А что, он ещё не пришёл домой?

— Намаялся, наверное, дитё ведь ещё.

— Конечно, устал, конечно! — живо подхватил Давли бай. — Хотя не очень-то я их гонял, жалел... всё-таки...

Наконец, он вынул из кармана бумажник, повернулся к Мустафе боком и начал сосредоточенно считать деньги. Лицо его порозовело, на лбу выступил пот. Закончив счёт, он с решительным видом протянул Мустафе пачку ассигнаций:

— Возьми, Мустафа туган, эти деньги Ахметсафе причитаются. Извини, что пришлось сбавить плату, говорю же, расходы были велики, да и риск был немалый. Сам же сказал, времена нынче беспокойные, расплывчатые.

Мустафа равнодушно взял деньги и сунул их под скатерть. Давли шумно допил чай и поспешил по своим делам с такой же быстротой, с какой зашёл в этот дом. Словно очнувшись, Мустафа только и успел сказать гостю:

— И на том спасибо, Давли абзый, на всё воля Божья.

Он вышел на крыльцо проводить гостя, но того уже и след простыл. Мустафа понял, что купец спешил рассчитаться с ним прежде, чем Ахметсафа вернётся домой. А Мустафе можно сказать что угодно. Настоящую цену своего труда знает только тот, кто его выполняет, трудится в поте лица. Ещё деда говаривали: если хочешь купить дом, прежде всего спроси, сам ли хозяин строил этот дом или отцовское наследие продаёт? Если дом отцовский, можно смело торговаться, но если хозяин сам строил дом, и близко не подходи,

потому что цена будет такой высокой, будто каждый заколоченный гвоздь вылит из чистого золота. Нет ничего ценнее, чем собственный упорный труд!

Сидевшая верхом на заборе Биби увидела отца и заверещала:

– Этием¹⁴! Посмотри, куда я залезла!

И подняв обе ручки, она попыталась встать, удерживая равновесие канатоходца. Мустафа быстро снял дочку с изгороди, прижал шалунишку к груди, щекая своей наполовину поседевшей бородой её теплую белую щёчку, понёс её, довольной хохочущую, в дом. Девочка счастливо и весело смеялась, освещая для Мустафы весь этот смутный мир.

Дома он пересчитал деньги, данные Давли баем: оказалось, ровно половина обговорённой суммы...

В тот вечер Ахметсафа и не помнил, где и как заснул. Две недели степных странствий, трудных переходов, дежурств у ночного костра и дневной беготни за бестолковыми овцами, норовившими разбрестись по необъятной степи, – всё это выбило его из привычной колеи, высосало все силы. Смутно помнит он, как очутился в доме их родственника, крупного книготорговца Гумера абзый, и провалился в глубокий сон, или, как говорят на востоке, пропал на базаре сна.

Проснувшись от бьющего сквозь оконные занавески яркого солнца, он ещё долго лежал, не в силах встать или пошевелить даже пальцем. Всё тело ныло, как от побоев, гла-

---

¹⁴ Этием (этием) – папочка.

за слипались, и только холодная ключевая вода освежила и взбодрила Ахметсафу.

Гумер ага с довольным видом осматривал своего племянника. Как быстро растут дети! Вот и Ахметсафа становится настоящим джигитом, богатырём, хотя всё ещё не пришёл в себя окончательно после «прогулки» по степи.

– Досталось тебе, а? – посочувствовал он парню. – Чума-зый стал, как чертёнок. Дома, небось, не узнают тебя в таком виде? Может, отдохнёшь с недельку у нас, в баню сходишь, сил наберёшься? Домой всегда успеешь...

Ахметсафа, не теряя серьёзности, покачал головой, хотя даже от такого лёгкого движения шею чуть не свело. Кажется, всё тело состоит из одних только ран и ушибов.

– Нет, дядя, – ответил он. – Мне побыстрее домой нужно, спасибо, ак абзыкай.

«Ак абзыкай» – дословно «белый дядя», то есть «просвещённый», «светлый знаниями дядя». Так называл его Ахметсафа.

Гумер абзый рассмеялся:

– Ну-ну, тогда торопись, а то сорока-белобока на хвосте весть принесла, будто все Каргалы завтра за реку переселятся. Смотри, не опоздай, не то родной аул в степи потеряешь...

Затем он сменил шутливый тон на серьёзный:

– Вернёшься, конечно, куда же ты денешься, раб Божий? Только не спеши так. После еды следует отдохнуть малость.

Мы подыщем тебе приличную одежду, не в этих же лохмотьях перед деревенскими красавицами появишься? Не забывай, что мы – Давлетьяровы! Звёзд с неба не хватаем, но на земле стоим твёрдо и верим в свои силы. Нам есть чем гордиться перед народом! Хвала Аллаху, никто ещё из Давлетьяровых не замарал чести славного рода.

Хозяин повёл подростка в большую прохладную комнату, отведённую под библиотеку.

– Иди-ка сюда, юноша. Видишь это богатство на полках? Не сокровища Али-бабы, конечно, здесь бриллианты другого рода – духовные! Жемчужины нашей национальной культуры! Книга – вот истинное богатство! Читай, впитывай, учись, служи своему народу! Такой должна быть твоя цель, твоя задача.

После жгучего солнца и горячей пыли степей эта прохладная, тихая, слегка освещённая библиотека казалась для Ахметсафы источником неги, отдыха, мудрости. Ахметсафа бродил по библиотеке, будто по сказочным пещерам Аладдина. Окна плотно зашторены, везде стерильная чистота, на журнальном столике неярко горит светильник. Гумер абзый взял с полки книгу, полистал её и спросил Ахметсафу:

– Что ты знаешь о Гаязе Исхаки?

Ахметсафа слегка растерялся, будто на уроке, но быстро ответил:

– Это тот писатель, что написал рассказы «Суннатче бабай», «Нищенка»?

Лицо хозяина расплылось в улыбке:

– Вижу, вижу, что хальфа Мифтах не зря ест у вас свой учительский хлеб! Да, юноша, ты назвал некоторые произведения достопочтенного писателя –Гаяза Исхакова. Это человек прямодушный, цельный. Характер его не всем нравится, но вряд ли найдётся кто-то ещё, так много сделавший для просвещения и прогресса нашей нации!

– А ещё есть Тукай, Амирхан, Ибрагимов, Рамеев, да?.. – поднял на него вопросительный взгляд Ахметсафа.

– Браво, молодой человек, афарин! – поднял обе руки Гумер абзый. – Ты только что назвал имена самых ярких звёзд на небосклоне нашей литературы. Ты знаешь о них понаслышке или что-то читал из их произведений?

Ахметсафа вдруг встрепенулся, словно молодой жеребец, почуявший крепкую шпору, и звонким голосом начал декламировать:

...Я проклиная этот мир,
Устав от повседневной муки:
Ищу я в мире луч любви, –
Он тычет мне свечу разлуки...

– Афарин! Бр-раво, дорогой Ахметсафа! А теперь, будь добр, назови нам автора этих строк!

– Их написал Сагит Рамеев, – ответил Ахметсафа, снова чувствуя себя на экзамене, и поэтому невольно сосредотачиваясь, вспоминая всё, что знает о татарской литературе.

Ахметсафа очень любил читать татарских писателей, восхищался ими, даже считал какими-то «сверх-людьми». Вообще, такие понятия, как «творчество, поэзия, искусство», обладали в глазах Ахметсафы какой-то особой, притягательной, волшебной силой.

Почувствовал это и мудрый Гумер абзый. Услышав стихи Сагита Рамеева, он обрадовался, будто поймал диковинную птичку, и восторженно заговорил о литературе.

– О, да, юноша! Литература – это нечто! Она даёт человеку крылья, развивает ум, формирует эстетику... Нужно только научиться правильно воспринимать литературу. Смотри, как сильно сказал уважаемый Сагит эфенди о человеке, обречённом на противоречия с этим миром, на обман мыслей, чувств, стремлений! Наша литература очень богата и обширна, кроме упомянутых тобою мастеров, есть целый ряд не менее великих творцов, о которых должен знать каждый образованный, уважающий себя татарин. Знаешь ли ты хазрата Марджани?

– Слышал о нём.

– Мало слышать, дитя моё, мало! Марджани нужно знать так, как правоверный мусульманин знает молитвы намаза. Есть ещё один аскал нашей литературы и науки – почтенный Ризаэтдин Фахретдин.

– Мы изучаем его произведение «Салима»! – обрадовался Ахметсафа, которому так не хотелось ударить в грязь лицом перед учёным дядей.

– Спасибо, юноша. Значит, ты хотя бы немного знаком с творчеством Ризы хазрата. Что же, похвально... Я всё время говорю, что наша литература немислима без таких титанов мысли и духа, как Риза Фахретдин. Конечно, есть и много новых имён талантливой молодёжи, но Риза Фахретдин остался бы в истории даже в том случае, если бы написал за всю жизнь лишь одно произведение – «Салиму». Вот где истинное величие, вот где настоящий национальный дух, умение понять народную жизнь из глубины и написать произведение так, чтобы заставить задуматься сотни тысячи умов! Учись, сынок, читай и внемли, не всё время ходить Давлетъяровым по степям в поисках ременной кожи, не всегда быть им ремесленниками, сборщиками шкур или торговцами, нужно осветить свою дорогу светом знаний, лучом науки!

* * *

По дороге домой, спускаясь с горы Сакмары на сельскую дорогу, а потом подходя уже к мосту, Ахметсафа не уставал думать над удивительными словами дяди Гумера. Эти слова окрыляли юношу, звали вперёд, наполняли жизнь сокровенным смыслом, манили теплом загадочного света... С небес на землю его «спустила» старуха Таифе, внезапно появившаяся на дороге. Завидев отрока, она воскликнула:

– Ахметсафа-а, дитя моё, это ты! А я не сразу узнала тебя.

Даже испугалась: думаю, что же за человек спускается с горы и вроде никуда не торопится. Времена нынче наступили такие, что любого путника опасаясь. Не посмотрят, что старуха, из-за нищенской котомки зарежут. Вот и спряталась я от греха подальше в прибрежных кустах.

Старуха, ещё более сгорбившись, снова оглянулась, удостоверясь, что вокруг нет ни души, и заговорщицки притянула к себе парня за ворот рубахи:

– Слушай, джигит, только что в деревню прошёл вооружённый отряд. Снова начнут шуметь, митинговать... Кажется, красные... Я сначала по большаку шла, а как их увидела, спряталась в лопухах, а потом свернула на просёлочную дорогу. Командир ихний на прошлогоднего комиссара похож. Усманов, кажется. Тот, кто в прошлом году несколько парней в армию увёл. И Хальфетдин мой с Гусманом вашим в армию пошли. Только Хальфетдин на пути к Ташкенту из поезда выпал... А от Гусмана весточки нет?

– Не было ещё, бабушка Таифе. Как в воду канул. Отец беспокоится, переживает, ночами не спит...

– Шамсию видела, спросила и она: нет ли, мол, вестей от Хальфетдина. Спасибо, что не забывает старушку. И сегодня дом под её присмотром оставила, а сама в Оренбург собралась, старшую дочку навестить.

Старухе Таифе не терпелось сообщить главную новость. Ещё раз быстро осмотревшись по сторонам, она затараторила:

– Хальфетдин-то мой прячется сейчас в тайнике под полатями. Сундук под тайный схрон приспособил, ага... Ловкий он у меня, умелец, золотые руки, как бы не пропал, горемычный. Боюсь я за него, вдруг узнает кто-нибудь и донесёт комиссарам, заберут тогда Хальфетдина, арестуют. Хотя вроде ни одна живая душа его не видела. Наш дом, сам знаешь, в глаза не бросается, не дом, а лачуга в тени других добротных домов. Кто же подумает, что в такой жалкой избушке прячется здоровенный джигит, так ведь? Хальфетдин в детстве озорным, шепутным был, ведь без отца рос. Так я волновалась за него! Заиграется он дома, ненароком в стену ударится, а стена-то саманная, хлипкая, дрожит вся, того и гляди обвалится. Ой, что говорить!.. Аллах миловал... Лишь бы жив был, здоров остался... Завалился он ночью домой, говорит: «Соскучился я по тебе, не могу больше, инэй!». Да-а, несладко, видать, в армии этой. И где, интересно, носит горемыку Гусмана?

Ахметсафа не был настроен выслушивать болтовню старухи, он двинулся дальше, но бабушка Таифе снова остановила его:

– Погоди-ка, сынок, просьба у меня к тебе. По пути зайди к нам, проведай Хальфетдина, предупреди: солдаты в деревне! Пусть лучше в сундуке своём лежит. А то он хотел топором новое выстругать...

Пообещав старухе выполнить её просьбу, Ахметсафа поспешил в деревню.

Интересно, чем заняты сейчас домочадцы? Не появилась ли весточка от Гусмана? Не к добру это молчание... А тут ещё этот Хальфетдин, явный дезертир. Как бы в руки красным не попал. Ахметсафа уже знал: у красных речь красна, но дела их приносят деревне одни беды. Слушая их разглагольствования о свободе, братстве, равенстве, о земле, поневоле думаешь: можно ли борьбой за счастливую жизнь оправдать все жестокости красных, их нежелание ни с кем и ни с чем считаться для достижения своих целей? Этот вопрос не давал ему покоя даже в суматошной беготне по жаркой степи за блеющими в пыли овцами, но на этот вопрос пока не находилось ответа. И ещё одно он не мог понять, тем более оправдать: как можно проливать кровь ни в чём не повинных людей?

...Он ещё издали увидел народ, собравшийся возле Новой мечети. Наверное, опять митинг. Сейчас потекут медоточивые речи... Ахметсафа спешил домой, но сначала всё-таки решил уважить просьбу старухи Таифе и предупредить её сына о нагрянувших солдатах.

V

Первая ночь пребывания мусульманского полка в Оренбурге выдалась спокойной. А утром, после завтрака Усманов решил посмотреть и проверить, как устроились солдаты, каково их настроение. Не успел он одеться, как кто-то нетерпеливо застучал в дверь и, не дожидаясь приглашения, вошёл внутрь. На пороге появился Нигмат Еникеев, отвечающий в полку за культурно-просветительскую работу. Несмотря на вчерашний поздний отбой, он с самого утра уже был на ногах и успел побывать в штабе войск, защищающих город. По правде говоря, Усманову не очень нравилась излишняя расторопность своего подчинённого, но выговаривать он не стал. Оказалось, здешнее командование уже успело отдать Еникееву приказ о подготовке и проведении концерта, и вот Еникеев примчался советоваться с комиссаром. Городские власти, организовавшие оборону Оренбурга, ещё не успели познакомиться с командиром и офицерами полка, но уже пытались взять под своё начало прибывший полк, показывая тем самым, «кто в доме хозяин» и чьи фэрманы¹⁵ предстоит выполнять беспрекословно. Надо признать, что вопрос подчинённости войск имел для солдат важное значение, а в некоторых случаях являлся вопросом жизни и смерти, поэтому должен был быть решён как мож-

---

¹⁵ Фэрман (фэрман) – приказ.

но быстрее. Оренбургские «градоначальники», едва завидя какого-нибудь войскового командира, спешили отдать ему приказ, неважно какой. Лишь бы подчеркнуть своё единоначалие. Однако в город пришла не партизанская вольница, а регулярный полк Красной Армии, знающий и порядок, и дисциплину, и субординацию. И пора доказать это «градоначальству». Поняв, что творится на душе у культорга, Усманов улыбнулся:

– Ну что ж... Приказ есть приказ. Его надо выполнять. Но не так быстро, как они хотят. Сначала ознакомься с программой артистов, потом её должен утвердить штаб полка. Первое выступление в городе требует от артистов особой ответственности. Где, перед кем будут они выступать, как примут их зрители? Всё это очень важно. Придётся мне самому сходить в Центральный штаб городской обороны и согласовать с ними все необходимые вопросы. Кажется, оренбургские товарищи слегка утратили чувство реальности и, раздавая свои бестолковые приказы направо-налево, принимают нас за мальчишек на побегушках. В город вошла не ватага оборванцев, а регулярные части Красной Армии, в данном случае – 1-й Татарский Стрелковый полк. И чем раньше товарищи поймут это, тем лучше будет для них.

Рассудительный разговор комиссара пришёлся по душе Еникееву. Он улыбнулся:

– И я такого же мнения, товарищ комиссар.

– Хорошо. Тогда пошли. Сначала посетим вагон, где раз-

местился штаб.

Усманов шагал широко, уверенно, за ним следовал Еникеев.

Оказалось, что комиссар полка ещё вчера вечером встретился и имел беседу с представителями Центрального штаба обороны города, и таким образом многое узнал о ситуации в городе. Недавно в окрестностях отгремели бои с колчаковцами, причём решающая битва произошла возле аула Каргалы. Война есть война, она сопровождается смертями и разрушениями. Сильно пострадали каргалинцы, многих людей не досчитались, много домов и построек потеряли... Едва отгремели последние залпы, как в село пришли красные, и тут крепко задумались каргалинцы, недовольные самоуправством красных: что делать? Решили собрать джиен (народное собрание или вече – по-русски). Жаловались командиру красных на грабежи, насилия, самосуды и самодурство солдат... Вместо того, чтобы наказать виновных, командир, наоборот, решил взять их под свою защиту. Каргалинцы возмутились, заволновались, снова собрали джиен... Таким образом, мусульманскому полку предстояло ещё загладить чужую вину, как-то смягчить ожесточившийся народ. А тут ещё колчаковцы из-под Актюбинска грозят новым наступлением. Как бы ни было, очень неприятно чувствовать у себя за спиной, в тылу враждебное дыхание таких больших и многочисленных сёл, как Каргалы. Впрочем, есть надежда, что комиссар Усманов, успевший заслужить в прошлом году неко-

торый авторитет у каргалинцев, вновь сможет найти общий язык с народом. Тем более, что на помощь комиссарскому красноречию прибыла бригада татарских артистов. Первый концерт решено было дать в ауле Каргалы.

И вот труппа артистов в сопровождении отряда солдат отправилась в гости к строптивым каргалинцам. Особенно радовались девушки-артистки – ведь вместе с ними едет комиссар Усманов – завидный жених, в которого были влюблены почти все артистки! Да и сам Усманов не из дерева, а джигит молодой, красивый, горячий, умеющий так посмотреть на девушку своими шалыми карими глазами, что сердце девичье тут же сладко-сладко замирало. А как лихо, молодцевато сидит он на коне! Орёл! Когда он в гневе, девушки боятся даже подойти к нему, но зато с нетерпением ждут его визита, когда пригожий молоденький комиссар превращается чуть ли не в сорванца мальчишку, почти братишку окружавших его смешливых красавиц. Они были рады, что комиссар приходит почти на каждую репетицию и старается помочь артистам в меру своих сил...

Колонна артистов и охраны шла в Каргалы медленно. То и дело слышались шутки, смех, весёлые разговоры, песни.

* * *

Вид родной деревни всегда прибавлял Ахметсафе силы. Вот и теперь, совершенно забыв об усталости, он решился

на озорную мальчишескую выходку: проникнуть в дом старухи Таифе не через ворота, а через узкую щель между забором и лабазом, где обычно лазали одни кошки. Хальфетдин как-то хвастался, что может кого угодно узнать по звукам шагов. Так неинтересно. Ахметсафа предпочёл добратся до крыльца почти по-пластунски, с кошачьей осторожностью. Возвращение Хальфетдина не было для него секретом: зоркие глаза юноши не раз подмечали мачеху, тайком носившую еду для беглеца. Никто об этом, кроме него самого, не знал. Даже отец...

Ахметсафа осторожно проник в сени. Ему почему-то расхотелось входить в дом с «сюрпризом», и он решил свистом предупредить хозяев о своём приходе. Но обветренные, потрескавшиеся на степном ветру губы не послушались его. Ахметсафа поморщился от боли в губах. Махнув рукой, он зашёл в дом и вдруг замер, услышав тихий смех и шёпот в том углу, где были полаты и схрон Хальфетдина. Ахметсафа недоумевал: уж не с самим ли собой разговаривает бедный Хальфи? Не тронулся ли он умом? Кто знает, как ведёт себя человек, почти год бегающий от всех других людей. Молодёжь его возраста в конце концов не стала искушать судьбу и подалась в армию, кто в белые, кто в красные. И только Хальфи до сих пор скрывается. Видишь ли, по матери соскучился и домой сбежал... Ахметсафа испытывал к Хальфетдину какую-то слегка брезгливую жалость. В прошлом году чудом избежав вместе с другими арестованными расстре-

ла, он то ли от радости, то ли от расстройства чувств решил непременно записаться в армию. Тогда он даже не слушал увещаний и просьб матери. Сверстникам говорил: «Нужно записываться в Красную Армию, не то нас перебьют тут, как зайцев». Но вот что странно: при этих словах Хальфи как-то заискивающе смотрел на Гусмана, словно ища его одобрения... А потом Ахметсафа собственными глазами видел, как его мачеха Шамсия висла на шее Хальфетдина, со слезами умоляя его остаться.

Высокие полаты от пола отделяла узкая лестница. Оттуда доносились странные звуки: будто вздохи коров... Ахметсафа нахмурился: непохоже, чтобы Хальфетдин так охал в одиночку, пусть даже от отчаянного безделья. Напротив, звуки явно выражали высшую степень удовольствия. Может, к Хальфетдину пришёл Ахметхан, и они сейчас забавляются какой-нибудь интересной игрой? Кстати, хорошо, что маленькая Биби не знает, где прячется Хальфетдин, не то расстрезвонила бы об этом на всю улицу. Ахметсафа вдруг почувствовал, как устал. Шутка ли пройти двадцать вёрст и первым делом зайти не домой, а к этому пугливому беглецу, чтобы предупредить его об опасности! И что же делает этот несчастный беглец? Хихикает и возится с кем-то, забыв обо всём на свете. А-а, чем гадать, лучше подняться и проверить самому! Ахметсафа так и сделал. Поднимаясь по узкой лестнице, он заглянул на край полаты и... В глазах у него потемнело... От увиденного Ахметсафа даже потерял

дар речь и застыл, словно приколоченный к лестнице гвоздями: ни слезть, ни подняться. Он увидел на полатах мачеху с Хальфой в недвусмысленной позе. Заметив смуглое, обгоревшее в степи лицо пасынка, Шамсия испугалась и резко оттолкнула навалившегося на неё Хальфетдина. Голая нога мачехи коснулась руки Ахметсафы, а подол платья прошелестел в миллиметре от его изумлённого лица. Женщина охнула, ойкнула, какая-то сила подняла её вверх и с шумом выкинула к сениям. Шамсия больно ударилась об пол. Вскочивший со своего места полуголый, ошалевший Хальфетдин наткнулся на совсем растерявшегося подростка и ударил его в грудь. Ахметсафа кубарем скатился с полатей, и пока он поднимался и приходил в себя, уже одетый Хальфи спрыгнул на пол и помог подняться Шамсие.

– Не ушибся, дорогуша? – мрачно спросил он подростка. – Разве так опрометчиво прыгают? Кем ты себя возмнил? Щенок!

Он со злостью схватил подростка за плечо, но тот вывернулся так, что рубашка разорвалась по шву. Хальфи вдруг плаксиво закричал:

– Ну, что ты здесь оставил? Чего ты тут ходишь? От меня и так уже полчеловека осталось... И что теперь будет? Что будет?.. А?..

Этот же вопрос, кажется, мучил и Шамсию. Неверной походкой ушла она в угол сеней и заплакала.

– Что нас ожидает?.. Господи, какой позор на мою голову!

Я тебе ещё весной говорила: уйдём отсюда, уйдём куда глаза глядят... С чужими детьми счастья всё равно не видать... – стонала и причитала Шамсия, словно продолжая давний спор с Хальфетдином.

В полутьме Ахметсафа вдруг отчётливо разглядел потное, покрасневшее лицо Хальфи. Беглец о чём-то усиленно размышлял, и, видимо, пришёл к выводу, что с парнем можно договориться, а теперь во что бы то ни стало надо быстрее привести в чувство женщину.

– Не надо, Шамсия, не плачь, – тихо сказал он. – Ахметсафа не ребёнок, он всё понимает, так ведь, братишка?

Он бросил на подростка какой-то диковато-свирепый взгляд, в котором сквозила неприкрытая угроза: дескать, если нас выдашь, то... Хальфетдин снова рванулся к подростку, но тут Шамсия, внезапно осознавшая всю опасность возникшей ситуации, кинулась ему наперерез с криком:

– Не смей его трогать! Не смей! Это я во всём виновата, только я! Делай со мной что хочешь, но паренька не тронь!

В её голосе чувствовалась такая отчаянная сила, что Хальфи в испуге отступил, удивлённо качая головой.

Шамсия снова охнула:

– О, Аллах! Как больно! Кажется, ребро сломала, когда с полатей кулем свалилась. А ведь как чувствовала, как знала: не надо сегодня приходить. Внутренний голос предупреждал меня с утра: не ходи сегодня, не ходи!

И Ахметсафа из этих слов, понял, что мачеха довольно

часто навещала логово беглеца. Но почему? Что она здесь оставила? Что она тут делает с этим Хальфетдином? А тот... чего он так суетится, волнуется?

Шамсия попыталась взять ситуацию под свой контроль, смягчить её. Ведь надо было что-то предпринимать. И она как можно более мягким голосом заговорила:

– Уф! Как я испугалась!.. Думала, что это за чумазая физиономия пялится на меня?.. Не чёрт ли, не шайтан? Тем более я вообще трусиха...

Она говорила нервно, не останавливаясь, боясь упустить момент и ещё более усугубить ситуацию, и попыталась «незаметно» увести разговор в другое русло.

– А я уж и блины напекла, когда Давли абзый сказал, что скоро Ахметсафа вернётся. Заодно решила и Хальфетдину немного блинов принести, всё же не чужой человек. К тому же давно по-настоящему домашней выпечки не ел...

Хальфетдин понял, к чему клонит женщина. Ну и хитра, бестия! Может, действительно удастся как-нибудь выкрутиться?

– Что тут особенного случилось, дорогой? Да ничего особенного! Сидели мы с Хальфи и тихо беседовали, и вдруг кто-то в дом врывается без стука. Мы же не знали, что это ты, Ахметсафа. Ну, Хальфетдин и затянул меня на полати, от греха подальше, чтобы соседи или чужие люди не увидели нас. Не дай бог, языком начнут молотить... Разве можно на-праслину возводить на людей, так ведь, сынок?

– Да-да, – обрадованно подтвердил Хальфи. – Так оно и было. Побоялись молвы людской. Но ты ведь не из тех, кто попусту языком мелет, так ведь?

– Конечно, нет! – змеёй ластилась к подростку Шамсия. – С какой стати он будет рассказывать об этом глупом происшествии? Он ведь самый умный из братьев, мой любимец! Когда я впервые пришла к ним в дом, удивилась чистоте и порядку, и всё это благодаря Ахметсафе, это он следил за порядком в доме, ухаживал за детьми...

Уги инэй¹⁶ говорила и говорила, забыв про своё «сломанное» ребро, стараясь хоть как-нибудь, чем-нибудь угодить пасынку. Хальфи уже почти успокоился.

– Замечательный парень растёт, – заискивающе хвалил он подростка, будто извиняясь за свою недавнюю грубость и даже угрозу физической расправы. – Ещё домой не дошёл, а меня, видишь ли, вначале навестить надумал. Молодец! Только ты, парень, больше не пугай так людей, не появляйся внезапно, стучись хотя бы... Договорились?

– Ты был дома? – спросила Шамсия. – Или по пути зашёл сначала сюда? Отец дома?

Ахметсафу мутило от клоунских ужимок мачехи и её любовника, попавших впросак и пытавшихся обелить себя. Упоминание об отце заставило Ахметсафу съёжиться, как от нестерпимой боли. Ему почудился печальный, грустный взгляд отца, искренне доверившегося своей молодой жене.

---

¹⁶ Уги инэй (үги инэй) – мачеха.

Отец из кожи лез, чтобы в такое трудное время обеспечить семью всем необходимым, чтобы поддержать в доме достаток, покой и гармонию. Ах, отец! Ахметсафе стало мучительно жаль его. Тонкая, чувствительная натура отца не выдержит измены жены.

А Шамсия, бросив на Хальфетдина ещё один горячий взгляд, снова предупредила:

– Запомни! Не вздумай и пальцем тронуть Ахметсафу!

Не дожидаясь ответа, выбежала из дома.

После ухода Шамсии Хальфетдин, кажется, и вовсе утихомирился, даже присмирел как-то. Хотя Ахметсафа был ниже его ростом, но тело юноши было налито силой, тренировано каждодневным тяжёлым физическим трудом, тогда как Хальфетдин, который уже месяц не слезал с полатей, устал от безделья и лени. Хальфи понимал, что один на один он вряд ли справится с этим отроком. Словно подтверждая его опасения, Ахметсафа спокойно и даже как-то равнодушно проронил:

– В деревне красные. Только что нагрянули, почти одновременно со мной. Собирают народ возле Новой мечети. А я... хотел всего лишь предупредить тебя...

Хальфи заметно стушевался:

– Что же мне делать, а, братишка? Ты ведь давно уже не ребёнок, понимаешь, что... В общем, у нас с Шамсией...

Ахметсафа недовольно поморщился и перебил его:

– Знаем! И Гусман абый знает... Хотели уже забыть об

этом, а тебе, оказывается, всё ещё неймётся, не терпится грехов побольше набрать.

Хальфи тяжело вздохнул:

– Вот ведь как... получилось-то...

– Бессовестным, бесчестным ты оказался, Хальфи. Оба вы бессовестные... Отца жалко... Вы – скоты, истоптавшие его честь...

Ахметсафа повысил голос.

– Если отец узнаёт о вашем развороте, топором изрубит на мелкие части! И тебя, и её!

Хальфи попробовал оправдаться:

– Мустафа абзый... Ну, как бы тебе объяснить... Слишком кроткий, что ли... В общем... Вот Шамсия ко мне и тянулась. Сам до сих пор не пойму, как всё получилось. Даже не заметил, как очутился у неё в объятиях. Заворожила она меня, что ли, с пути праведного сбила.

Противно было наблюдать и слушать, как здоровенный бугай выгораживает себя и всю вину за прелюбодеяние взваливает на женщину. Тоже мне, рыцарь! ...Ахметсафа бесцеремонно прервал излияния Хальфетдина:

– Хватит ныть! Слушай моё последнее слово: уходи из деревни сегодня же! И больше не возвращайся! Не пятнай честь нашего аула! Такую подлость не способен совершить, наверное, даже самый низкий человек!

– И куда мне идти? – растерялся Хальфетдин? – Куда податься?

– Хотя бы в Красную Армию запишись! Она тебя куда-нибудь да пристроит...

И Ахметсафа, резко повернувшись, поспешил вон из этого постылого дома.

На улице сияло солнце. Припекало...

В тот же день Хальфетдин исчез. С тех пор никто его не видел.

* * *

Целый год Мустафа ждал известий от сына Гусмана. Когда прошлой весной сын заявил, что хочет идти на войну, Мустафа хотел о многом спросить его, побеседовать. Разные мысли теснились тогда в его голове. Но он понимал, что отговаривать сына так же бессмысленно, как и одобрять. У их оренбургского родича Гумера эфенди есть любимая поговорка: «Чем дороже вещь, тем больше боишься её потерять. Так и с человеком». Верно...

А теперь... Хоть море слёз выплайай, а сына не вернёшь. Жалко джигита. Лишь бы живым остался!.. Кому он в этой армии дорог? Никому? Эти красные, сдаётся мне, тоже из тех горлопанов, кто норовит правду перетянуть на сторону лжи, а ложь – на сторону правды. Охо-хо! ...Испокон веков человек в этой стране ничего не стоил, так что вряд ли красные вдруг ни с того ни с сего прониклись страстным чело-веколюбием. С чего бы? Верно старики говорят: никогда не

ценят того, что есть в избытке. А чего в России много? Что у нас есть в избытке? Народу, конечно! Людей в России полным-полно, а значит, и жизнь их ничего не стоит. Страна рабов... Древние говорили: если раб взойдёт на трон, то страна сойдёт в могилу... Психологию рабов изменить очень и очень трудно...

Услышав, что в село опять пришли красные, Мустафа встрепенулся: может, кто-то из них слышал или знает о Гусмане? С утра у Мустафы было хорошее настроение, потому что, во-первых, дружно зацвёл яблоневоый сад. А без причины, как говорится, и ветерок не дунет. Буйное цветение сада — это, несомненно, к добру...

Он попытался не замечать подавленного настроения жены, зашедшей в дом какой-то скованной, будто деревянной походкой. Утром при виде зацветшего сада она почему-то вспомнила своего первого мужа и всплакнула. У Мустафы опять больно сжалось, а потом бешено запрыгало сердце, не находя себе место в груди...

Мустафа пока ещё не знал точно, какие войска зашли в деревню, но нутром чувствовал: красные. В последнее время они заметно активизировались, наведываясь то в одно, то в другое село, собирая митинги и обещая осчастливить всех бедных и обездоленных. Гм-м... А с зажиточными семьями что они намерены сделать? Обобрать, чтобы превратить их в нищих? Должны же в стране быть нищие и обездоленные. Впрочем, истинное своё лицо красные покажут тогда, когда

покрепче ухватятся за власть и оседлают трон. Кто-то из мудрецов в древности так сказал о тех, кто страстно желал власти и шёл к этому любыми путями: «Трон ухватил лисой, на троне сидел волком, но умер собачьей смертью». Не это ли ждёт и большевиков?

Провожая в прошлом году Гусмана, Мустафа всё твердил:
– Не поспешил ли ты, сынок? Не поспешил ли?

Гусман стоял понурый, не зная, куда деть свои большие сильные руки, и отвечал:

– Так больше нельзя, отец. И так уже жизнь в ад превратилась. Каково мне в положении беглеца? Не к добру это... Да и в голове ни одной путной мысли нет. И всё-таки нужно на что-нибудь решиться...

Мустафа смотрел на заплаканное лицо сына и шептал:

– Да будет так... С Богом... да не оставит тебя Аллах, милостивый и милосердный... В конце концов, ты не единственный на этом свете, кто покидает отчий дом... На всё воля Аллаха...

Вернулся Ахметсафа мрачный, чем-то недовольный. Рубашку почему-то в руке держал. «Устал, наверное, – подумал отец. – Намаялся в степях казахских, не в гости ездил, чему уж тут радоваться...» И он решил не беспокоить пока сына, дать ему отдохнуть, набраться сил. От сына Мустафа узнал, что в село нагрянули красные под командованием того самого красивого комиссара, который в прошлом году спас джигитов от расстрела, а потом уговорил нескольких парней за-

писаться в их отряд. Именно с ним и ушёл Гусман. Взволнованный Мустафа пошёл к Новой мечети, где собирался митинг. Шамсия как ни в чём не бывало позвала пасынка пить чай. Ахметсафа бешено сверкнул белками глаз и вышел из дома вслед за отцом.

Мустафа уже был на площади перед Новой мечетью, успев найти Усманова и засыпать его вопросами о сыне. Комиссар постарался успокоить отца. Прошлый год оказался не слишком удачным для красноармейцев, каргалинских парней по независящим от Усманова причинам разбросали по разным фронтам. А Гусмана комиссар помнит хорошо.

– Замечательный джигит! В нужное время умеет быть и послушным, и решительным. Умный парень, такой нигде не пропадёт. Ждите, должна от него весточка прийти, должна. Потерпите, ещё немного, абзый... – говорил комиссар, виновато потупя взгляд.

Усманов действительно чувствовал себя в какой-то мере виноватым за судьбу Гусмана, сына Мустафы. В прошлом году он ездил в Москву, добиваясь создания и обучения Татарской Стрелковой бригады, а в это время многих его парней, почти необученных, бросили закрыть бреши на Южном фронте. Видимо, и Гусман оказался среди них... Теперь бригада почти сформирована и укомплектована. И вновь, как и в прошлом году, комиссар клянётся, что его парни не будут отправлены на фронт без необходимой подготовки и учёбы.

Ахметсафа невольно поискал глазами Хальфетдина, но

того не было видно.

Тех, кто записывался в Красную Армию, Усманов называл почему-то «добровольцами», и Мустафа недоумевал: «Где же тут «добрая воля»? Вообще, странное это словосочетание: «добрая воля», «доброволец». Не от доброй воли записываются парни в армию, а от безысходности, стало быть, от злой воли. Не очень успокаивали Мустафу и других родителей заверения Усманова, что необученную молодёжь ни в коем случае не пошлют сразу в окопы. Комиссар объяснил, что новобранцев сначала отправят в Самару, потом, возможно, в Казань, в распоряжение формирующейся I Татаро-мусульманской бригады. Впрочем, такие заверения внушали известный оптимизм Мустафе, и он с надеждой поглядывал на группу деревенских парней – «добровольцев», как будто среди них стоял и его Гусман...

– Да будет так, как ты говоришь, туган¹⁷, – сдержанно одобрил комиссара Мустафа. – Какая польза государству, если необученных безусых юнцов, не умеющих даже держать винтовку, послать в самое пекло битвы? Ведь враг тоже не дурак, наверняка знает, с каким противником ему предстоит сражаться.

– Правильно, абзый. На стороне врага – знания и опыт, значит, и нам нельзя ворон на деревьях считать. Мы должны учиться стать сильнее врага, использовать его же знания вдвойне, втройне в нашу пользу...

---

¹⁷ Туган – здесь: земляк.

Усманов не удержался от ребячества и лихо ударил кулаком о кулак: поддержка, пусть и сдержанная, пожилого и умудрённого жизнью Мустафы казалась ему маленькой победой. В глазах комиссара появились искорки юношеского задора.

– Я участвовал во многих битвах за молодую советскую власть, – продолжил он, обращаясь к молодёжи, – а вы только-только собираетесь это делать. И правильно! Вы не ошиблись в своём решении! Мы все, тюрко-татары, мусульмане, должны идти вместе до конца, чтобы жить в одной стране – татарской! Ни один человек и ни один народ не должен отдавать свою судьбу в чужие руки. Нам нужно своё государство, но ни одно государство невозможно построить без своей армии. Никто не подарит нам своё национальное войско, тем более не позволит создать его. В этом я не раз убеждался. Государство и родина становятся во сто крат дороже, когда сам защищаешь его безопасность с оружием в руках! Так будем вместе, братья! Соединимся! Не запятнаем своего имени и высокой чести называться татаро-мусульманами!

Казалось, что Усманов сам себя воспалял своей речью. Вот он порывисто сжал руки стоящего рядом Мустафы, будто хотел передать ему свою энергию, горячую веру и уверенность в победе.

– Примерно через полтора часа наши артисты из Татарской бригады приглашают вас на свой концерт, – объявил Усманов. – Так что не спешите расходиться, лучше помогите

подготовить сцену.

Действительно, на противоположной стороне Примечетной площади солдаты сооружали сцену, готовили какие-то реквизиты. Импровизированный занавес скрывал артистов от посторонних глаз. Вот оттуда вышли две красивые девушки в ладно пригнанной красноармейской форме и заговорили о чём-то с собравшейся тут детворой, кажется, просили им помочь украсить сцену. Форма так шла этим молоденьким артисткам, что Ахметсафа невольно залюбовался ими.

Сначала он удивился тому, что такие красивые девушки-мусульманки запросто сопровождают мужчин в их нелёгких военных походах, а потом ему самому захотелось пойти вместе с красноармейцами и, конечно, с этими хрупкими, словно ангелы, девушками... Хорошо, что сюда не пришёл Хальфетдин: ему нельзя даже близко подходить к таким прекрасным и чистым девушкам.

Ахметсафа не заметил, как очутился возле отца. Увидев и узнав юношу, Усманов положил ему на плечо свою руку и с улыбкой сказал:

– А я ведь знаю и помню этого смелого джигита! В прошлом году он спас каргалинских парней от головорезов Хабри!

Тут он тяжело вздохнул, посмотрел куда-то вдаль, где дымилась пыль беспокойных степей. И тихо сообщил:

– Нет уже неугомонного Хабри. В прошлом году, выйдя из вашего села, он со своим отрядом устремился навстречу

войскам Дутова, даже меня не послушал, не стал ждать подкреплений. Это была наша последняя встреча... В первом же сражении с дутовцами его отряд был изрублен казаками... Да, в нём было много партизанской вольницы, строптивости, упрямства. Это его и погубило... К счастью каргалинцев, вот этот славный юноша в прошлом году спас своих односельчан от хабриевского самосуда...

Ахметсафа встрепенулся:

– Но ведь к отряду Хабри присоединились и наши ребята, и... Гусман абый тоже... Что же с ними?

– Не беспокойся, их в том бою не было. Я их не отдал Хабри. Каргалинских парней я в целости-сохранности довёз до самой Казани, а потом уехал в Москву...

...Откуда ни возьмись появилась маленькая Биби и обняла Ахметсафу за колени:

– Не уходи, абыйкай, я тебя никуда не пущу, – залепетала девчушка. – Если ты уйдёшь в алмию, я и мама будем плакать.

Четырёхлетняя девочка, видимо, помнила, как провожали в прошлом году Гусмана в армию, и думала, что в этом году настал черёд Ахметсафы. Он вытер носик сестрички подолом её платица, поднял её на руки и взглянул на отца:

– Пойдём домой отец. Здесь нет никого, кто знал бы что-нибудь о Гусмане абый.

– Приходите смотреть концерт, – напомнил им комиссар и направился к артистам.

...Когда через полтора часа Ахметсафа вновь подошёл к Новой мечети, концерт уже начался. Юноша с красиво поставленным голосом выразительно декламировал стихи.

Яик – опасная река,
Она норовиста, быстра...
Топи врагов, громи врагов,
И летом пусть уйдёт тоска...
Яик – глубокая река,
Весною тают в ней снега...
И пусть враги утонут в ней,
Так сердцу будет веселей...

Интересно, что Ахметсафа где-то уже читал эти стихи. По-моему, в какой-то газете, оставленной в прошлом году красноармейцами. Вспомнился и автор стихотворения – Галиаскар Камал. Правда, у него упоминалась Волга-Идель, а не Яик-Урал, но артист быстро сориентировался в местных условиях, и запросто поменял название реки. Превосходная память Ахметсафы услужливо подсказала и название стихотворения «Последний круг».

Ахметсафа немного растерялся, увидев, насколько плотно окружили сцену молодёжь и детвора. Из щекотливого положения его выручил сам комиссар.

– Что, джигит, без места остался? – улыбнулся он. – Не переживай, для тебя хорошее место найдём... По правде говоря, сначала я сомневался, придут ли на концерт люди. А со-

мнение – это первый признак тревоги. Слава богу, зрителей много пришло...

Он взял Ахметсафу за руку и повёл поближе к сцене. Юноша вдруг оказался в центре всеобщего внимания и ужасно от этого смутился, оробел, будто вмиг потерял всю свою волю. Он сконфуженно попытался освободить свою руку из комиссаровской руки, и Усманов ещё раз понимающе улыбнулся.

– Ты стесняешься своего же народа? Не забудь, что в прошлом году каргалинцы готовы были тебя на руках носить за твой подвиг. Так что во всей деревне вряд ли найдётся человек более уважаемый, чем ты, Ахметсафа.

Маленькая Биби, не слезавшая с рук брата, во все глазёнки таранилась на комиссара. Усманов невольно залюбовался очаровательным ребёнком и спросил:

– Кто это прелестное создание? Сестрёнка?

– Сестрёнка, – коротко подтвердил Ахметсафа, всё ещё тяготясь непривычным для себя вниманием людей. Зато зрители, и стар и млад, пораскрыв рты, наблюдали за беседой щёгольски одетого комиссара с сыном сборщика шкур Мустафы.

– Молодец девочка, что так любит своего брата, нигде не отстаёт от него, – ласково произнёс Усманов, глядя её непокорные кудряшки. – А как зовут девочку?

– Меня зовут Бибиджамал, – гордо и даже с некоторым вызовом заявила девочка.

– Красивое имя! Биби... Бибкей... – восхитился Усманов. – Это имя очень идёт такой прелестной девочке.

И с тех пор, с лёгкой комиссаровской руки, никто уже в деревне не называл эту девочку Биби или Бибиджамал, а звали её ласково Бибкей. Но девочка об этом, конечно, ещё не знала, а потому смело вскинула на комиссара свои огромные синие глаза и спросила с наивной простотой и детской прямо-
мотой:

– Дядя, а сегодня ты кого убивать плехал?

Усманов на мгновение смутился, но быстро взял себя в руки. Не переставая улыбаться, он приложил палец к губам девочки:

– Тс-с! Мы никого не трогаем, сестричка, и никому не причиняем зла. Мы только гоним своих врагов. Нам они не нужны, пусть убираются восвояси...

Но болтливую Биби трудно было остановить. Она ткнула крохотными пальчиками в сторону сцены и безапелляционно заявила:

– Враги-душманы вон там, их и нужно прогнать. Пусть уходят, да, дядя?

Дядя не ответил. Он уже уходил, кивнув на прощание Ахметсафе. Подросток что-то хотел сказать вдогонку комиссару, но передумал и уселся на приготовленное ему место. Бибкей вскоре уgomонилась и сладко заснула у брата на руках, обняв его за шею и положив голову на его плечо. Ахметсафа всё своё внимание переключил на сцену. Вот на неё легко

взбежал Усманов, поднял руки, выдержал небольшую паузу и заговорил:

— Джамагат! Сёстры и братья! Уважаемое общество! Как видите, мне довелось через год вновь посетить ваше село и встретиться с вами. На этот раз я выступаю перед вами в качестве представителя регулярной Красной Армии и комиссара самого передового и боеспособного полка сформированной в Казани I Татаро-мусульманской Стрелковой бригады. Партизанщина на Красном фронте закончилась. В непримиримой борьбе с врагами главное слово останется за частями созданной Красной Армии. От самых высших властей советского правительства я получил разрешение на формирование Татарской Национальной Гвардии, и я верю, что татарские воины проявят себя в освободительной борьбе с самой лучшей стороны. Совсем недавно, в начале мая, в Казань приезжал сам товарищ Калинин и дал высокую оценку частям формирующейся Татбригады. Тем, кто не знает, кто такой Калинин, скажу, что он работает в Москве рука об руку с Лениным, вождём революции. Я не скрываю, что в Москве есть много разных начальников и не все они хорошие, но Калинин можно верить. Он выходец из рабочих. Это по его совету наш полк направили на борьбу с колчаковцами в Оренбургский край...

Толпа зашумела, и Усманов выждал, пока люди успокоятся. Теперь ему нужно было повернуть разговор на события, хорошо известные и самим каргалинцам.

– Вы сами видите, что Красная Армия наступает, несмотря на всё коварство и козни хорошо вооружённого врага. Дутовские казаки и вам немало крови попортили...

И тут кто-то из толпы внятно сказал:

– Красные нам и побольше крови попортили, если на то пошло...

– Наверное, и так было... Война... Могут и не спросить, кто ты таков... И всё-таки я опираюсь на факты. Красноармейцы проучили дутовцев так, что тем неповадно будет больше совать свой нос в оренбургские степи.

Народ снова зашумел, заволновался. Дело в том, что немало каргалинских парней ушло также и с дутовскими отрядами, и их родителям тяжело было воспринимать теперь победные реляции Усманова. Оратор, видимо, догадался об этом и снова поднял руку, прося внимания. Ахметсафа с интересом вгляделся в лицо комиссара, будто видел его впервые: курчавые волосы аккуратно выглядывали из-под фуражки с красной звездой, гимнастёрка чётко облегла ладную фигуру, карие глаза смотрели приветливо и в то же время требовательно... Словом, в фигуре, жестах, взгляде комиссара было что-то такое, что каждый раз заставляло людей успокаиваться и слушать оратора дальше.

– Кроме того, башкирские отряды Валидова также перешли на сторону советской власти. И теперь мы вместе грим белогвардейцев. У башкир есть своё правительство, и у нас, татар, будут и своё государство, и своя национальная

армия. Примером и почином тому служит I Татаро-мусульманская Стрелковая бригада. Татарский народ должен шагать в ногу со временем, а не плестись в хвосте мировых событий...

Тут взгляд его упал на сладко спящую Бибкей, и Усманов на мгновение перевёл дух, любуясь малюткой. Потом он обвёл взглядом группу записавшихся в красноармейцы юношей и продолжил:

– Вот сегодня несколько каргалинских джигитов решили добровольно записаться в ряды доблестной Красной Армии...

– Добровольно-принудительно, – хмыкнул кто-то в толпе. Ещё кто-то ехидно поправил:

– По собственному желанию...

Несколько человек захихикали.

– Всё это серьёзно, товарищи, а не шутки... Взять, к примеру, наших женщин-мусульманок. Ведь мы, стыдно сказать, держим их на положении рабынь. Они невольно стали жертвой канонов и традиций, практически лишаящих их права на собственную жизнь, любовь, профессию, образование. А ведь они вправе иметь всё это, как и любой другой свободный человек. Даже маленькая Бибкей имеет право уже сегодня чувствовать себя Человеком с большой буквы, а при достижении совершеннолетия самой выбрать себе суженого, жить с ним в любви и согласии, учиться и работать, воспитывать детей... Должна же быть свобода выбора в люб-

ви! Как жить без этого? Многие сегодня понимают и принимают такие наши лозунги, как «Свободу женщине!», «Нет рабству и угнетению!». В доказательство правдивости наших лозунгов хочу привести вам живой пример. В гости к вам сегодня приехали юные татарские артистки, первые ласточки нашего национального театра – танцовщицы Мукарряма Асфандиярова и Камиля Мазитова. Им всего по шестнадцать лет, но они нашли в себе смелость порвать путы векового рабства и закостеневших, отсталых представлений о женщине как человеке второго сорта, служанке мужчины. Несмотря на угрозы кадимистов, этих замшелых консерваторов и схоластов, девушки смело примкнули к группе фронтовых артистов. Пусть и другие девушки и женщины, обречённые на прозябание в четырёх стенах, борются за свои права, требуют равноправия, пусть у нашего народа будут свои Жанны Д'Арки, Софьи Ковалевские, Марии Ермоловы!.. Чем мы хуже других наций и народов?!

– Ну да... – сердито отозвался один мужик. – Бабам только дай волю, они тут же тебе на шею и усядутся. Сам у них потом ишаком станешь и даже орать по-ослиному научишься. «Свободу женщине!» Как же... Выкуси... Они, племя дьявольское, и так норовят от рук отбиться. А если их и большевики подстрекать начнут... Караул тогда кричи... Обратного в стойло их уже никакая революция не загонит, даже самая размировая...

Толпа снова зашумела, мужчины о чём-то стали спорить,

послышались шутки, смех, и, наконец, атмосфера опять разрядилась.

– Товарищ Еникеев, продолжайте концерт, – приказал комиссар своему культургу и, спрыгнув со сцены, присел рядом с Ахметсафой.

Сидя бок о бок с Усмановым, Ахметсафа испытывал сложные, смешанные чувства. Но, в общем, этот комиссар вызывал в нём больше симпатии, чем настороженности. Более того, Ахметсафе вновь захотелось встать в ряды победоносной Красной Армии, делить с ней все тяготы походов, а в свободное от сражений время наслаждаться искусством фронтовых артистов...

Вот послышались звуки скрипки, забренчала мандолина, и стены храма божьего, казалось, вздрогнули от весёлой плясовой мелодии. На сцену вышли две юные танцовщицы в нарядных национальных костюмах. Их гибкие, быстрые, изящные танцевальные движения не оставили зрителей равнодушными, но были приняты по-разному. Нашлись и такие, кто стал плевать:

– Тьфу! Людей не стесняются, хоть Бога постыдились бы, бессовестные! Что вытворяют, а? Что за времена наступили. О, Аллах!

– Не только девушки, но и жёны нынче распоясались, – поддакнули ему. – Дожили, называется...

– Не говори!.. О чём только думают родители, посылая своих девиц вертеть задом перед всем честным народом?

Негоже нам смотреть на святотатство! Не возьмём греха на душу!

Однако недовольных было мало, а ещё меньше тех, кто выражал своё недовольство вслух. Никто не спешил уходить. Напротив, заворожённо, зачарованно смотрели на лихо танцующих девушек, нежные ножки которых, казалось, едва касались помоста. Ведь умным людям и в голову не придут грешные мысли при созерцании торжества красоты...

Даже Усманов вдохновился танцем и, забыв о своём комиссарстве, выбежал на середину сцены, включился вместе с девушками в пляс, легко и непринуждённо исполняя танцевальные движения...

– Во наябивает комиссар! – хихикнул какой-то мужик. – Петушок с двумя цыпочками...

– Петушков целый полк, а цыпочек – раз-два и обчёлся, – поправил его сосед.

– Не шути, – вмешался в разговор третий. – Думаешь, кому достанутся эти цыпочки? Каким-нибудь петушкам задрипаным? Держи карман шире! Этих ангелочков-попрыгуний орлы себе разберут, начальники, высшие офицеры... Видели уж в японскую войну. Там тоже вертелись эти... как их... сёстры милосердия... Ни одна из них солдату не досталась. Зато военачальники попользовались ими всласть...

...После окончания концерта артисты принялись загружать в подводы костюмы, реквизит, оборудование. Ахметсафа стоял в сторонке, всё ещё находясь под впечатлением

увиденного и услышанного: ведь это было его первое знакомство с искусством.

Усманов уже гарцевал на коне, приказывая:

– Все по коням! Новобранцам пока занять места на подводах! Тро-огай! Вперёд!

Всадники двинулись вперёд стройными рядами, за ними поехали подводы с новобранцами, обозом и театральным инвентарём. Скрип тележных колёс будто отдавался тоской в самом сердце, и Ахметсафа не мог понять причину этого чувства... Сквозь слёзы на глазах он помахал рукой односельчанам, которых увозил полковой обоз. Ему опять почудилось, что среди них уезжал и его любимый брат Гусман абый...

Полк возвращался в Оренбург. Усманов не мог нарадоваться успешному проведению концерта. Настроение у него было великолепное. Он ещё не знал, что концертное выступление будет первой и последней победой полка, что очень скоро, несмотря на его протесты, полк кинут на самый тяжёлый участок фронта и оставят без всякой поддержки, и в первом же бою полк почти полностью будет вырезан казаками.

* * *

...Ахметсафе не хотелось есть, хотя за весь день у него и хлебной крошки во рту не было. Он растянулся на топчане

в малой избе, подложив под голову думку, и закрыл глаза. События сегодняшнего дня вновь проходили у него в голове, вызывая какое-то смутное беспокойство в душе.

Долго он так лежал, потом забылся тревожным сном. Его разбудили громкие крики на улице. В комнате уже темнело. Ахметсафа едва поднял с подушки тяжёлую голову, как в избу вбежал напуганный чем-то отец:

– Кто дома? Быстрее вставайте! Горим! Пожар! Нижняя махалля¹⁸ загорелась! Ветер в нашу сторону. Быстрее вытаскивайте из дома всё ценное!

Ахметсафа выбежал на улицу. Сельчане сломя голову мчались к своим домам, чтобы спасти хотя бы самое ценное из нажитого за многие годы имущества. У каргалинцев насчёт пожара опыт немалый. Деревня не один пожар пережила. Люди знают: в такой ветреный летний день огонь от загоревшегося дома в мгновение ока перебросится на другие строения, и через какие-нибудь полчаса от улицы, застроенной в основном саманками с камышовой крышей, останется лишь грудa пепла. Бесполезно было пытаться спасти дома. Нужно было успеть спасти и вынести как можно больше вещей и имущества.

Загоревшийся дом, как на зло, был расположен совсем недалеко от двора Давлетъяровых. Именно в этом вспыхнувшем, как спичка, доме живёт... то есть уже жил Карим, с

---

¹⁸ Махалля (мэхэллэ) – приход, квартал в мусульманских селениях или городах.

которым Ахметсафа учится вместе в новометодном мектебе Мифтаха хальфы. Огонь не жалел никого и ничего и уже пожирал соседний дом, хозяйственные постройки... По улице летели объятые пламенем связки камыша, сорванные ветром с крыши. Дымная туча накрыла село. Через несколько минут огонь доберётся и до Давлетъяровых. Трагедия неотвратима... Как же это случилось? Почему? Ахметсафа увидел своих сверстников и друзей – Саттара с Абдерашитом, во все лопатки бегущих к своим домам. Понимая, что в эти минуты ни у кого нет времени на объяснения, Ахметсафа всё же рискнул расспросить приятелей. Впрочем, они сами остановились, чтобы перевести дух, и коротко обрисовали ситуацию.

– У Каримов горит! – выпалил Саттар. – У них солдаты на постое были, а Каримка, ты же его знаешь, табака у солдат немного стянул. Сегодня хотел покурить, спрятался от родителей за домом, в зарослях лебеды, и тут, как назло, мать появилась. Каримка со страху выбросил горящую спичку, а та попала на камышовую крышу. Мать ещё не успела ничего понять, как огонь охватил всю крышу... Тётя Бадар плачет...

Дослушать не удалось: из дома раздался сердитый крик Мустафы.

– Ахметсафа, куда же ты пропал, негодник? Вытаскивай вещи из малой избы! Живее! Младшеньких отправь к старухе Таифе, их дом огонь стороной обойдёт. Только пусть идут туда через верхнюю улицу! Живее!

Отец с мачехой метались между домом и двором, вытаскивая вещи. Эх, погрузить бы их на телегу и вывезти побыстрее, пока огонь и сюда не дошёл! Увы! Ещё в начале весны, перед приходом красных, колчаковцы забрали двух рысаков, с которыми Мустафа выезжал в казахские степи, и теперь, похоже, Давлетъяровы не только безлошадными, но и бездомными останутся. Эх, судьба-злодейка... Даже пожитки не на чем вывезти... Недоброе предчувствие, с утра терзавшее душу Ахметсафы, обернулось бедой, катастрофой. Мало чего удалось спасти от огня. Огонь пожирал всё подряд, оставляя за собой горячие пепелища.

Несчастный Мустафа от свалившегося на голову горя, кажется, даже перестал соображать. С неподдельным изумлением смотрел он на остатки обугленного яблоневого сада, ещё утром кипевшего белым пышным цветением, и потерянно бормотал:

– Ах, эти яблони... А? Яблони же... В белом цвету были... Ещё утром белые-белые... А!.. Яблони, говорю... Чем же я детей угощать буду?.. Какие яблони были! А? Ещё с утра цвели...

...На другой день Мустафа попросил у кого-то лошадь, погрузил нехитрый скарб, чудом избежавший огня, и переехал в маленький, словно кукольный, домик старухи Таифе.

VI

После пожара прошёл целый год, но мечта о новом доме так и не воплотилась в жизнь: Мустафа от всех потрясений заболел, надолго слёг и только недавно начал поправляться. Несмотря на все несчастья, Мустафа по-прежнему хотел, чтобы Ахметсафа получил хорошее образование. Как и большинство больных, Мустафа спешил излить душу, поделиться своими откровениями. Он позвал к себе сына и стал учить его уму-разуму:

– Долго я гонялся за счастьем, сынок. Но как бы человек ни старался, а полного, безмятежного счастья никогда не достигает. Впрочем, нас и несчастными трудно назвать. Не зря говорят, что Бог середину любит. Иногда эту середину называют «золотой»... Только в двух случаях, сынок, нельзя смотреть прямо: на солнце и на смерть... И ещё: упаси Аллах, превратиться в живой труп... А тебе, сынок, учиться надо, учиться... Гумерхан на любую работу скор был, только бы вернулся, он нигде не пропадёт. Гусман – юноша образованный, интеллигентный. Боюсь я за него... Потерять боюсь... Наш род не должен обмельчать, сынок... Ты должен стать звездой нашего рода. Учёба тебе даётся легко. Молодец... Левое от правого всегда отличишь. Поймёшь, с кем можно идти, а кого надо опасаться. Неверный крестится, неумный раскаивается. Выше голову, сынок! Чтобы звёзды

были видны! Человек, не умеющий смотреть на звёзды, не сможет ночью найти верную дорогу. Но не дай Бог поставить свои знания на службу невеждам! Время нынче такое, что на поверхность выныривают, как правило, люди беспринципные, алчные, беззастенчивые. Жадность одним застилает ум, а другим – открывает глаза, чтобы лучше видеть в мутной воде свою добычу и поймать её. Учись видеть ум у других и делать из этого правильные выводы для себя, и тогда тебе немного легче будет жить. Поощряй свою тягу к знаниям, учись, сынок, учись...

Это был первый и последний разговор по душам между отцом и сыном. Больше Мустафа не пытался учить сына уму-разуму, не читал ему никаких наставлений, словно давая понять: всё, что хотел, я тебе сказал, теперь дело за тобой... И Ахметсафа принял решение: поехать в Оренбург, чтобы выучиться на педагога.

...В ту ночь Ахметсафе не спалось. Разные мысли теснились в голове, вновь и вновь поднимая отяжелевшие было ресницы. Нынешним летом ему исполнилось пятнадцать лет. А завтра утром он покинет аул и отправится в город Оренбург, в знаменитое медресе «Хусаиния», преобразованное новыми властями в Татарское педагогическое училище.

Ахметсафа даже встревожился: неужели он так и не заснёт, и утром выйдет в дорогу заспанным и помятым? Надо бы хоть немного поспать. Перед глазами встали его товарищи по учёбе Саттар, Хамит, Парваз, Карим, которые зав-

тра тоже пойдут с ним в Оренбург поступать в педучилище. Интересно, они тоже не могут уснуть? Или, наоборот, дрыхнут себе без задних ног, видя сладкие сны и качаясь на хрустальных качелях грёз? Не-ет, не верит Ахметсафа, что можно спокойно, без волнения дрыхнуть накануне такого ответственного в твоей жизни дня. Он откинул одеяло и сел... Думы снова захватили его...

Вот уже второе лето подряд Ахметсафа сплавлял плоты по Сакмаре. Эта работа по сравнению с другими считалась относительно прибыльной. Пригоняешь плоты к тому месту, где расположен Оренбургский деревообрабатывающий завод, и в тот же день получаешь расчёт. После пожара и болезни Мустафы казалось, что они ещё долго не смогут встать на ноги. О доме пока даже не думали, надо было как-то сводить концы с концами. Поэтому Ахметсафа весьма охотно взялся за трудное и опасное ремесло сплавщика. Правда, ответственный за сплав подрядчик Гариф вначале ни за что не хотел брать на работу Ахметсафу. Надо сказать, что после пожара многие погорельцы, надеясь заработать на строительство нового дома, пытались найти какую-нибудь работу у местных баев, торговцев, словом, дельцов. Однако пожар весной девятнадцатого оказался, как ни странно, гораздо меньшим злом по сравнению с напастями, бедами и войнами предыдущих лет. Во-первых, настоящие баи, состоятельные купцы и торговцы, особенно те, кто имел международные связи, давно ушли вместе с белыми и исчезли из

виду, вероятно, чтобы переждать смутные времена. Во-вторых, те немногие купцы и разные дельцы, кто решил приспособиться к советской власти, не могли, да и не хотели помочь каждому обездоленному каргалинцу, потому что, если прежде благотворительность купцов была выгодна для них, то при новой системе власти эта выгода начисто отсутствовала. Таким образом, новым советским богачам не было никакого дела до бедных и сирых. Действительно, с какой стати они станут делиться своим богатством налево-направо? К таким дельцам принадлежал и подрядчик Гариф. После долгих переговоров Гариф, наконец, согласился выплатить Ахметсафе зарплату в виде брёвен для дома и небольшой суммы наличных денег.

Ростом Ахметсафа был невысок, но широк в плечах, крижист и жилист. А уж упорства в нём было хоть отбавляй. Плотогоны пользовались в деревне особенным уважением, ибо их тяжкое ремесло было по плечу не каждому даже сильному мужчине. Не шутка: гонять за тридевять земель по быстрой Сакмаре сотни и тысячи связанных между собой тяжеленных брёвен. Где-то далеко отсюда, в непроходимых лесах люди всю зиму валили лес и тащили брёвна к реке. Весной из брёвен связывали огромные, грозно шевелящиеся плоты, и отважные сплавщики, вооружённые баграми, вёслами и рулём, гнали эти плоты с риском для здоровья и жизни до отлогих берегов Сакмары, где вытаскивали и сплавляли свою добычу возле нескольких деревянных будок, за кото-

рыми высились корпуса Оренбургского деревообрабатывающего завода... Так Ахметсафа вступил в пору возмужания...

...Подрядчик Гариф когда-то благополучно вернулся с войны и сумел организовать своё дело. Надо сказать, что был он человеком довольно грубым как на словах, так и в поведенческих. Обещав Мустафе к концу первого же лета выделить пятнадцать брёвен, он естественно, слова не сдержал, прося подождать до следующего лета. Ахметсафа без устали два лета подряд сплавлял плоты, но подрядчик по-прежнему откладывал выполнение обещанного. Нынешней осенью Ахметсафа не вытерпел и вступил с подрядчиком в словесную перепалку, требуя оплаты труда, чтобы начать, наконец, возводить дом. На что Гариф зловеще ухмыльнулся и разразился уничижительной тирадой.

– Тебе ли дом строить, заморыш несчастный! Налепи кирпичей саманных и сваргань какую-нибудь хижину, вот это как раз по тебе будет. Нет брёвен и не будет, понял? И не путайся больше под ногами!

Ахметсафа не стал придавать особенного значения ругани подрядчика – как говорится, хозяин всегда прав, будь его работник хоть трижды воплощением трудолюбия...

Скоро они достигнут самого неудобного поворота реки, где прямо в середине течения испокон веков торчит огромный белый валун...

Всё случилось неожиданно. Плот, конечно, со всего размаха ударился о валун и отскочил к берегу. Каким-то обра-

зом Ахметсафа остался один на корме, хотя здесь постоянно должны находиться двое сильных плотогонов. В результате Ахметсафа не успел вовремя сработать веслом. Вообще, он и не должен был здесь находиться, потому что отработал смену и заслужил отдых. Но сменщик попросил его ненадолго заменить, а Ахметсафа не умел отказывать людям в просьбе. Потом выяснилось, что сменщик просто решил покурить в своё удовольствие. А второй плотогон, опытный Зариф абый, не успел броситься на помощь Ахметсафе, хотя должен был находиться рядом с ним. В дополнение ко всему брёвна оказались плохо связанными, и от сильного удара верёвки лопнули. Плот начал разваливаться на глазах, брёвна быстрым течением увлекались всё дальше и дальше, туда, где Сакмара вливалась в полноводный Яик и где догнать брёвна уже не представлялось возможным. А брёвна были из ценных пород... Прежде, чем другие опомнились, Ахметсафа с багром в руке уже плыл в холодной воде вдогонку брёвнам. Он цеплял бревно за бревном и тащил их поближе к берегу, где течение было не таким стремительным. Смелчак старался сбить крейсерскую скорость брёвен, сталкивая их друг с другом, поворачивая и толкая к берегу... На каждом плоту работает три-четыре человека. На развязавшемся плоту находился сам Гариф с четырьмя плотогонами, которые быстро поняли всю опасность положения и тоже бросились в воду на подмогу смелчаку. Совместными усилиями брёвна были укрощены, собраны в относительно тихой прибрежной

заводи и заново, крепко-крепко связаны. И только несколько брёвен ускользнули от преследователей и торжествующе мчались теперь вниз по течению, на встречу с Яиком...

Вот из-за этих ускользнувших брёвен и привязался подрядчик к Ахметсафе, ругая его на чём свет стоит. Остальные плотогоны предпочитали молчать, хотя в произошедшем инциденте была доля вины каждого из них. И только самый старший и опытный сплавщик Зариф попробовал вступить за юношу, но, наткнувшись на столь сердитый взгляд подрядчика, тут же замолк. А хозяин распалялся всё больше и больше, вот он схватил Ахметсафу за шиворот, ткнул кулаком ему под нос и заорал:

– Ты что, щенок, отсыпаться на плоту решил? Маменькин сынок...

Вымокший до нитки Ахметсафа был настолько измотан, что не имел ни сил, ни желания оправдываться.

А Гариф входил в раж:

– Какой я дурак, что взял на работу этого размазню! Сопливых пацанов близко нельзя подпускать к плотам, так ведь, Зариф?

Подрядчик теперь обращался почему-то к старшему плотогону:

– Ну, скажи, Зариф, что делать с этим щенком? В реку выбросить? Сколько ценной древесины из-за него уплыло в Яик!

Он разразился ещё несколькими ругательствами и резко

толкнул Ахметсафу на грудь сложенных на плоту брёвен. Юноша и так был удручён, выбит из колеи несправедливым обвинением, а более всего отсутствием со стороны товарищей даже мало-мальской поддержки, поэтому не оказывал никакого сопротивления нападкам подрядчика. От неожиданного толчка Ахметсафа потерял равновесие, нога его за что-то зацепилась, и он с шумом упал в прибрежную илистую воду.

Зариф, наконец, не выдержал издевательств над юным плотогоном, вскочил и, преградив дорогу подрядчику, грозно пробасил с высоты своего двухметрового роста:

– Не трожь мальчика! Если бы не он, ты половины своих брёвен не досчитался бы! Хорошо, что он не растерялся... Не то не видать бы тебе своей древесины, как собственных ушей!

То ли мстя за это своё унижение, то ли пользуясь сложившимися обстоятельствами, подрядчик после этого происшествия упорно не хотел считываться с Ахметсафой, несмотря на все дипломатические попытки Мустафы договориться. Гариф, словно дятел, талдычил одну и ту же фразу:

– Посмотрим... На следующий год... Там видно будет...

Не получив ни бревна и ни копейки за свой каторжный труд и потерпев фиаско в переговорах, Ахметсафа зарёкся искать работу у нечистоплотных на руку работодателей, богатеющих за счёт усиленной эксплуатации дешёвых, а зачастую почти дармовых рабочих сил. Он уже не мог видеть

всех этих новых «дельцов». Такая позиция во многом определила его будущее. Хорошо, что в тот раз ему на помощь пришёл дядя Зариф, перед которым Гариф струсил. Однако подрядчик всё равно добился своего – не рассчитался с Ахметсафой, то есть попросту обокрал его. Нет, не так действовать надо. Что толку махать кулаком перед всеми этими гарифами и прочими кровопийцами, присосавшимися к неокрепшей ещё советской власти и тянущими жилы у народа? Руки у Ахметсафы, конечно, сильные, за два летних сезона работы на плотях юноша физически окреп и возмужал. И всё-таки ни он, ни его сверстники, с детства познавшие тяжкий труд, не могут побороться, постоять за свои права. Почему так? Может, им не хватает знаний? Значит, нужно учиться. Мифтах-мугаллим¹⁹ говорил: «Имеющий бицепсы свалит одного, имеющий знания свалит тысячу». Кроме знаний, нужно ещё и единство, сплочённость. Комиссар Усманов всё время говорил: «В единстве – сила!» Хороший лозунг. Когда в деревне пытались организовать Союз молодёжи, Ахметсафа был в числе зачинщиков.

– Нам надо объединяться! – восклицал он на собраниях. – Если мы решили строить новую жизнь, нам прежде всего нужно держаться вместе. Никто нам не преподнесёт на блюде светлое будущее. Думаете, эти новые советские «дельцы» готовы осветить нам своими несправедливыми червонцами дорогу к братству и равенству? Держи карман шире! ...Мы,

---

¹⁹ Мугаллим (мегаллим) – учитель.

молодёжь, должны сплотиться в единый крепкий кулак!..

Каргалинцы дивились невесть откуда взявшемуся красно-речию Ахметсафы, а тот продолжал:

– Без единства невозможно движение вперёд! Я видел, как разваливался на реке плот. Не успели люди опомниться, как течение унесло разрозненные брёвна вниз по течению, к реке Яик, где их уже никто не сможет достать и откуда они устремятся к морю. И только Бог знает судьбы разрозненных брёвен, отданных воле непредсказуемых волн.

Проучившись четыре года в новометодном мектебе Мифтах-мугаллима, набравшись знаний по математике, географии, литературе и русскому языку, Ахметсафа по совету отца и с благословения учителя отдал документы в Оренбургское медресе «Хусаиния». Его примеру последовали ещё несколько учеников. Уже были сданы вступительные экзамены, и каждого абитуриента в зависимости от уровня его знаний должны были зачислить в подготовительный класс или начальную школу. Ахметсафа из-за плохого знания русского языка был принят на вторую ступень подготовительных классов. Зато бойкий Саттар Ишбулдин удостоился зачисления в начальный класс, чему остальные шакирды²⁰ тут же стали завидовать. Но Ахметсафа быстро остудил своих товарищей:

– И не стыдно вам? Все мы знаем, как хорошо учился Саттар, и ему не завидовать надо, а наоборот, радоваться за него,

---

²⁰ Шакирд (шәкерт) – ученик медресе, студент.

подтягиваться к его уровню. Короче: перед нами стоит задача освоить за один год двухлетний курс и догнать таким образом Саттара. Лично я обещаю это сделать. Ведь нынче наступили такие времена, что и один год может решить или изменить судьбу человека. Надо спешить, друзья, чтобы потом не раскаиваться за промедление.

Меланхоличный Парваз вяло попробовал возразить:

– Не гони лошадей, Сафа! Бог даст, хватит у нас времени и на учёбу, и на жизнь.

...Долго не мог заснуть Ахметсафа. Перед глазами вставал высокий сухощавый Мифтах хальфа в неизменной чёрной бархатной тюбетейке. Его вдохновенные речи всегда так захватывали шакирдов!

А ведь до открытия новометодных классов Мифтаха хальфы Ахметсафа со сверстниками учились у приснопамятного Валькая хаджи. Учёбу в его медресе Ахметсафа вспоминал как дурной сон... Уже в коридоре этого учебного заведения в нос бросался спёртый, затхлый воздух. Только начнёшь отвечать на вопросы хальфы, проверявшего домашние задания, как тот перепоручал класс своим любимцам из числа старших шакирдов, а сам спешил по своим многочисленным делам: в гости к купцу, на отпевание или обряд имянаречения, ещё какой-нибудь вид богослужения, сулящий щедрую мзду и бесплатное угощение. В этом огромном селении, насчитывающем 11 мечетей и приходов, всегда находилось много работы для мулл и других служителей «культа».

После ухода хальфы порядок в классе кардинально менялся. У старшего шакирда в каждом классе находилась пара-другая «прихвостней», с помощью которых устраивались экзекуции над младшеклассниками в виде показательных порок розгами за любые, часто надуманные провинности. «Урок» превращался в сплошные крики, плачь, ругань... Во время одной из таких экзекуций Ахметсафа с Абдрахманом схватили свои мешочки с тетрадами и дали дёру из медресе. На улице торжествовала и благоухала весна. После затхлой атмосферы медресе мальчишки очутились на воле и резвились, словно козлята на лужайке. Ура!.. Да здравствует свобода! Виват весне! Афарин! Остались позади нудные, душные месяцы зимней учёбы и показательных порок. Ноги сами по себе помчали ребят на реку Сакмару, где ещё недавно неуклюже вертелись в кипящей воде большие куски угловатых льдин. Под некоторыми заборами ещё лежали остатки сморщенного грязного снега, впрочем, ещё вполне годного для игры в «снежки». Но сегодня не хотелось лепить снежные комки и тем более швыряться ими. Мальчишки со всех ног бежали к реке, будто боялись упустить что-то важное. Мост через реку, как всегда, был снесён половодьем, поэтому паром оставался пока единственным средством переправы. Именно туда, к пристани, откуда отплывал паром, и устремились ребята. Это было поистине великолепное, потрясающее зрелище! Сакмара вздулась настолько, что стала похожа на бушующее море. На обоих берегах этого моря

царило настоящее столпотворение. Сотни подвод и обозов неделями ожидали здесь своей очереди на паром. Ржали кони, орали верблюды, лаяли собаки, шумели люди... Неужели они не могли дожидаться спада весенних вод? Какой чёрт погнал их в самый разгар половодья?

Мальчишки благоразумно обходили стороной армаду подвод. Их благоразумие и осторожность были вполне оправданными: каргалинская пристань издавна пользовалась дурной славой воров и конокрадов. Кто бы ни приближался к подводам, старики это или дети, их отгоняли с угрожающими криками. Ахметсафе казалось, что они держатся на весьма почтительном расстоянии от подвод, но сами возчики были иного мнения. Путь мальчуганам преградил грозного вида мужик:

– А ну, щенки каргалинские, брысь отсюда, чтобы духа здесь вашего не было! Кыш, кыш отсюда, галчата! Надоели! Так и норовят что-нибудь уцепить и стащить, если мы хотя бы на секунду зазеваемся! Ишь, распоясались...

Очумелый и обозлённый долгим ожиданием мужик сплюнул и грязно выругался.

К нему присоединился другой возчик с красным от бессонницы глазами:

– Будь осторожен, брат. В прошлом году на Каргалинской пристани я половины своих товаров лишился. Лежу, значит, на своей телеге, очереди жду. Долго ждал и даже не заметил, как задремал малость. Всего лишь малость! Соседи бы-

ли знакомые мне люди, так и они, видимо, не углядели...

– Да-а, туганкай, сон в таком случае – всё равно что смерть. Хорошо, что не весь товар упёрли...

– Дык... Это... Самое интересное, что я всё видел и наблюдал, глаза-то были не совсем закрыты, в полудрёме... Видеть-то я видал, как товар брали, в пожитках моих копались, но ни языком, ни пальцем шевельнуть не мог, понимаешь? Как заколдованный лежал, ей-богу... А когда опомнился, воров и след простыл...

– М-да... А ты думал, вору подождут, когда проснёшься?

– Ох, как горевал я тогда...

Слушать рассказы возчиков было очень интересно, но не безопасно. Мальчишки, конечно, не впервой сталкивались с таким враждебным к себе отношением возчиков на переправе, привыкли к этому. Поэтому они даже не возмутились, а как ни в чём не бывало продолжили путь на пристань.

Даже шум вышедшей из берегов реки не мог заглушить рёва взбудораженной толпы... Ругались в основном из-за места в очереди. Кто-то суматошно кричал, ища потерянную очередь, кто-то пытался влезть без очереди, некоторые тихой сапой пытались сунуть паромщику взятку, а иные вообще лезли напролом. Шум, гвалт, крики, ругань... На той стороне реки шум и толкотня разгорались с новой силой: возчики в спешке мешали друг другу выехать из парома на берег. Светопреставление! Театр трагикомедии! Но даже у пристани мальчишки задержались ненадолго. Они лишь позволи-

ли себе полюбоваться ловкими движениями паромщика дяди Зарифа, который причалил к пристани, одним прыжком очутился на дебаркадере и в мгновение ока привязал паромный канат к толстому железному столбику. Да, смотреть на дядю Зарифа было одно загляденье!

Прогульщики наскоро помылись в речной воде, спрятали свои ранцы под опорами снесённого моста и побежали к расположенной неподалёку кузнице...

Словом, оба сорванца развлекались подобным образом до позднего вечера, а когда пришли под остов унесённого моста, чтобы забрать свои ученические принадлежности, обнаружили лишь обвалившийся берег. Ранцы уплыли вместе с остатками моста. Сорванцы лишились своих книг, учебников, грифельных досок, других принадлежностей.

Абдрахман, которого однокашники называли просто «Аптери», чуть не заплакал от досады:

– Пропала моя бедная головушка! Запорет меня отец! Мало того, что с уроков сбежал, так ещё и ранец потерял! Нет, домой мне нельзя! Запорет отец, как пить дать запорет!

Ахметсафа за себя особенно не беспокоился, зная, что отец никогда не поднимет руку на детей. Он попытался как-то утешить друга:

– Ну что ты, Аптери... Обойдётся... Не съест же он тебя... Ничего особенного не случилось... Подумаешь, берег обвалился...

– Тебе хорошо! Дядя Мустафа вас пальцем не трогает, а

если мой отец рассвирепеет, знаешь, что будет? Мама говорит, что это похуже взбесившейся коровы. Нет, ты как хочешь, а я ни за что домой не пойду. Заночую у дедушки с бабушкой, а завтра после обеда бабушка сама меня проводит. Отец бабушку побаивается, при ней я в безопасности...

Да, Ахметсафа знал необузданный нрав отца Абдрахмана. Жестокая порка была излюбленным педагогическим приёмом грозного родителя.

– А я вообще больше в медресе не пойду! – заявил Ахметсафа. – К тому же скоро посевная начнётся, не до учёбы будет...

– И что? – насупился Аптери. – Пока учёба не закончится, тебя из медресе никуда непустят.

– У других, может, учёба и не закончится, а для меня она, Аптери, уже закончилась! – засмеялся Ахметсафа.

Он с удовольствием растянулся на самой кромке берега, с минуту лежал неподвижно, а потом затянул во всё горло:

Мой ранец по реке утё-ок!

Ура весне! Долой уро-ок!

Удачный экспромт укрепил его в решении бросить постылое заведение нудного Валькая хаджи. На их счастье, в деревню из Оренбурга прибыл новометодный учитель-реформист Мифтах хальфа, и к осени, несмотря на всё противодействие исходившего ядовитой слюной Валькая хаджи,

в Каргалах открылась первая джадистская школа, где стал учиться и Ахметсафа с приятелями.

...Ахметсафа не заметил, как и когда одолел его сон. Он не слышал, как петухи пропели рассвет, и проснулся лишь от голоса мачехи:

– Вставай, Сафа! Саттар с друзьями уже ждут тебя у ворот.

Ахметсафа вскочил как ошпаренный и побежал к умывальнику. Надо же, всё-таки проспал! Так опростоволоситься!.. Но тут он услышал довольный смех мачехи Шамсии:

– Да не спеши, полоумный! Никто тебя ещё не ждёт. Я тебя специально пораньше разбудила, чтобы ты успел навоз в коровнике убрать, помыться, позавтракать, в порядок себя привести. А друзья твои ещё седьмой сон, небось, досматривают...

Шамсия загремела вёдрами и пошла к роднику за водой...

В это утро Ахметсафа окончательно распрощался с детством...

VII

Поначалу трудно было привыкать к жизни в стенах «Ху-саинии». Тянуло домой, в деревню, но в медресе шакирдов держали в строгости: без позволения учителей и шагу нельзя было ступить. К тому же Ахметсафу разлучили с односельчанами и поместили в комнату на третьем этаже, где жили шакирды постарше. Вообще, вся жизнь в медресе была тщательно пронумерована. Например, Ахметсафа стал известен под номером «12»: койка, место в столовой и даже парта Ахметсафы помечены этой цифрой. С трудом освоил он и новенькое, непривычное словечко «парта». Конечно, не хотелось разлучаться с односельчанами, но и с новыми однокашниками Ахметсафа довольно быстро нашёл общий язык. Соседями его были шустрый шарлыкский парень Сагит, «зимовавший» (как он сам выражался) в медресе уже третий год, и медлительный увалень Мазит. Они были полными противоположностями. Если Сагит Агишев отличался бойким языком, был компанейским и общительным, то Мазит обладал характером вздорным и неуступчивым, норовил при малейшей возможности вступать в спор и с маниакальным упорством отстаивать свою точку зрения. Словом, упаси бог обратиться к Мазиту с какой-нибудь просьбой, сам же рад не будешь. Весело косясь на угрюмого Мазита, Сагит нарочито громким голосом «просвещал» Ахметсафу:

– Ты знаешь, Сафа, на свете существует одна загадочная болезнь под названием «тупость непроходимая». Даже в медицинском трактате знаменитого Абугалисины нет средства от этого недуга. Значит, хворь сия неизлечима, в противном случае средство от неё было бы прописано красными чернилами ещё тысячу лет назад на первой же странице упомянутого трактата. Надо сказать, что болезнь сия сопровождается неприятным осложнением под названием «Упрямство ослиное», когда, например, пациент в пику здравому рассудку называет чёрное белым и наоборот, и готов стоять на своём до потери пульса...

Мазит в бешенстве хотел швырнуть в насмешника подвернувшуюся под руку книгу, но передумал, сдержался и лишь боднул Сагита недобрым взглядом.

Одна койка у самой двери пустовала – дожидалась своего хозяина.

Едва началась учёба, как пришла новость: по распоряжению властей медресе «Хусаиния» переименовывается в Восточный институт народного образования. Ещё через некоторое время из учебной программы были изъяты религиозные дисциплины, запрещено чтение намаза, соблюдение мусульманского поста, дней гаета²¹ (разговения) и других ритуалов как «пережитков прошлого». Соответствующий фирман-приказ красовался на видном месте доски объявлений.

---

²¹ Гаёт – праздничное богослужение мусульман, например, в честь окончания поста.

Неугомонный Сагит так прокомментировал этот «мудрый указ»:

– Видишь ли, меня направили сюда, чтобы я стал благочестивым муллою и нёс односельчанам свет истинной веры. Боюсь, что мне придётся приехать домой в совершенно другой ипостаси, то есть превратиться в отпетого безбожника...

Тут он горько усмехнулся и продолжил:

– Такие вот прекрасные времена наступили, дружок. А что? С одной стороны, полная благодать: не надо с утра хвататься за кумган для ритуального омовения-тахарата, не нужно бояться нагоняя от мулл и казыев. И никто, заметь, не протестует против нового указа, как будто всю жизнь только этого и ждали. А как же... Дескать, новую жизнь строим... Человека от веры отлучить легко, но очень трудно привить ему веру, совесть...

Мимо них пропорхнула стайка весёлых девушек. Сагит кивнул в их сторону и хитро прищурился:

– А вот и наши райские птички... Когда я поступил в медресе, в его стенах даже духа девичьего не было. В городе работала отдельная женская школа. Когда мы просили у мугаллимов дозволения пригласить на какой-нибудь литературный вечер девушек из женской школы, у них от удивления и возмущения глаза на лоб вылезали. Как так?! Девушки в медресе!.. А поскольку нам очень хотелось знакомиться с девушками, мы начали посещать литературные вечера в

оренбургском Караван-сараяе²². Одно время там Баби́ч свои стихи читал. Что за человек был! Семи пядей во лбу...

– А где он теперь? – тут же заинтересовался Ахметсафа.

Его интерес не был случаен. О Шаехзаде Баби́че с торговом рассказывал их джадид-учитель Мифтах хальфа. Но почему Сагит так погрузнел от вопроса Ахметсафы? В чём дело? Быстро оглядевшись по сторонам, Сагит ответил тихо, почти шёпотом:

– Его в прошлом году красные схватили. Баби́ч сотрудничал с башкирским правительством, но дело в том, что валидовцы в то время уже переходили на сторону советской власти, и Баби́ч поэтому был уверен, что большевики не тронут его. Увы, он горько ошибся. Красные схватили его, хотя Баби́ч вовсе не думал скрываться от них, напротив, открыто шёл к ним. И вот за такую-то честность его растерзали, пытали, живого места не оставили. А потом, еле дышащего, привязали к хвосту лошади... Когда потерял сознание, застрелили... Так-то, дружок... Эти красные – хуже зверей... Такого поэта растерзали...

Увидев незаметно подошедшего к ним Мазита, Сагит тут же сменил тему разговора и с наигранным весельем воскликнул:

– О, Мазит, тебе горячий привет от «катушек»!

---

²² Караван-сарай – общественное здание для пребывания торговцев и путешественников. В 1838–1844 гг. по проекту А. Брюллова по образцу среднеазиатскому в п-образной форме построена за счёт местных мусульман.

При этом он кивнул головой в сторону поднимавшихся по лестнице девушек.

– Особенно спрашивала о тебе одна из них! Красивая такая... Как уже её зовут... То ли Парваз... В общем, замучила она нас: где, мол, Мазит, не появлялся ли он? Выньте и положьте мне моего Мазита! А глазища у неё так и горят! Неспроста это, я тебе скажу. Поэтому и поспешил известить тебя, дорогой Мазит. В смысле: не теряй время, лови мгновение!

Мазит с деланным равнодушием махнул рукой:

– Гм-м... Не до «катушек» теперь... С математикой никак не могу разобраться. И кто придумывает такие задачи? Допустим, два поезда движутся навстречу друг другу. Ладно... Один почему-то увеличивает скорость, другой убавляет... Зачем, спрашивается, это им нужно? Через сколько часов они встретятся, если... И тому подобная белиберда... Господи, зачем мне всё это надо? Что я, готовлюсь паровозом стать?

С обиженным видом Мазит удалился в сторону учительской.

– Его то и дело оставляют на дополнительные занятия по математике, – сочувственно заметил Сагит. – Надо же! Такой всезнайка, а считать до сих пор не научился!

Ахметсафа пропустил мимо ушей иронию друга. В настоящее время его интересовали девушки.

– А эти... – замялся он. – «Катушки»... Это кто?

Сагит рассмеялся:

– Мы так девчонок между собой называем. Они же подвижные, как катушки на шпульке, беспокойные, неуловимые, быстрые... Чуть их тронешь – готовы сорваться с места испуганной ланью, только их и видели. А сколько в них кокетства, жеманства! Настоящие артистки! Прима! Видел бы ты их на разных вечерах и концертах. Брови, реснички подведут, губы помадой намажут, глазками туда-сюда стреляют. Хоть стой, хоть падай! На головках – бархатный калфак, на ножках – сафьяновые ичиги, платье с оборками... Ну, прямо барышни! Принцессы! Королевы! Ханбике! В общем, артистки широкого профиля. Прекрасно играют на мандолине, пианино, читают декламации, танцуют, поют...

Сагит лукаво прищурился:

– погоди, вот наладится учёба, познакомишься с другими шакирдами, втянешься в нашу жизнь и сам станешь увиваться за «катушками». Ты, кажется, парень не промах! Кроме того, девчонки почему-то без ума от низкорослых кавалеров. Был у нас такой ловкач, Мусой звали, так он даже ниже тебя ростом, а заводной... У-у! Девки за ним по пятам ходили... Жаль, в этом году учёбу вынужден был бросить...

– Почему же? – спросил Ахметсафа, уже слышавший от кого-то имя «заводного» шакирда Мусы. Ему почему-то хотелось побольше узнать об этом таинственном Мусе, и он продолжал расспросы:

– Сам он откуда? Из киргиз-кайсаков?

– Нет, он наш, земляк, из аула Мустафино, – ответил Сагит, с удовольствием настраиваясь на рассказ о всеобщем любимце. – Он и стихи пишет, собирается большим поэтом стать. Как Бабич... И будет! Почему бы нет?! Ты знаешь, кто у него в учителях был? Такие корифеи, как Шариф Камал... М-мда... Не то, что у нас... Нынче многие учителя – хальфы, мугаллимы, мударрисы – ходят как в воду опущенные. Может, боятся, что их тоже уволят, как других?

Так, за разговором они дошли до своих «апартаментов». Сагит кивнул на пустую кровать:

– Вот здесь Муса спал. И сундук его... В этом году отец у него умер, поэтому с учёбой пришлось повременить. Недавно видел его старшего брата Ибрагима, он работает в газете «Мөхбир» («Вестник»). Расстроенный был Ибрагим эфенди, на глазах слёзы. «Придётся в аул возвращаться, – сказал он. – Отец наш умер. Сестричкам, братишкам подмога нужна. Теперь я за главного в семье, все на меня надеются...» Душевный он человек – Ибрагим. И Муса такой же... Думаю, он всё-таки придёт в медресе попозже, например, ближе к зиме... А знаешь, как он на мандолине играет? Класс! Всюду с ней ходит. Теперь уж, наверное, не играет. Ведь отец скончался... Горе... А ещё они на пару с Айшой каждый раз на молодёжных вечерах концерты вели. Конферансье называется... Славно у них получалось, просто загляденье!

Ахметсафа знал эту бойкую, симпатичную Айшу, встречался с ней. Должно быть, Муса действительно необычно-

венный человек, если сумел покорить сердце такой неотразимой красавицы, как Айша Мухаммедова.

Сагит рассеянно порывлся в своих тетрадах, словно ища или вспоминая что-то, потом вдруг выпрямился, вздёрнул подбородок и начал декламировать стихи, явно подражая сценическим артистам:

Разбуди страну и выйди на арену той борьбы,
Чтобы смыть пятно позора с нашей горестной страны.
О, проснись, страна! Проснись же! К справедливости
иди!
Счастье, истина и правда ожидают впереди!

– Эту декламацию Муса сочинил, – с довольным видом сообщил Сагит. – Неплохо, а?

– Да уж... Не хуже, чем у Бабича...

Фатых Сагитов, вошедший в комнату во время вдохновенного исполнения Сагитом виршей Мусы, высокомерно поджал губы и проронил:

– И что вы нашли в этой, с позволения сказать, декламации? Не хуже Бабича, дескать... Сравни тогда и с Тукаем, и с Дэрдмендом, Сагитом Рамеевым... Теперь каждый шакирд мнит себя поэтом и слагает байты...

И Фатых всё также презрительно продекламировал:

Не удивительна наивность в детскости,
Но удивительно невежество в действии...

– Ага! – многозначительно поднял палец Сагит. – У этого джигита под тюбетейкой голова не пустая. Как говорится, котелок варит. Цитатой из Дэрдменда он хочет обвинить нас в невежестве. Но не забывай одного, Фатых: это лишь первые литературные опыты Мусы. Во всяком случае, Шариф абзый Камал возлагает на него большие надежды. Хвалит его и Тухват Ченекей. Впрочем, может быть, именно это обстоятельство тебя и раздражает?

Фатых вспыхнул и проворчал:

– Ну вот ещё... Больно нужно мне... из-за ерунды раздражаться...

Видя, что никто не поддерживает его, Фатых в глухой ярости походил по комнате, а потом ушёл, с досадой хлопнув дверью.

Не обращая на умника Фатыха никакого внимания, Сагит спросил Ахметсафу:

– А ты сам сочиняешь стихи?

– Нет, – смутился Ахметсафа. – Но я люблю их читать и декламировать. Наш мугаллим Мифтах хальфа очень хорошо знал литературу и старался передать нам все свои знания, воспитывал в нас чувство литературного вкуса...

Сагит обрадовался и, недолго думая, даже не попросил, а потребовал:

– Так в чём дело, парень? Давай прочитай нам стихи, затронь наши чувствительные души!

Ахметсафа не стал себя упрасивать и с улыбкой принялся декламировать:

Ной, душа, болей, печалься,
Не переставая ной.
Месяцами и годами,
И ночами грустно пой!..

Сагит с улыбкой положил руку на плечо Ахметсафы и присоединился к декламации:

Ной, душа, в цветы Эдема
Превращай огонь любви,
Из ночи печали вечной
День и Солнце сотвори!

– Афарин, браво, друг мой! Эх, видел бы тебя в эту минуту автор этих строк Сагит эфенди Рамеев! Ей-богу, ты был бесподобен! С тобой можно иметь дело!

Он хлопнул друга по плечу и продолжил:

– Пусть только начнутся литературные вечера, ты станешь у нас новой звездой национальной сцены! Твоё место в искусстве, считай, забронировано! А что ещё ты умеешь? Аллах обычно щедро одаривает талантливых людей.

Ахметсафа, вдохновлённый похвалами, немедленно скинул свои башмаки, встал на руки и поболтал в воздухе ногами, выделявая какие-то немыслимые кренделя. Потом он

легко прошёлся на руках по всей комнате, останавливался, артистично поднимая то одну, то другую руку, как учил их на уроках гимнастики незабвенный Мифтах хальфа... Опля!.. Встав на ноги, он проделал ещё несколько акробатическо-танцевальных номеров...

Сагит бурно зааплодировал и рассмеялся:

– Достаточно! Хватит! Такого трюкача у нас ещё не было, честное слово! Да ты настоящий артист! Звезда сцены!

Через несколько дней Ахметсафу, как и было обещано на вступительных экзаменах, перевели из первого во второй класс подготовительного отделения. В этом классе училась и Айша Мухаммедова. И вот во время первой же перемены она под руку с одной из своих подружек подошла к Ахметсафе.

– Итак, мой друг, – обратилась она к нему по заведённой в медресе традиции. – Лучше тебе не отпираться, потому что мы уже наслышаны о твоих талантах декламатора, гимнаста и танцора.

– Кто?.. Откуда? ... – удивился Ахметсафа.

– Не важно... Слово уже ушло от своего хозяина...

Но Ахметсафа уже не смотрел на Айшу и даже не слышал её, потому что его вниманием полностью завладела стеснительная подруга Айши. Едва взглянув на неё, бедный юноша ощутил сильное и тревожно-сладкое сердцебиение. Слегка удлинённое миловидное лицо девушки чуть порозовело от смущения, а небрежная россыпь еле заметных веснушек

придавала ей невообразимое очарование. Вот это фея! У Ахметсафы аж дыхание перехватило. Девушка тоже взглянула на него из-под длинных полуопущенных ресниц, отчего ещё более зарделась, а юноша вновь ощутил бешеное сердцебиение. Красавица стыдливо потупила взгляд.

Айша, на которую многочисленные кавалеры не производили ровно никакого впечатления, хладнокровно проигнорировала пылкое смущение Ахметсафы, явно очарованного её подругой, и как ни в чём не бывало гнула свою линию:

– Мы, дустым, намерены обновить деятельность нашего кружка художественной самодеятельности, внести, так сказать, свежую струю. В конце концов, мы же не собираемся здесь всю зиму кормить тараканов. Надо усваивать плоды просвещения и культуры, а их нам на блюдечке никто не преподнесёт, поэтому нужно самим проявлять инициативу. Вот Загида, например, моя подруга (Айша ткнула её локтем) хорошо поёт и танцует...

Загида тут же нахмурила брови и укоризненно пропела нежным голосом:

– Айша-а-а!..

Дескать, зачем ты это говоришь, в краску меня вгоняешь при постороннем человеке?

– Ладно, ладно, всё! Молчу! – от всей души засмеялась Айша и шутливо подкольнула подружку:

– А чего ты вдруг так смутилась перед Ахметсафой, а? Парней ни разу не видела, что ли?

Загида вспыхнула и поспешила отойти в сторонку.

Айша, весьма довольная смущением подруги, бесцеремонно подхватила Ахметсафу под руку и заговорщицки сказала:

– Вы ещё не раз на пару с ней выступать будете, и пусть все лопнут от зависти, потому что вы с Загидой отныне назначаетесь ведущими-конферансье всех наших вечеров в течение всего года. Ясно? На следующей неделе кружок начинает свою работу, и на первое же заседание приглашены Шариф ага Камал и несколько других писателей. Так что, не подводите нас! Спросим строго!

В эту минуту она действительно выглядела комично-суровой и строгой. Настоящая мегера в юбке! Правда, очень милая и симпатичная...

– Надеюсь, задание понятно? – непреклонным, даже повелительным тоном вопрошала госпожа Айша. – Вот и чудненько! А то мы в прошлом году с ног сбились, разыскивая подходящих ведущих...

С этого дня в душе Ахметсафы стало происходить что-то непонятное. Он грустил, вздыхал, страдал... Ему так хотелось увидеться с милой веснушчатой Загидой! Он ещё не понимал, что так пробуждалась его душа, в которой зарождалась любовь. Душа словно очнулась от спячки, встрепенулась, залила своим тёплым светом весь мир, обняла всю вселенную...

VIII

После зимних каникул Ахметсафа приехал в Оренбург не в лучшем настроении. Отец попросил у кого-то лошадь и отвёз сына в город, высадив его не у здания медресе, а у дома их родственника книготорговца Гумера абзый. Хозяин искренне обрадовался гостям, но всё же заметил, что Ахметсафа чем-то обеспокоен и встревожен.

– Торговля нынче захирела, Мустафа туган, – завёл было разговор хозяин, но осёкся, увидев, как болезненно сморщился его родственник.

Мустафу понять можно. Всю жизнь он имел дело со шкурами, кожами и только в последние годы совсем отошёл от торговли. Переживает, наверное, свои неудачи. К тому же смерть отняла у него любимую жену, а пожар – родимый дом, семейный очаг, нажитое добро. Пожары в Каргалах случались и раньше. Гумер помнит, как в двенадцатом году народ спасался от пожара в реке. Огонь за два часа уничтожил половину деревни. В дополнение ко всем бедам двое сыновей Мустафы пропали на войне: ни слуху ни духу от них. Живы ли, нет ли? ...Из газет Гумер знал, что сформированные Усмановым полки воюют в Средней Азии против Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Там ли сейчас Гумерхан и Гусман Давлетьяровы? Живы ли? Ничего неизвестно... «Сдал Мустафа в последнее время, сильно сдал, над-

ломился, бедолага», – сокрушённо подумал Гумер эфенди.

Конечно, его догадки и предположения были верны, но не знал и не мог знать достопочтенный книготорговец, что есть у его младшего брата ещё одна непроходящая зубная боль в сердце – отношения с молодой женой Шамсийей...

Мустафа быстро узнал действительную причину, по которой Шамсия решила выйти замуж за него, вдовца с пятью детьми. Впрочем, Шамсия сама однажды рассказала ему об этом. Когда Валькай хаджи особенно начал преследовать её, домогаясь согласия на брак в качестве второй жены и не ограничиваясь посылкой свах, стал заходить к ней в дом, угрожая в случае отказа ославить её на всю окрестность, Шамсия в отчаянии дала обет, поклявшись выйти замуж даже за многодетного отца, если это поможет ей избавиться от притязаний постылого Валькая. А в старину люди строго придерживались сказанного обета, тем более он был сказан в присутствии старухи Таифе, то есть стал достоянием всего села в течение двадцати четырёх часов. И всё-таки даже такая опытная сваха и устроительница сердечных дел, как бабушка Таифе, пожалела молодую, красивую, бездетную вдову. Однажды они расплакались вдвоём, погоревали, побабы поголосили, а когда слёзы, наконец, высохли, старуха попыталась утешить молодку:

– Не кручинься так, солнышко... Всё во власти Всевышнего, Бог даст, найдётся тебе суженый. Ты молода и красива, руки-ноги целы, детьми не обременена, свахи к тебе скоро

тропинку протопчат: что тут такого, если хазрат или хаджа возжелают тебя, и видные мужи с поклоном к тебе придут, и даже молодые джигиты... Но... милая моя, негоже тебе становиться жертвой собственного обета. Зачем ты это сказала? Ведь нарушать обет никому не позволено. Так и в Коране написано. Не стоит играть с огнём, дорогая...

– Я не играю, бабушка, – с жаром ответила заплаканная Шамсия. – Но что мне делать? Валькай хаджи вцепился в меня, как клещ... Не проходит и дня, чтобы он не слал ко мне своих сводниц. Однажды и сам зашёл, пригрозил, что в случае отказа опорочит моё имя, растопчет мою честь. Что мне делать? Ждать, пока этот шайтан в чалме одолеет меня? Нет, тысячу раз нет! Вот мой обет, бабушка Таифе: готова выйти замуж за нестарого многодетного вдовца, не обиженного внешностью, но только не за Валькаю хаджи! Умру, а за него не выйду! А второй женой вообще ни к кому не пойду! Таков мой обет.

– Охо-хо, дитя моё... Во-первых, не следует оскорблять словом «шайтан в чалме» человека, совершившего хадж в Мекку. Нехорошо это, не по-божески... Никто из нас не знает, кого Всевышний удостоит рая, а кого низвергнет в огнедышащий ад. Ну а если тебе так приспичило, что готова... гм-м... в общем, во исполнение твоего обета не надо ходить далеко, вон, в начале нашей улицы Мустафа живёт, видный крепкий мужчина, в прошлом году свою Магинур схоронил и с тех пор места себе от тоски не находит. Пятеро детей

осталось. Им ласка женская нужна, уход материнский. Если хочешь, могу весточку отнести...

Шамсия в порыве чувств обняла старуху:

– Я как раз о нём думала, бабушка! Иди, милая, скажи ему. Он не старый и не кривой, если согласится, заживём вместе, душа в душу...

– Дай Бог, доченька, если так угодно будет Аллаху! Пусть на твоё намерение ангелы ответят возгласом «Аминь»!

...Мустафа не любил городские дома, а особенно квартиры. В сельском доме, как ни говори, а всё же ощущается особый уют, первозданная чистота, какой-то внутренний свет. Старший брат Мустафы, уважаемый человек, весьма образованный и державший большой книжный магазин в Оренбурге, Гумер бай эфенди тоже жил в городском доме, где Мустафа каждый раз чувствовал себя настолько неудобно, что с трудом настраивался на беседу. Вот и теперь, слушая своего брата, Мустафа чувствовал, как душа его словно цепенеет и тускнеет от всей этой вялой неживой громоздкости городской обстановки. Какая-то непонятная невразумительность, присущая только городскому жилью, разжижала мозг Мустафы и не давала сосредоточиться на беседе. К тому же воздух в доме был влажный, пахнувший плесенью, стеснявший дыхание. Как всё это терпит городской житель?

...Мустафа не мог объяснить своё равнодушие к молодой жене. Он понимал, что Шамсия для него – словно дар небесный, но ничего с собой не мог поделать. Глаза привык-

ли, а душа – нет... Что же это за напасть? Вместо того, чтобы без памяти любить молодую пригожую жену, Мустафа... предпочитает избегать её! Невиданное дело! Когда Мустафа с головой окунался в свои торговые дела, отношения с женой, конечно, отодвигались на второй план и даже временно забывались. Работа захватывала Мустафу целиком. Он крутился как белка в колесе, подсчитывал расходы и доходы, и был на седьмом небе от радости, когда доходы хоть чуточку превышали расходы. Осенью после окончания полевых работ Мустафа начинал собираться в казахские степи – дорогу дальнюю, долгую и трудную, ...

В это время Мустафа испытывал особый подъём, неподдельную радость, необыкновенную лёгкость в душе, будто вот-вот превратится в птицу, расправит крылья, взмлет в небо и воспарит над бескрайними просторами своих предков... Конечно, было бы несправедливо утверждать, что долгая разлука с Шамсиёй также приносит Мустафе радость, вовсе нет. И всё-таки он испытывал в душе какое-то облегчение, отправляясь в очередное долгое путешествие. Может, неизбывная в каждом настоящем купце страсть к торговле заставляла его забыть повседневную суету и отодвигала на задний план разные проблемы и вопросы? Разве мог он отказаться от привычной, милой сердцу обстановки?! Это всё равно, что быть обречённым на неравное противостояние с тесной невразумительностью городского жилья. В этой нездоровой тесноте прежде всего теряется здоровье ду-

ха, а немощь духа ведёт к немощи тела... Боже сохрани!..

Поначалу Шамсие не нравились долгие отлучки мужа, но постепенно она привыкла к его образу жизни, более того, со временем начинала испытывать что-то вроде не совсем здорового оживления, волнения, когда Мустафа собирался в дальнюю дорогу. Даже походка её менялась, становилась лёгкой, стремительной и даже немного легкомысленной, будто бестолковые движения плавающей в озере глупой утки. Наёмный работник Хальфетдин, наоборот, в такие дни становился предельно серьёзным и сосредоточенным, неоднократно проверяя всё снаряжение собравшегося в путь хозяина. Особенно тщательно готовил и проверял он состояние хомута, седёлки и подпруги, вообще, всей сбруи. При этом он то и дело посматривал на хозяина, словно спрашивая: всё ли правильно он делает? В такие ответственные моменты работнику не надо мешать, ибо от него во многом зависит успех предприятия. Скажем, если на полпути сбруя или телега выйдет из строя, поломается, и хозяин вынужден будет повернуть назад, вся вина, естественно, падёт на работника. А кому нужен такой нерадивый работник? Если торговля сорвана по вине подёнщика, то репутация его будет испорчена навсегда и бесповоротно. Об этом хорошо знают даже сопливые каргалинские мальчишки. Поэтому вполне понятны были особенная старательность и усердие Хальфетдина во время сборов хозяина в дорогу. В такие дни Мустафа опасно косился на путавшуюся под ногами жену. При виде Шамсии

он инстинктивно открывал рот, словно что-то хотел сказать, но так и не сказанное слово застревало у него в глотке, будто плохо разжёванная картофелина. В такую минуту Мустафа спешил ретироваться, чтобы не выдать своего смущения. Он шёл к лошадям, поил и кормил их, чистил, холил, постепенно успокаиваясь...

В дорогу он собирался неторопливо, никого не подгонял, ни на кого не кричал, будто не замечая, а может, действительно не замечая некоторых перемен, происходящих за последнее время в его семье. Казалось, ему ни до кого не было дела, и единственное, что его волновало: добраться до казахских аймаков прежде, чем снег заметёт степные дороги. У гостеприимных степняков он дождётся начала забоя скота, постарается собрать как можно больше шкур и кожи, а с ослаблением морозов двинется в обратный путь. Когда шкур собирается в изобилие, Мустафа часть сырья распродаёт уже в Троицке и Орске и возвращается в Оренбург лишь к весне. Вот тогда он окончательно успокаивается. Усталый и довольный, с барышом и подарками возвращается он домой, к жене и детям. В эти минуты он чувствует себя самым счастливым человеком на свете! Однако не проходит и двух недель, как Мустафа снова собирается в дорогу: на этот раз он забирает товар в Оренбурге и везёт его на продажу в Уфу и её окрестности и до половодья успевает вернуться с немалым барышом. Вообще, торговлю Мустафа считает единственным занятием, достойным настоящего мужчины. А если отношения

его с женой до сих пор не могут наладиться, что же... Му-стафа особенно не расстраивался... На всё воля Аллаха... Главное, чтобы торговля не стояла, деньги в руки текли... Так бы и шла жизнь своим чередом, но мир внезапно пере-менился, встал на дыбы, всё пошло прахом, развалилось, рас-сыпалось... И остался Мустафа без кола без двора, лишив-шись сначала жены, потом лошадей, а затем и дома со всем нажитым имуществом. Тяжело, очень тяжело... И торговля не идёт... Даже сдержанный, никогда ни на что не жаловав-шийся Гумер абзый и тот посетовал на застой в торговле. Такие слова в его устах означают чуть ли не крах. М-мда... Есть над чем задуматься. Неспроста начались все эти пере-дряги. Что готовит им день грядущий? Впрочем, в настоя-щее время Мустафе не до торговли было. На днях ошелом-ляющая новость чуть не оглушила его...

Однажды взбудораженная Шамсия принесла неожидан-ное известие:

– Оказывается, мой Фатхулла жив! – простонала она. – Весточка от него пришла. Чтобы провалиться на месте это-му солдату Биккулу, который сообщил о смерти Фатхуллы! Сколько слёз я тогда выплакала! Полжизни у меня отняли... Но где же носило Фатхуллу, почему он столько лет молчал и ни одного письма не послал? Почему? Через столько лет... Пишет, что в Сибири они расправились с «беяками», что скоро вернётся, и что...

Не договорив, Шамсия вновь дала волю слезам. Мустафе

казалось, что земля уходит из-под его ног.

В последнее время он приноровился вить из пакли верёвки на продажу, чтобы хоть как-то свести концы с концами. Ведь без лошадей невозможно было и думать о торговле. Да и какая нынче торговля? Новое правительство, как собака на сене, и само торговать не умеет, и другим не даёт. Остаётся разве что верёвки вить... или сапоги тачать. Услышав новость, он поднял голову и долго, внимательно смотрел на Шамсию. Кто сообщил ей о Фатхулле? Ведь пять лет прошло, как известили её о смерти первого мужа. Каким образом угнанный на германскую войну солдат очутился аж в Сибири, за тридевять земель от западных границ империи? Верно ли говорит Шамсия, не напутала ли чего? А может быть, она, понимая неустроенность, неопределённость их отношений, просто-напросто хочет воспользоваться свалившимся на голову известием, чтобы окончательно порвать брачные связи и уйти от Мустафы?.. Он надолго задумался, тупо и отрешённо смотря перед собой...

Когда исчез подёнщик Хальфетдин, Шамсия почему-то сильно переживала. Это было не совсем понятно Мустафе. Дальше – больше. Только-только начала Шамсия успокаиваться, как пришло известие от её первого мужа, оказавшегося живым... Прямо голова кругом идёт... Но в этот раз хотя бы понятно и ясно, отчего жёнушка в очередной раз взбеленилась. Как-никак первый муж отыскался. «Воскрес», из мёртвых восстал... Ясно было Мустафе и то, что жизнь его

вот-вот сойдёт с налаженной колеи. Впрочем, жизнь и так разладилась. Да и какая это жизнь, когда в деревне насчитывается несколько комитетов и народных Советов, непонятно чем занимающихся, и когда всё твоё имущество почему-то считается собственностью этих самых Советов и ими же регистрируется?! Говорят, что и дети будут принадлежать Советам. Если прежде обряд имянаречения проводил мулла, то теперь его функцию выполняет Совет, правда, без всякой молитвы. Паршивцы советские... Они тебя и развести с женой могут, если, к примеру, благоверная пожалуется на твоё рукоприкладство или равнодушие к другим представителям прекрасного пола. То есть и твоя жена как бы уже и не твоя... Тьфу, проклятие! Правда, Мустафа ни рукоприкладством, ни амурами не занимается. В этом смысле он чист, но женщине теперь даны такие права, что она, если постарается, может засадить мужа в каталажку даже за неосторожное слово, если учесть, что к тому же приврёт малость. В общем, почти по любому поводу она может вызвать в дом специальную комиссию из женского комитета, а те уж развернутся на полную катушку. Но в таком случае Шамсие не надо выдумывать ложь о «чудесном воскрешении» первого мужа, потому что она может избавиться от Мустафы гораздо более простым способом при помощи церберов из женкомитета. И вообще, Мустафа её отпустил бы без всяких женских комитетов и прочих советских причиндалов.

Нет, тут что-то другое... Мустафа только сейчас, с запоз-

данием почувствовал, что не дорожил Шамсий, когда она была рядом. Это как с чужой коровой, случайно забредшей к тебе во двор и оставшейся у тебя. Дармовым добром не очень-то дорожат в хозяйстве...

Впервые он испытал некоторое разочарование весной девятнадцатого, когда утром обнаружил яблоневый сад утопающим в цветах. Тогда Шамсия вспомнила первого мужа... И вот теперь она ещё раз произнесла его имя, и сердце Мустафы ёкнуло. В прошлом году яблоневый сад сгорел вместе с домом. На этот раз огонь забушевал у Мустафы в груди. Фатхулла жив... Значит, он скоро вернётся... Что он скажет? И что предпримет Шамсия?.. В эту минуту Мустафе показалось, что нет у него никого дороже Шамсии... Да, только теряя, начинаешь дорожить...

Шамсия, даже выйдя замуж за Мустафу, никогда не забывала о родителях сгинувшего мужа. Заносила им гостинцы по праздникам, навещала... А когда узнала, что Фатхулла жив, и вовсе зачастила к его родителям, хотя жили они в другом конце обширной деревни, и обычно ходила туда с маленькой Биби, что очень нравилось девочке. Казалось, Шамсие вовсе безразличны переживания Мустафы. На самом деле, Шамсие не давал покоя один и тот же вопрос: что сказать Фатхулле при его возвращении? Как держать ответ перед ним? Проплакав два дня, Шамсия, видимо, пришла к какому-то решению. Какому? Для Мустафы это оставалось тайной... Шамсия не спешила сжигать за собой мосты. Она

ждала новых сообщений от Фатхуллы, но он опять как в воду канул. Приходилось ждать и терпеть. Шамсие не давал также покоя и её обет – сказанный когда-то. Клятва перед Богом и своей совестью... Нарушить обет считалось большим грехом, святотатством... О, Всевышний, храни нас от ошибок!..

...Гумер эфенди говорил и говорил. Мустафа делал вид, что слушает брата, даже иногда согласно кивал головой, к тому же он вообще был немногословен, о чём хорошо знал Гумер.

Но мыслями Мустафа по-прежнему был далеко от брата, всё думал и думал о Шамсие. Его беспокоило и то, что с недавних пор её отношения с Ахметсафой почему-то ухудшились. Станным выглядело и то, что в то время, как другие женщины с поразительной быстротой «советизировались», атеизировались, Шамсия, напротив, становилась всё более набожной, что выражалось, в частности, и в её отношении к Ахметсафе: как только речь заходила о нём, Шамсия начинала жаловаться:

– Сын твой настоящим безбожником растёт! От медресе «Хусаиния», говорят, только одно название осталось, а на самом деле там учат молодёжь тому, как бы побыстрее превратиться в неверных русских! Позор! Я не могу на людях появиться, мне тут же тычат в нос безбожником Ахметсафой, удивляются, как это Мустафа позволил сыну от веры предков отойти. Вообще, в деревне молодёжь распоясалась, стариков ни во что не ставят, каким-то комсомолом бредят.

Дескать, мы комсомол построим!.. Может, и построят, думаю, что это гораздо легче, чем дом из саманных кирпичей слепить. Вот и Ахметсафа тоже, как приедет домой, так сразу бежит этот самый комсомол строить. А Советы почтенного Давли бая из собственного дома выгнали и организовали там «Молодёжную избу-читальню». Дожили... Ахметсафа в этой «избе» декламации всякие читает, вечера устраивает, молодёжь с пути сбивает. Это не молодёжная изба-читальня, а бессовестная изба-пытальня... Изба безбожников! Хоть бы ты поговорил с сыном, одёрнул его, наставил на путь истинный!

Удивлённый такой переменой в поведении жены, Мустафа пробовал урезонить её:

– Пойми, другие времена настали. Нельзя же Ахметсафу дома взаперти держать. Прежнюю жизнь, увы, не вернёшь. Страну вверх ногами перевернули, разрушили до основания. Разве мог я предположить, что заброшу своё любимое торговое дело? Что мы будем делать, если и Ахметсафа не сможет приспособиться к новым условиям жизни? Наш род испокон веков торговлей жил, мечетям жертвовал, веру и обычаи предков чтит, и священнослужители были к нам благосклонны, хвала Аллаху. Ахметсафа не может стать безбожником, не то у него воспитание, просто он переживает переходный возраст. Как говорится, молодо-зелено. В юности, случалось и мы разные глупости вытворяли, а потом всё становилось на круги своя... Помню, перед тем, как нас с прия-

телями забрали в солдаты, мы однажды вечером решили по-
дурачиться и, проходя мимо дома старшего хазрата, спели
шутливую песенку. Помню, там были такие слова:

Мы вам пели задушевно
Песенки нелестные.
Не сердитесь, что такие
Молодые-резвые...

По тем временам это считалось, скажем так, лёгким богохульством. Поэтому хазрат скандала раздувать не стал, а лишь на утреннем намазе мягко укорил отца в «недостатке воспитания». Молодость всегда ершиста. Вот и Ахметсафа со временем остепенится, забросит забавы юности... Меня сейчас, по правде говоря, другое беспокоит: второй год уже нет вестей ни от Гумерхана, ни от Гусмана. А война, кажется, затихает, к концу подходит. Что же случилось с моими мальчиками?

После этого разговора Шамсия умерила свой пыл, оставив в покое Ахметсафу и других «строителей комсомола»...

Мустафа слушал своего брата, по-прежнему пропуская его слова мимо ушей. Поняв это, Гумер абзый печально улыбнулся, и Мустафа виновато потупил взор. Что касается Ахметсафы, то он, покончив с чаепитием, поспешил в хозяйскую библиотеку и с удовольствием принялся рыться в книгах. Братья остались за столом: их разговор по-настоящему только-только начинался. Встречались они не так часто, мо-

жет быть, один или два раза в год, и им было о чём побеседовать.

– Парню учиться надо, – заметил Гумер эфенди, наступив нечаянно на большую мозоль брата. Дело в том, что устав от попрёков жены, Мустафа всерьёз задумывался, не определить ли сына помощником к какому-нибудь купцу. Скажем, года на два, а там видно будет...

– Я и сам об этом ему говорил, – продолжил хозяин. – Какие бы времена ни стояли на дворе, а честь нашего рода нужно поддерживать. Давлетьяровы – не последние люди в мусульманском мире. Мы и с царём ладили, и Временному правительству не перечили, и с Советами, даст Аллах, общий язык найдём. Я так думаю, брат. Советы поначалу много кричали о народе. Теперь их политика, кажется, меняется. И всё-таки главная опора Советов – якобы беднота. Но ты скажи мне, дорогой, разве человек позволит себе ходить в бедняках, если хоть что-то умеет, обладает известными навыками, знаниями, просвещённостью?

Мустафа отрицательно покачал головой.

– То-то, – заключил Гумер. – Об этом и в песне поётся:

Старайся, берись за дело,
Ведь жизнь проходит...

– Верно. Если сам не подсуетишься, никто тебе на блюдечке ничего не преподнесёт, – тихо согласился Мустафа. – Ме-

ня только одно беспокоит: почему государство отлучает молодёжь от веры, закрывает мечети и медресе? Неужели они думают, что новую жизнь можно построить на безверии, с помощью безбожников, людей без чести и имана? Мы, торговцы, никогда не отличались излишней религиозностью, и всё-таки во всём руководствовались прежде всего канонами веры, не отступали от законов совести.

– Торговля, Мустафа туган, это – благородное занятие, оставшееся нам от славных предков и освящённое самим пророком. Некий умник сказал: «Одно дело – шайтан с хвостом, но другое дело – злой дух, злой джин...» Вспомни, что большевики сделали в первую очередь, чтобы удержать свою пока ещё зыбкую власть? Сформировали мусульманские полки. Теперь, когда дело практически выиграно, ни мусульмане, ни другие верующие им не нужны, теперь они орут о рабоче-крестьянской армии, рабоче-крестьянском правительстве...

Мустафа подхватил его слова:

– Я хорошо помню, как красный комиссар Усманов, агитировавший мусульман в Татбригаду, не уставал говорить: «Мы, большевики, боремся за свободу всех мусульман!»

– А-а... – усмехнулся Гумер. – Это сын Хайруллы хальфы. Отец его был образованнейшим человеком, уважаемым хальфой медресе, а сын, как видишь, коммунистом заделался, более того, теперь воюет для большевиков, земли священной для всех мусульман Бухары. Газеты захлёбываются

ся от восторга: «Разгромим гнездо религиозного мракобесия!»...

– Хм-м... Значит, и до благородной Бухары добрались... Скажи, а кто такие коммунисты и большевики? Чем они отличаются? Кто из них для нас хуже?

– Все они одним миром мазаны, – махнул рукой Гумер. – Чтобы отлучить народ от тысячелетней веры, этот дьявол Ленин придумал новую религию – большевизм. Эту безбожную религию теперь и пытаются вколотить в сознание народа, а прежде всего – в умы молодёжи. Народ сходит с катушек, развращается большевиками, теряет веру – вот что самое опасное. С человеком, продавшим свою веру или отрёкшимся от неё, можно делать всё, что захочешь. Ленин хорошо понимает это, поэтому в первую очередь развращает и разлагает молодёжь. По всей стране создаются молодёжные группировки, организации, и хуже всего то, что они добиваются некоторых успехов, как пишут газеты. Повторяю, Ахметсафа должен понять одну непреложную истину: знание – это одно, вера – другое. Если ты начнёшь противостоять своей вере, тебя уже никто и ничто не оправдает, ни в глазах божьих, ни в глазах народа.

Давлетъяровы когда-то бежали в эти края от насильственной христианизации, покинув свои сёла и угодья в бывшем улусе Нукрат-Иделя²³. По воспоминаниям аксакалов, одним

---

²³ Нукрат-Идель – дословно означает «Вятская Волга», т. е. бассейн реки Вятки, одна из основных областей Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского

из наших предков был саид Арской области, что под Казанью. Не тебе объяснять, что саидами могут называться только потомки рода пророка Мухаммеда. Вот каков наш род!..

– Так, так, – задумчиво кивнул головой Мустафа. – А скажи, абзый, объясни мне одну вещь. Я никак не могу понять, как можно двигать вперёд страну, опираясь на одну бедноту? А?

– Твои сомнения совершенно обоснованы, брат. Беднота обладает одним «талантом»: разбазаривать то, что имеется, жить тем, что ему дают, или тем, что он сам отбирает. Читаешь нынешние газеты и диву даёшься. Ведь на носу посевные работы. В прошлом году, сам знаешь, несмотря на хорошие погодные условия, урожай пропал из-за военных действий на наших землях. Собранный в снопы и амбары хлеб сжигали нелюди: красные уничтожали всё на своём пути, чтобы белым ничего не досталось, ну а те платили красным той же монетой. То, что некоторым рачительным хозяевам удалось сохранить, теперь отбирают. Этот узаконенный грабёж назвали сатанинским словом «продразвёрстка». Уже два года не дают крестьянам подняться на ноги. Лодыри, дармоеды... Ну как ещё назвать людей, живущих за счёт грабежа других?

– Как ты сказал? Про... прора...

– Продразвёрстка, – повторил Гумер.

ханства; район расселения нукратских или «серебряных» болгар, позднее – «чепинских» татар.

– Тыфу ты, прости Господи! Язык сломаешь с непривычки... Но как же так, брат? Ведь если средний, зажиточный класс будет разорён, то бедным и подавно нечем будет кормиться, ибо награбленное, дармовое проедается очень быстро. Неужели это не понимают в правительстве?

– Может, и понимают... А может, на это у современного правительства ума не хватает. Зачем голову ломать?! Их лозунг: «Грабь награбленное!» А после хоть трава не расти... Время покажет... Жаль только, что века угнетения привили татарам нехорошую черту: стремление во всём угодить властям, эдакое униженное приспособленчество...

– Н-да... – протянул Мустафа. – Упаси Аллах от такой власти. Смотрю я на её кривляния, а в сердце холод закрадывается. Не к добру это, ох, не к добру... И никакой надежды... Зябко в душе... Темно... Муторно...

– Многие купцы разбежались кто куда, – мрачно продолжил Гумер, беря с полки какую-то толстую книгу в шикарном переплёте. – Вот в этой книге зарегистрирован под моей фамилией и мой торговый дом. Издание называется «Торгово-промышленная Россия»...

Гумер печально усмехнулся и открыл книгу на закладке:

– Вот здесь, на этой странице про меня написано. Давлетьяров Гумер. Сайтова слобода Оренбургского уезда. Книга выпущена в 1899 году в Петербурге с одобрения министра финансов... Видишь, как раньше относились к торговым людям? Даже в отдельную книгу собирали. А нынче? Где наши

Торговые дома? Обобрали, отняли, прикрываясь лозунгом «национализации»...

В глазах Гумера заблестели слезинки.

— Всю жизнь посвятил я просвещению народа, сколько книг и газет распространял бесплатно! В каждом из моих магазинов были открыты книжные отделы, доступные даже для малоимущих. Моими друзьями были Гаяз Исхаки, Галимджан Ибрагимов, Рамиевы... Где теперь те времена, те люди? Где указанные в этой же книге купцы, промышленники, меценаты из татар? Где наши знаменитые некогда Хусаиновы, Кильдияновы, Динмухаммедовы, Губайдуллины, Азимовы?.. Куда подевались их богатство, имущество, недвижимость? Рамиевы хотели спастись, передав в руки правительства свои золотые прииски, и чем это кончилось? Теперь Рамиев, он же Дэрдменд, знаменитый миллионер, меценат, а ныне всего лишь нищий поэт...

Гумер с болью в сердце продекламировал:

Ах, какие времена
Были и прошли!
Споры жаркие друзей,
Смелые мечты,
Устремления к добру
Пламенных сердец...
Золотые времена,
где вы наконец?...

Он смахнул с глаз слезинки и печально вздохнул:

– Да... Были времена... Удивительные, восхитительные времена! Славные, шумные годы!.. Дружные застолья, откровенные разговоры, бурные споры, литературные и музыкальные вечера, смелые планы, светлые надежды... а что теперь? Куда ни пойдёшь, всюду одни только жалобы...

Мустафа молчал.

– Нет, брат, так дело не пойдёт, – продолжал негодовать Гумер. – Этот путь приведёт страну к гибели. Прогресс государства возможен не при политике грабежа и разбазаривания накопленного, а лишь тогда, когда народу предоставляется возможность самому пользоваться плодами труда, сохранять и умножать богатства, укрепляя и развивая таким образом экономику страны. В противном случае страна развалится, и никакой надежды, как ты верно заметил, нет и не предвидится...

Мустафе стало грустно и неуютно от горьких слов брата. Значит, и Гумеру абзый несладко приходится нынче, более того, он в откровенной беседе с братом кажется очень подавленным и расстроенным сложившейся ситуацией. Как же утешить его? Впрочем, нет теперь таких слов, которые смогли бы утешить Мустафу, Гумера, других...

Звуки их разговора долетали и до ушей Ахметсафы, более того, братья вовсе не намерены были держать свой разговор в тайне от юноши, ибо значительная часть беседы была адресована именно ему и вообще молодёжи. Ахметсафа не во

всём был согласен с ними. Особенно не понравилась ему резкая критика Гумером абзый советского правительства. Конечно, дядю можно понять, у него с этим правительством свои счёты, свои обиды. Однако не всё так просто... Ахметсафа вспомнил, как их учитель Мифтах хальфа, недовольный ответом шакирдов, шутливо произносил: «Верно!»... А потом с улыбкой добавлял: «Но это не совсем так! Не всё так просто!..»

Ахметсафе казалось, что люди старшего возраста не могут понять и вряд ли поймут происходящие в стране коренные перемены. Он вспомнил, как представитель губкома на встрече со студентами заявил: «Революция только начинается!» Эти слова, по крайней мере, были понятны и доступны каждому. Кому плохо, если все люди будут равны между собой, а жить станут счастливо? Разве «братство, равенство и счастье» – плохие слова? Если рабочие всего мира присоединятся к борьбе этой самой бедноты, над которой насмеются купцы, разве миру станет хуже? Да, прогресс невозможен без искоренения из сознания людей мелко-буржуазной и крестьянско-собственнической психологии. Нужна новая революция! И она начинается! Революция сознания, революция духа! Только в результате победы этой революции в стране возможно установить новые порядки. Всегда и везде находились противники нового. Поэтому предстоит сломить сопротивление врагов и установить во всём мире диктатуру пролетариата... В институте читают лекции и преподава-

тели партийно-советских курсов, особенно впечатляют выступления таких пламенных борцов за новый строй, как Загид Шаркый. Это истинные певцы свободы, равенства, гласности строителей коммунизма.

Отец и Гумер абзый ошибаются, если думают, что Ахметсафа стал революционером ни с того ни с сего, а вернее, на волне «вечно бунтарской юности»... Разве не он познал вдовость все «радости» прежней, старой жизни? Куда привела прежняя хвалёная жизнь? Разве после гибельного пожара их домом не стала похожая на курятник лачуга старухи Таифе? Разве при воспоминании о перенесённых ими лишениях и мучениях кровь до сих пор не стынет в жилах? Отец всю жизнь твердил, что миром движет торговля. У него самого торговля не то чтобы расцветала, но твёрдый достаток семье обеспечивала. Но как только в стране начались неурядицы, войны да революции, замерла и торговля. Испытания трудностями она не выдержала, значит, не ту дорогу отец выбирал. Ненадёжным источником существования представлялись и куцые крестьянские поля, урожаи с которых так зависели от погодных условий, что, по сути, оказались в руках Божьих. Давлетъяровы живут сейчас плохо, бедно. И не у кого просить помощи: время на дворе такое, что никто, даже если захочет, не протянет руку помощи «бывшему торгашу»... Да, неправильно жил отец... Его ремесло оказалось палкой о двух концах, толстый из которых колотит их сегодня по голове. В нынешней ситуации больше прислушива-

ются не к горьким словам книготорговца Гумера Давлетьярова, а к сладким сказкам большевистского агитатора Загида Шаркыя, грезившего «народным счастьем». Как бы то ни было, а слушать о возможной и даже близкой счастливой жизни настолько приятно, будто крылья у тебя вырастают, голова слегка кружится, и ты уже сегодня готов участвовать в созидании «светлого будущего». Мыкаясь с погонщиками верблюдов в торговых караванах, не наживёшь добра, хоть исходи вдоль и поперёк всю великую кипчакскую степь. Нет, это не выход!.. Только став истинными хозяевами всех богатств страны, можно дать народу счастье. И вот тогда уже брат с братом смогут встречаться не раз в полгода, а каждое воскресенье, и вместо того, чтобы жаловаться на жизнь, будут её приветствовать. В общем, будущее казалось Ахметсафе безоблачным и радостным. Впереди их ждали счастливые годы! Как можно о чём-то горевать, зная о грядущем светлом будущем?! И он окунулся в океан мечты, отдавшись воле её сладких, баюкающих волн...

...В конце зимы из лексикона студентов почти исчезли такие слова, как «медресе», «Хусаиния», «шакирд»... Знаменитые купцы и промышленники Хусаиновы много лет были известны как щедрые татарские меценаты, на средства которых, в частности, было построено трёхэтажное здание высшего медресе. Здание возведено из пород горного камня, отшлифованного и плотно пригнанного лучшими мастерами-татарами, и давно стало уже визитной карточкой му-

сульманской части Оренбурга и, конечно, одним из лучших архитектурных строений города. В годы гражданской войны всё имущество баев было реквизировано «в пользу революции», такая же судьба постигла «Хусаинию». Впрочем, ходили слухи, что Хусаиновы добровольно передали советской власти здание медресе. А как же иначе... Попробовали бы они не отдать «добровольно»... «Верно... Но это не совсем так! Не всё так просто!» – вспомнились вдруг слова незабвенного хальфы Мифтаха...

Здание медресе объявили губернской собственностью, а вместо надписи «Медресе «Хусаиния» появилась табличка «Восточный институт народного образования». Когда Оренбург объявили столицей новосозданной Казахской АССР, Институт разделили на разные национальные факультеты: казахский, татарский, башкирский и другие. Самой интересной была аббревиатура Казахского института народного образования – КИНО.

Испокон веков татары называли учеников медресе шакирдами. Это слово тоже не понравилось новым властям, и они выкопали откуда-то слово «студент». Хочешь не хочешь, а пришлось шакирдам переделаться в студенты.

Конец февраля... Насколько жаркое в этих краях лето, настолько сурова зима. Трескучие морозы. Жуткий холод. Здание института отапливалось скупой, студенты мёрзли и даже спали, не раздеваясь. Мылись в лучшем случае раз в месяц. Выглядели бледными, унылыми, похожими друг на

друга мучениками... Власти придумывали один лозунг краше другого, но вывести страну из нищеты не могли. Зато ежедневно устраивались собрания или вечера, на которых чаще всего произносились загадочные слова «военный коммунизм» и «новая экономическая политика». Каждый раз, услышав эти слова, Саттар наклонялся к Ахметсафе и шептал ему в ухо: «Верно! ...Но не совсем так!»... Поговорка Мифтаха хальфы стала уже их поговоркой.

Народ катастрофически быстро нищал. Прежние баи и середняки один за другим превращались в безземельных босяков. Теперь все действительно стали равны и стремительно пополняли бедноту, которая, как известно, являлась «опорой советской власти». Стало быть, и мировая революция не за горами...

В студенческом общежитии было стабильно холодно. Ахметсафа помогал решать математические задачи пареньку из города Илек Зиннату Абдрашитову. Зиннат почему-то поздно включился в учебный процесс и сейчас навёрстывал упущенное. В довершении ко всему ему не давалась математика, и парня определили во второй класс подготовительного курса, где учился и Ахметсафа, взявший парня под свою опеку. Впрочем, Зиннат был весьма старательным, прилежным учеником. Когда другие пытались как-то согреться, то есть затевали шутиливую потасовку или заворачивались в тощее одеяло, высунув кончик носа, Зиннат упорно сидел за уроками, не обращая на других никакого внимания. Не всем это нра-

вилось, и первым своё неудовольствие выразил Мазит, высокомерным голосом принявший поучать «школяра»:

– Слушай, быр-рат! Не принимай мои слова близко к сердцу, но у нас, понимаешь ли, институт, а не какое-нибудь сельское медресе. Какой же ты студент, если не можешь решить простейшую задачку? Так не пойдёт, не пойдёт!..

Увидев подошедшего к ним Фатыха Сагитова, не менее высокомерного и надменного, чем он сам, но, в отличие от него, умеющего говорить сквозь зубы с каким-то пренебрежительным выдохом, Мазит патетически воскликнул:

– И зачем на таких невежд тратят государственную казну?

После чего он опустил с небес свой гордый нос и вновь ткнул его в замызганный воротник своего истасканного тупа. И вовремя, не то его самого подняли бы на смех, поскольку математика у него «хромала» ещё сильнее, чем у Зинната. Фатых Сагитов, по-своему обыкновению, не спешил начинать речь. Включать своё красноречие имело смысл лишь при наличии достаточного числа зрителей и слушателей. При отсутствии свидетелей его блистательного таланта Фатых даже не удостоивал ответом спросившего, а лишь презрительно фыркал и выходил из комнаты или обидчиво зарывался в одеяло. На этот раз все обитатели комнаты были в сборе. Значит, надо снизойти до них...

– Татар издавна губили невежественные муллы, а теперь на смену неграмотным муллам готовят таких вот зиннатов! – при этом он обвёл многозначительным взглядом всех на-

ходившихся в комнате: и Ахметсафу, и Сагита, и Абдуллу Амантая, и Саттара, и Аптери... Ему доставляла невыразимое удовольствие возможность прилюдно унижить упорного в учёбе Зинната, щёлкнуть его по лбу словечками типа «безмозглый», «невежда», «глупец с высохшими мозгами!»...

Когда его укоряли в невежестве, Зиннат краснел как варёный рак и ещё упорнее вцеплялся в книги, порою пропуская даже ужин.

После очередной «головомойки», устроенной Фатыхом бедному Зиннату, Ахметсафа подошёл к обиженному и сел рядом с ним. Щёки Зинната, втянутые от недоедания, по-прежнему горели от стыда и гнева... На ресницах нависли слезинки... Он не обратил особого внимания на подсевшего к нему Ахметсафу, прекрасно зная, что этот каргалинский джигит тоже горазд на шутки и насмешки. Зиннат даже как-то съёжился от ожидаемой колкости, думая, вероятно, что хватит с него и Мазита с Фатыхом, и, отложив в сторону книгу, хотел убежать из комнаты подальше от насмешников, но в последний момент почему-то передумал.

Оказалось, что Ахметсафа вовсе не думал насмехаться над студентом, а напротив, постарался ободрить его:

– Дустым! Друг мой! Ты уже по многим предметам догнал нас, молодец! Bravo! А что касается математики... Давай сделаем так: я тебе помогу по математике, а ты подтянешь меня по русскому языку. Идёт?..

Зиннат радостно улыбнулся и доверчиво посмотрел на

Ахметсафу. Поняв, что этот коренастый голубоглазый крепыш не шутит, он снова расплылся в улыбке и обнял неожиданного помощника.

– Значит, по рукам?

Узкая, съёжившаяся от постоянного холода ладошка Зинната утонула в широкой ладони Ахметсафы.

– Да я из тебя настоящего уруса сделаю! – воскликнул Зиннат. – Я ведь рос вместе с русскими мальчишками. Так что по-русски болтаю свободно.

Удовлетворённый заключённым соглашением Ахметсафа покосился в сторону Фатыха, уже наострившего слух и удивлённо приподнявшегося со своей лежанки, и подмигнул Зиннату:

– Давай, Зиннат, утрём нос надутым индюкам! Пусть знают своё место. Пусть остаются блохами, греющимися в складках своих тулупов, а мы с тобой как были, так и останемся людьми.

* * *

Однажды в их комнату заявили заместитель директора института по политико-воспитательной работе Загид Шаркый, ответственная за проведение литературных вечеров Айша Мухаммедова и её подруга Загида.

Увидев вошедших, Ахметсафа тут же вскочил со своего места. Естественно, что его в первую очередь взволновало

появление Загиды. Не видя никого, кроме неё, он смущённо произнёс:

– А мы тут... уроки готовим...

Айша звонко рассмеялась.

– Да?.. А мы-то думали, вы в бабки играете...

Она объяснила Загиду Шаркью:

– Наш Ахметсафа круглый отличник. Кроме того, он оказался хорошим педагогом: решил сделать из Зинната великого математика. Когда-то Зиннат сильно отставал по успеваемости, а сейчас с помощью Ахметсафы норовит уже и нас обойти. Правда, Загида? – лукаво обратилась она к подружке. Загида не успела и рта раскрыть, как Шаркий покровительственно похлопал Ахметсафу по плечу:

– Bravo, парень! Молодец! Я искренне рад, что вы помогаете друг другу в учёбе.

Не спрашивая разрешения, он стал листать тетрадь Зинната.

– М-мда... Непростые задачки решаете, – одобительно сказал он. – Молодец, товарищ Давлетъяров.

Слово «товарищ» прозвучало настолько чуждо и в то же время настолько лестно, что Ахметсафа невольно ощутил себя на голову выше остальных. Он незаметно взглянул на Загиду, которая по-прежнему стояла, застенчиво потупив глаза.

Похвала в адрес Ахметсафы заставила поморщиться вечно недовольного Мазита.

– Неизвестно, кто кого учит, – саркастически хмыкнул он. – Зиннат и сам парень с головой. Вряд ли ему чем-то можно помочь. Кроме того, ничто в этом мире не делается за просто так. Зиннат в свою очередь помогает Ахметсафе учить русский язык. Как говорится, баш на баш. Почему же вы не учитываете это обстоятельство?

– Давлетъяров сам должен был признаться в этом, – присоединился к разговору мстительный Фатых. – А вы его ещё «товарищем» зовёте... Хм-м... Было бы кого...

Ахметсафа вдруг снова вспомнил Мифтаха хальфу, который вообще терпеть не мог большевистского словечка «товарищ». «Это слово пустил в оборот недоучившийся юрист Ленин, – говорил он. – Выражением «товарищ» обычно пользуются в судебно-правовой сфере, особенно нравится это слово прокурорам. Ленин, который так и не смог воплотить в жизнь свою мечту и стать прокурором, начал называть этим словом своих единомышленников... Дескать, прокурор-обвинитель... Товарищ прокурора... Видимо, Ленину настолько нравилось юридическое слово «товарищ», что ему всюду стали мерещиться сплошь виноватые в чём-то люди, которых, естественно, следовало наказать. Причём, со всей строгостью...»

Ахметсафа слегка растерялся от неожиданной нападки Фатыха. К счастью, в разговор вмешался Саттар Ишбулдин – один из лучших студентов, активный член комиссии по учебной работе.

– Почему же вы сами с самого начала не пришли на помощь Зиннату? – вскипел он, заставив Мазита с Фатыхом тут же замолчать. – Что касается Ахметсафы, то он вообще стал инициатором организации помощи студентам, отстающим в учёбе. Вот ты, например, Мазит, пень пнём что в русском языке, что в математике!

От такой обиды глаза у Мазита чуть на лоб не вылезли. А Саттар продолжал:

– Чем смеяться над Зиннатом, тебе впору самому просить у него помощи. Ведь это во многом из-за твоей плохой успеваемости класс получил прозвище «Черепашьего»...

Тут Мазит приподнял руку, словно защищаясь от атаки Саттара, и бросился к двери, с обидой выпалив:

– О-ох!.. Как страшно! Просто жуть берёт! Можно подумать, что все грамотеи мира родились в Каргалах!..

Загид Шаркый проводил беглеца насмешливой улыбкой.

Замполит института был в своём роде оригинальной личностью. Отслужил в царской армии. Участвовал в гражданской войне. Зимой и летом ходил в одной и той же шинели и тщательно начищенных дырявых ботинках ещё довоенного выпуска. Высокий, тощий, он стал у студентов одним из самых любимых педагогов. Его главной обязанностью была организация политико-пропагандистской работы в институте. Он напрямую отвечал за проведение всех внеучебных мероприятий.

Внезапно вспыхнувший спор так же быстро затух. Шар-

кий принялся объяснять цель их визита:

– Любимый ваш поэт Такташ собирается покинуть Оренбург. Мы посоветовались с Афзалом Тагировым и решили устроить в институте вечер прощания с поэтом, или, что вернее, его проводы. Девушки наметили план мероприятия. Я ознакомился с этим планом и думаю, что вечер удастся на славу...

Присев на табурет, он взглянул на Ахметсафу и сказал ему без обиняков:

– Как известно, ведущие вечеров обеспечивают половину успеха любого мероприятия. Вот мы и доверяем тебе, Ахметсафа, проведение этого вечера. Разумеется, в этом тебе поможет Загида. Думаю, что вдвоём вы прекрасно справитесь с поставленной задачей.

Загида вдруг отвернулась и украдкой смахнула с глаз выступившие слезинки. Айша на этот раз рассердилась всерьёз:

– Хватит, Загида! Сколько раз тебе говорить! Если все студентки института станут лить слёзы по поводу отъезда обожаемого ими Такташа... Весь институт затопит! И придётся вечер проводить на лодках среди моря девичьих слёз. Конечно, Такташ – хороший поэт, за это мы его любим и уважаем. Заметь: не только ты одна, но все мы любим поэта Такташа!

Тут она смягчилась, сменила гнев на милость и даже лукаво улыбнулась:

– Кстати, а чем же наши джигиты хуже поэта Такташа? А?

Она задорно подмигнула Ахметсафе:

– Так ведь, дорогой Ахметсафа?

Но юноша оставил без внимания шутку Айши. Открыв тайну чувств Загиды к поэту Такташу, он ощутил себя летящим в пропасть. Сердце его больно сжалось. Он с трудом заставил себя ознакомиться с планом вечера и нехотя ответил:

– Не знаю, что и сказать... Я ещё ни разу не выходил на такую большую сцену, тем более в роли ведущего... Боязно как-то...

– Посмотрите-ка на этого бравого джигита! – засмеялась Айша. – Боязно ему, бедненькому! Так мы тебе и поверили. Не городи чепухи! Всем нам известно, что ты – прирождённый артист! А если ещё продекламируешь стихи нашего Такташа...

– Верно! – поддержал Айшу замполит. – Кроме того, мы надеемся, что ты продемонстрируешь нам свои изумительные гимнастические упражнения. Ведь даже наш уважаемый Афзал ага с восхищением рассказывал о твоих «художествах» на турнике.

С Хади Такташем студентов познакомил именно Афзал ага Тагиров – в то время преподаватель физкультуры. Он с восторгом рассказывал им о «самом лучшем» из современных татарских поэтов. Среди студентов он особенно благоволил к Ахметсафе, и не только из-за его способностей к гимнастике. Вообще, Афзал Тагиров был из тех немногих людей, кто сильно изменил мировоззрение Ахметсафы...

Учителю физкультуры было слегка за тридцать, и он отличался тем, что на всё старался смотреть сквозь призму политики. Его лёгкие, быстрые шаги свидетельствовали о беспокойном, стремительном характере. Студентов особенно шокировало, что даже зимой он ходил с непокрытой головой. Длинноволосый, стройный, точный в движениях, он напоминал недавно демобилизованного офицера. Обладая высоким ростом и большой физической силой, он казался великаном даже среди рослых студентов. Такташ, например, рядом с ним казался мальчиком. Несмотря на разность в возрасте, они были очень дружны, часто приходили в институт вместе. Объединяло их и то, что оба сотрудничали в газете «Юксыллар сүзе» («Слово бедноты»), только Афзал Тагиров был редактором, а Такташ – ответственным секретарём. Хотя Ахметсафа смутно представлял себе разницу в их должностях, тем не менее чётко знал, кто из них начальник, а кто – подчинённый.

Уроки физкультуры проходили в специально оборудованном зале: это была гордость Афзала Тагирова. Он любил хвастаться:

– Такого спортзала больше не только в Оренбурге, но и в других губернских городах не сыщешь. Спортивные снаряды я доставлял чуть ли не со всей России. Своими руками их собирал, монтировал, закреплял, регулировал. Боялся, что труд мой зря пропадёт, а вышло так, что сам же стал в спортзале преподавать.

И он стал рассказывать историю, которую уже не раз слышали и Такташ, и многие студенты.

– Одно время работал я заведующим губотделом народного образования. Директором медресе «Хусаиния» тогда был Нургали Надиев. И вот загорелся он идеей оборудовать спортзал, а если он чем-то загорится, будь уверен: не успокоится, пока своего не добьётся... Ну, пошёл я ему навстречу, помог, да так увлёкся, что весь этот спортзал, можно сказать, своими руками вынянчил. Может, поэтому и не хотелось отдавать спортзал в чужие руки. Несмотря на загруженность в газете, стал я преподавать здесь физкультуру и ничуть об этом не жалею. Тем более, что джигиты у меня боевые!

Находясь в хорошем расположении духа, он порой вызывал к себе Ахметсафу и по-военному чётко приказывал:

– А ну, Давлетъяров, покажи, на что способен!

Ахметсафе только это и нужно: он готов весь день провести в спортзале! Для начала он вставал на руки и «прогуливался» таким образом по всему залу. Потом шёл «колесом». Кувырком... Ну и так далее... Целое представление! Многие смотрели с завистью.

Как-то ему довелось показывать своё мастерство зашедшему в институт Такташу. Тот буквально остолбенел от изумления, и потом, каждый раз приходя в институт, умолял Сафу «показать гимнастику». Стоя в сторонке, он с благоговейным почтением наблюдал за «гуттаперчевым» юношей и не переставал восхищаться:

– Фантастика!.. Кажется, у него вообще нет костей, одни жилы! Чудеса!

Тагиров искренне радовался тому, что сумел доставить юному другу истинное удовольствие и хлопал в ладони, подбадривая спортсмена:

– Браво!.. Оп-ля!.. Молодец!.. А теперь сделай «мостик»!.. Хорошо! Сальто! Великолепно! Оп-ля!.. Вот какие у нас джигиты!..

Казалось, что Ахметсафа в спортзале вообще не умел устоять. Без устали крутил он свои пируэты, успевал обучать и тренировать других студентов, что очень нравилось Тагирову.

– В моё отсутствие этот парень вполне справится с моими обязанностями, – гордился он. – Прирождённый спортсмен! Недавно увлёкся боксом и делает первые успехи, даже секцию бокса в институте организовал. Ты посмотри на его лапища! Не руки, а лопаты! Сразу видно крепкую крестьянскую породу. Кулачный бой для такого богатыря всё равно что игра в кегли для детей! Да, растёт молодёжь... А мы растратили свою юность в царских окопах, спалили её в огне революций.

Такташ лишь посмеивался над своим старшим другом:

– Брось! Не говори так, Афзал ази²⁴, разве ты старый? Ого-го!.. Ты ещё любого джигита за пояс заткнёшь! Нет уж, пусть медведь твоей старости ещё долго лежит в своей бер-

---

²⁴ Ази (диал.) – обращение к старшему по возрасту.

логе.

Оценил Хади и декламаторские способности Ахметсафы. Они не успели по-настоящему сдружиться, может быть, из-за природной застенчивости Ахметсафы. Тем не менее Такташ считал Ахметсафу своим хорошим знакомым, почти приятелем, при встречах неизменно интересовался его успехами, поэтому, видимо, и попросил Афзала Тагирова, чтобы именно его воспитаннику Ахметсафе поручили вести вечер проводов. Правда, самому Ахметсафе просьбу передали через Загида Шаркыя.

До вечера оставалась ровно неделя. Надо спешить с репетициями. Стоит ли говорить, что Ахметсафа и не думал отказываться, узнав, что сам Такташ просил его вести вечер! Разом преодолев первоначальные колебания и сомнения, забыв своё смущение перед Загидой, он вновь, на этот раз тщательно и придирчиво, изучил план мероприятия и внёс свои предложения, коррективы. Было решено включить в программу студенческий оркестр с хором. Предполагалось исполнить две татарские народные и несколько современных песен. Затем слово брал сам поэт, беседовал с публикой, читал свои стихи, но всё это планировалось как бы вступлением, прелюдией. После этого следовало целое представление в виде номеров художественной и артистической самодеятельности, акробатических трюков и силовой гимнастики. И лишь потом сцену полностью передавали в распоряжение Такташа и его поклонников. Пусть один читает, а другие

внимают...

...Во время репетиций Ахметсафа испытывал дополнительное волнение, ощущая возле себя Загиду. Кажется, и девушка весьма благосклонно относилась к нему, но что-то сдерживало её чувства. Ахметсафа – парень видный, и не одна красавица с радостью приняла бы его ухаживания. Об этом ему и Айша не раз говорила. Более того: секретничая с подружками, она призналась, что если бы её сердце не было занято, то она обязательно вскружила бы голову Ахметсафе. Но парню от этого ни холодно ни жарко. Выходит, у Айши сердце горячее, а у Загиды холодное? Да нет же! Разве не знает Айша, что нежное сердечко Загиды занято образом голубоглазого мишарского юноши Такташа? Знает, конечно! И в чём же дело? Может, это намёк подруге: мол, чем тянуться за журавлём в небе, лучше держать синицу в руке? Другими словами, не мечтай, подруга, о голубоглазом поэте, это звезда не для тебя, а чем сохнуть по несбыточной мечте, лучше прибери к рукам земную «птицу счастья» и утешься ею... То есть «земная птица счастья» – это и есть влюблённый Ахметсафа... Эх, Айша!.. Если бы человек обладал способностью подчинять свои чувства уму, гасить их так, чтобы они потом и пискнуть не посмели!.. Увы!.. Никто не понимает чувств влюблённой по уши девушки, над ней лишь смеются. Впрочем, язык у людей, как говорится, без костей, мало ли что болтают... По сути, ни у кого из них нет никакого дела до её любви... Влюблена? Ну и пусть себе! На здоровье!..

Внезапно вспыхнувшую страсть невозможно погасить. Все мысли Загиды вертелись вокруг Такташа, как сотни планет вокруг Солнца. Она бредила своим возлюбленным, с ума по нему сходила... Ночами во сне она страстно обнимала Такташа, а просыпаясь с мятой подушкой в руках, вся в холодном поту, долго ещё лежала ничком, пытаясь удержать ускользающее видение, отчаянно цепляясь за мечту, робко отступающую перед грубой силой реальности... Так птенец разом глупеет от избытка чувств, не в состоянии совладать с ними.

Сегодня Загида ни с того ни с сего... упала на лестнице. Да что там упала – кубарем покатилась! И всё из-за Такташа. В этот момент она как раз потянулась рукой к голове поэта, чтобы смахнуть снежинки с его чудесных волос. В мечтах, разумеется, потянулась... Всё закончилось падением с лестницы на глазах однокурсниц... Ах, любовь!.. Ах, страсть! Загида слышала, что от безответной любви некоторые люди сходят с ума. Значит, Всевышний обрёк Загиду на очень серьёзное испытание.

Во время репетиций Ахметсафа и Загида испытывали странное чувство неловкости, чуть ли не вины друг перед другом. Наверное, поэтому они не могли полностью раскрыться, их слова, жесты, походки на сцене были какими-то неестественными, напряжёнными. Айша от этого приходила в тихое бешенство, и только Загид Шаркый удивлялся скованности ведущих, не зная истинной причины такого поведения.

...И вот наступил день, когда в столовой, приспособленной для зала, собрались студенты и студентки, гости, преподаватели... Все ждали начала литературно-музыкального вечера.

В середине первого ряда сидел, как и мечтала Загида, сам виновник торжества. Подражая Афзалу Тагирову, Такташ тоже ходил с непокрытой головой, несмотря на середину зимы, в лёгком и длинном демисезонном пальто, в котором выглядел выше своего среднего роста. На шее поэта висел небрежно наброшенный белый шарф: один из наивных символов свободы и бунтарства. С белым цветом шарфа резко контрастировала поразительная голубизна такташевских глаз, взятая из небесной вышины или морской глубины. Рядом с поэтом сидел руководитель литературного кружка Шариф Камал, с лица которого, казалось, никогда не сходила сдержанная улыбка. На первом ряду с достоинством Песталоцци расположились также Афзал Тагиров и другие преподаватели института. Левая половина зала осталась за прекрасной половиной человечества. Смешно было смотреть, с каким кротким и невинным видом девушки рассаживались вокруг немногочисленных учителей, словно цыплята, прячущиеся от коршуна под крыло матери. Смешно потому, что эти самые скромницы и смиренницы, сидящие сейчас с видом воплощения благонравности, благочестия и благопристойности, буквально перед приходом педагогов бесились так, что дым коромыслом стоял, и даже самым отчаянным

парням доставалось на орехи, когда те пробовали дразнить и, не дай Бог, ущипнуть этих очаровательных разбойниц. Но теперь девицы сидели смиренно, застенчиво потупив глазки, в которых ещё совсем недавно плясали озорные огоньки. Впрочем, разве не понятно, что в традиционном мужском коллективе, куда вдруг вливаются десятки молоденьких и прехорошеньких девиц, неизменно происходят кардинальные и уже необратимые изменения? Начинается совсем другая жизнь. Представьте себе, как изменилось бы настроение и поведение юношей, если в их комнату «случайно, ненароком» заглянула, а то и зашла бы девушка! Примерно то же самое происходило теперь в наполненном людьми зале. Здесь царила атмосфера особой приподнятости, витал дух особого настроения, причину которого следовало искать не столько в притягательной магии пришедших сюда поэтов и писателей, сколько в серебристых колокольчиках девичьего смеха, сдерживаемого пока присутствием чопорных учителей...

Концерт, как и было задумано, начался выступлением оркестра, исполнившего народные песни «Каз канаты» («Гусиное крыло») и «Ком бураны» («Песчаная буря»). Сердца зрителей дрогнули и забились сильнее, чего, собственно, и добивались артисты. Музыка и слова брали за душу, глаза зрителей невольно увлажнились слезами. Нет, не только от неизбывной печали, присущей протяжным мелодиям предков. В таких мелодиях заключена целая гамма чувств, зача-

стую понятная только представителю определённой этнической группы или общности. Сами гены, сама кровь помогают понимать голоса и мелодии предков, причём, при этом вовсе не обязательно испытывать лишь чувства скорби и печали, ибо душу временами охватывают и чувства светлые, сладостно-щемящие, таинственно глубокие, и она в эти мгновения словно поднимается ввысь, распрямляет крылья; особенная лучезарная теплота пронизывает все твои мысли и чувства, а сидящие рядом зрители становятся для тебя самыми близкими, дорогими людьми, то есть сотоварищами по переживанию.

Наконец, слово предоставили поэту. Под бурей аплодисментов он скромно поднялся со своего места и поприветствовал зрителей сдержанным поклоном, от чего заволновалась непокорная копна его соломенных волос. Движение поэта не было лишено изящества, что по достоинству оценила публика. Лицо поэта дышало энергией и смелостью. Вот он легко взбежал на сцену, поправляя рукой упрямые пряди волос, хотя наверняка знал бесполезность этого жеста, рассчитанного скорее всего на прекрасную половину зала. Тогда он резко откинул голову назад, и волосы каким-то чудом угодились, приняв, вероятно, оптимально удобное положение.

Таинственные манипуляции с волосами возымели своё действие, заставив затрепетать нежные девичьи сердца. Лёгкий вздох прошёлся по залу...

Для начала поэт прочитал хорошо знакомые своим по-

клонницам стихи: «Тёмными ночами», «Ветер говорит» и другие. Зал замер, благоговейно внимая чтецу, растворяясь в ритмах его чудесной поэзии... Наконец, Такташ смиловился и решил вывести публику из состояния транспозитического гипноза, то бишь спустить её на грешную землю. Он подошёл к самому краю сцены, протянул руку сидящей в первом ряду симпатичной девушке, зардевшейся от смущения, и объявил:

– Джамагат! Дорогие зрители! Я привёл сегодня в гости к вам замечательную девушку. Её зовут Гульсум, она учится на политкурсах...

Весь зал подался вперёд, удивлённо пытаюсь разглядеть счастливую избранницу поэта, а та довольно легко преодолела смущение, поднялась со своего места и повернулась к залу, сохраняя на лице приветливо-вежливую улыбку. Не успела она снова сесть на своё место, как в сторону поэта из-под десятков девичьих ресниц разящими стрелами полетели разгневанные, недоумённо-сердитые взгляды, требующие немедленного объяснения.

«Как же так? Возмутительно! Непростительно! – вонзались в поэта немые стрелы справедливого негодования. – Немыслимо! Это уже ни в какие ворота не лезет! Привести на наш вечер какую-то чужую девицу! Ну не дурак ли? Чем мы хуже этой пигалицы? Этой накрашенной! Неужели невдомёк тебе, как сильно обидел ты нас этим вопиющим поступком?!»

Но стрелы не достигали своей цели. Поэт не видел никого, кроме своей Гульсум. Ситуация явно выходила из-под контроля институток, из чьих настойчиво нежных рук ускользала такая «добыча»! Но Такташ не заметил изменений в настроении публики и, по-прежнему ослеплённый своей любовью, произнёс две-три фразы, буквально пригвоздившие к своим стульям девушек, ошарашенных «изменой» кумира.

– На днях я сочинил стихотворение «Девушка рассвета», которое посвятил Гульсум туташ²⁵. Это произведение я и хочу вам прочитать... – сказал он, нежно улыбаясь и слегка кланяясь своей возлюбленной.

Глухой рокот возмущения пронёсся по залу. Как ни был ослеплён своим чувством Такташ, но его чуткая поэтическая душа уловила, наконец, ропот недовольства в публике. Он понял, что допустил оплошность, вернее, бестактность. Может, не надо было говорить, что стихотворение посвящается Гульсум? Но это невозможно, ведь он пригласил свою подругу именно за тем, чтобы она услышала слова посвящения. Наверное, не следовало спешить с этим стихотворением, а перенести его во второе отделение, в самый конец вечера. Но теперь уже поздно что-то менять, чувства возобладали над разумом. Простите, девушки... Видит Аллах, я вовсе не хотел обидеть вас... Однако слово – не воробей, вылетит – не поймаешь. Такташ подался вперёд и начал читать с особым вдохновением и волнением, глядя на сидевших де-

---

²⁵ Туташ – барышня, сударыня.

вушек, проникая в их души, тревожа их сердца. И томные барышни поняли вдруг, что стихотворение обращено именно к ним, а не к какой-то незнакомой Гульсум, что голос Такташа принадлежит только им, и к середине декламации уже готовы были разрыдаться от избытка чувств. А Такташ всё читал и читал:

Зачем меня ты повстречала,
О, дева Утренней Зари?
Благоуханной розой счастья
Меня ты одари!
Но почему, скажи, так нежно
Поцеловав меня в чело,
Ты вдруг в лучах зари исчезла,
Меня покинув, — для чего?

Сила поэзии, чарующий голос и артистизм чтеца настолько пленили зал, что все девицы, минутой ранее готовые устроить «бучу», тут же простили поэта за «измену» и даже забыли о ней. Какая-то светлая волна прошла по залу, затронула самые чувствительные струны девушек, сопереживание которых влюблённому поэту было настолько искренне, что вызвало неподдельные слёзы, выступающие из-под накрашенных ресниц. Как же так? Разве позволительно Поэту так убиваться из-за любви?! Нет, Такташ поступил неправильно, отдав своё прекрасное сердце этой жестокодушной барышне. Неужели рядом с ним нет друзей, которые своим

советом удержали бы его от опрометчивого шага? А если такие друзья есть, почему они молчат? Подумать только! Что себе позволяет эта девица! Кинжал, отравленный её чарами, вонзился глубоко в трепетную, чистую душу поэта, заставляя его мучиться, терзаться любовными страданиями, а обольстительнице хватает наглости по-прежнему дразнить поэта, поощряя и в то же время держа его на расстоянии. Эта барышня не достойна любви поэта! Разве можно так – вскрыть парню голову и играть с ним в прятки, испытывая от этого наслаждение? Садизм какой-то!.. И все девушки тут же воспылали благородным негодованием в отношении «этой Гульсум», которая под давлением всех этих чувств и эмоций буквально вжалась в спинку своего стула и сидела тихо, не шелохнувшись, спрятав своё сладкое смятение под длинными, чуть вздрагивающими ресницами...

Стихотворение не было ещё прочтено до конца, но Такташ с облегчением почувствовал, что великодушно «прощён» благодарными ему девицами. Под гром оваций он с едва заметным смущением поклонился публике. Новый шквал аплодисментов. Поэт приложил руку к сердцу и снова склонился в поклоне, и на этот раз непокорные волосы почему-то не спадали ему на лоб. Такташ легко прыгнул со сцены и со сдержанно-торжествующим видом направился к своему месту. Усевшись, он нежно коснулся руки Гульсум, что тут же было оценено институтками как «неуместный, неприличный» жест. И всё же никто на него, такого «хорошего», и не

думал сердиться, и только за сценой стояла в ожидании своего выхода единственная девушка, чьей любви и чести был нанесён смертельный удар – Загида туташ.

После выступления поэта было исполнено ещё несколько номеров, а бедная Загида до сих пор не могла придти в себя от потрясения. Поняв состояние подруги, Айша потормошила её за плечо:

– Очнись, красавица!

Увидев её отсутствующие глаза, Айша съёжилась от жалости к подруге, но тут же взяла себя в руки и пригрозила:

– Если сорвёшь концерт, в институте тебе ни дня не быть! Запомни это! А теперь выйдешь на сцену и объявишь, что Ахметсафа Давлетъяров прочитает стихотворение Такташа «Убитый пророк».

Кажется, угроза подействовала, и Загида на ватных ногах вышла на сцену. Она, как обычно, слегка кашлянула, чтобы прочистить горло, и на мгновение прислушалась к самой себе: в эти секунды из её высокой, чистой души навсегда улетало что-то очень важное, дорогое, незабвенное... Раздосадованная на саму себя и на весь мир, она окинула зал сердитым взглядом и объявила:

– Стихотворение нашего любимого поэта Хакташа... Такташа...

Ошибка в имени (Хади Такташ – «Хакташ») тут же выбила её из колеи, и она замерла в растерянности.

Никогда не терявший присутствие духа Шариф Камал

шутливо подхватил, пытаясь помочь девушке:

Хакташ, Такташ,
Ты же мой якташ²⁶.

Зал рассмеялся, и Загида вконец расстроилась, ощутив себя самым несчастным человеком на свете. Посчитав, что для неё всё «кончено» и мир сейчас провалится в тартарары, она равнодушно махнула рукой и вяло попробовала закончить своё объявление:

– Ну, это... Нашего поэта... любимого... Э-э... Пророк... Э-э...

Она в сердцах ещё раз махнула рукой и сердито крикнула стоявшему за кулисами Ахметсафе:

– Да ну тебя!.. Сам объявляй!.. Чего глаза вылупил?!

И побежала со сцены, чуть не рыдая.

При виде Ахметсафы зал вновь засмеялся, и только сердитый взгляд приподнявшегося с места директора института приструнил девиц. Но время было утеряно, и Ахметсафа никак не мог настроиться на чтение. Поймав ободряющий дружеский взгляд Афзала Тагирова, он, наконец, успокоился, взял себя в руки, собрался с духом.

– Хади Такташ. «Убитый пророк», – объявил он и начал читать. Хотя по степени выразительности он немного уступал самому автору, но тем не менее был великолепен по-

---

²⁶ Якташ – земляк.

своему: декламировал с чувством, с глубоким понимаем того, что и о чём читает. Словом, довольно быстро Ахметсафа овладел вниманием зрителей. Вот он дошёл до кульминационных строчек.

И видит небо, что за волю,
За родину я воевал!..
Но палачи свободы, мама,
Меня сразили наповал.

После этих слов многие девушки едва сдерживали рыдание, а некоторые и вовсе дали волю чувствам, нисколько не стесняясь текущих по лицу слёз. Впрочем, в зале никто не прятал друг от друга свои чувства: в этом зрители проявляли поразительное и полное единодушие. Публика просто-напросто растворилась в стихах Такташа. Такова сила истинной поэзии!

Закончив чтение, Ахметсафа тоже удостоился бури оваций, и даже сам поэт, не выдержав, взбежал на сцену, пожал Ахметсафе руку и воскликнул:

– Ну, молодец, брат! Спасибо! Здорово читал!

Выйдя за кулисы, Ахметсафа в первую очередь постарался взять себя в руки. Сердце его разрывалось от жалости к Загиде. Где она? Как она переживает свой провал? Надо найти, успокоить её, приободрить... Но за кулисами девушки не было. Артистическая комнатка пуста. На сцене вновь слышался голос Такташа, которому по-прежнему неистово ап-

лодировали, но Ахметсафа был уверен, что Загиды нет и в зале. В узком коридоре столовой тоже никого... Расстроенный юноша вернулся за кулисы... Что ж... Придётся ему самому вести оставшуюся часть вечера.

На сцене божественный Такташ вдохновенно читал свои стихи...

IX

«Умный человек никогда не полезет в революцию! – восклицал учитель Мифтах-мугаллим. – За такое дело, если его вообще можно назвать «делом», берутся или неугомонные невежды, или люди, подверженные зависти, мести и другим порочным наклонностям. Именно их руками творятся все бунты и перевороты. Самое страшное наступает тогда, когда находятся лидеры, ослеплённые жаждой мести (не так важно – за кого или за что), превращающиеся в настоящих дьяволов, готовых на всё во имя своей «священной» мести. Дух революции могут вызвать также ярые фанатики, обуреваемые безумными по сути, но внешне привлекательными идеями и лозунгами...

– Но наше общество было насквозь больным! – не менее горячо возражал учителю представитель губкома. – Фундамент царской России сгнил. Невозможно строить новое, не разрушив старое! Мы должны собственными руками воздвигнуть новую жизнь! Было бы ошибкой думать, что какой-нибудь добрый дядя сделает за тебя то, что ты должен делать сам. И мы построим эту новую жизнь, претворим в жизнь наши вековые чаяния!..

– Говоришь, общество было больным... Гм-м... – хмыкал мугаллим. – Уважаемый господин-товарищ!.. В таком случае больной организм лечат, а не калечат. Запасаются тер-

пением, проводят различные процедуры, ночами от больного не отходят, выхаживают, спасают его, ставят на ноги... А вы, кажется, предпочли ампутировать больному все конечности и вырезать все внутренности? Так поступает ребёнок с заводной игрушкой, а потом плачет, не умея заново собрать и запустить её. Мне, уважаемый господин-товарищ-представитель, вот что непонятно: почему нужно разрушать общество только потому, что оно кому-то по какой-то причине не нравится? Кто же будет восстанавливать разрушенное? Да-да, восстанавливать! Ибо ваше «созидание новой жизни» обернётся не чем иным, как тяжёлым восстановлением разрушенного общества, причём из-за невежества реставраторов многие детали и элементы здания скорее всего будут утеряны, перепутаны, заново слеплены наспех, и тогда общество действительно может превратиться в хронически больной организм, которому смогут помочь лишь профессора своего дела, а то и реаниматоры... Вам, милейший господин-товарищ, вздумалось делить людей на белых и красных, так сказать, по цвету. Станный способ градации общества... Впрочем, дурной пример заразителен, и вот уже появились «зелёные», «черносотенные» банды... На любой цвет и вкус... Но такое сознательное искусственное разделение, расслоение народа может привести к очень плачевным результатам. Вы уже протянули свои руки к самому святому для народа – религии, вере! Ни Бог, ни народ не простят вам этого. Вера – это тот источник, из которого мы черпаем ду-

ховную силу. Если вы вознамерились посягнуть на святую святых – веру, то души тысяч и тысяч наших батыров, погибших за веру, не дадут вам покоя ни на этом, ни на том свете!

Мифтах хазрат обвёл осуждающим взглядом весь «актив», собравшийся в «избе советов». У двери сидели его любимцы: Ахметсафа, Саттар, Аптери, и поэтому мугаллиму вдвойне тяжело было видеть в них «разрушителей старой жизни». Он должен, обязан был воздействовать на их души!

– Вы, дети мои, ступили на ложный путь. Да, в своё время я сам горел желанием установить новый порядок, новую систему, но это касалось системы воспитания, образования, учёбы. С этой благородной целью я приехал в ваше село – не для того, чтобы разрушать старое, а для того, чтобы основать джадистскую, светскую реформаторскую школу, ибо старая, кадимистская, схоластично-консервативная школа, сыграв свою положительную роль, теперь стала уже тормозом в народном прогрессе и требовала коренного реформирования. Я был одним из первых на этом пути. К счастью, в вашем ауле я нашёл много сторонников, единомышленников, мои слова доходили до народа, а мой метод обучения пришёлся им по душе. Да, нашу систему образования надо было менять, реформировать, светские дисциплины нужны были как воздух, и я открыл свой мектеб, невзирая на скрытое и открытое противодействие кадимистов-старометодников, погрязших в тине схоластики и невежественного фа-

натизма. Вы были первыми моими учениками-шакирдами, стали свидетелями всех событий и перипетий нашей борьбы с кадимистами, которые пытались поджечь здание нашей школы, уничтожить с таким трудом добытые учебники, даже поднимали руку на меня и моих учеников, а вашим отцам рассказывали о вас всякие небылицы... Мы всё вытерпели, выдержали, сжав зубы, не побоялись никаких угроз и запугиваний, не послушались льстивых уговоров и увещеваний, не свернули со своего пути. Большинство народа оказалось на нашей стороне, и это придавало нам силы. Но при этом мы по-прежнему бережно и благоговейно относились к вере и никому не позволяли запятнать веру наших предков. Тысячу лет вера крепла в наших душах, став твёрже алмаза и прекраснее украшений всех цариц на свете. И если вы замахнулись на святая святых — на веру, то это не просто ошибка, это преступление против народа, против наших предков! Будьте осторожны, дети мои! Если вы не остановитесь сейчас, будущее обернётся для вас большими бедами...

Когда Мифтах хальфа ушёл, в избе установилась напряжённая тишина. Молодёжь явно чувствовала себя не в своей тарелке. Зато представитель губкома вздохнул с облегчением и заметно повеселел. Учитель чуть не испортил всё дело, явился на собрание актива без приглашения, развёл тут свою пропаганду... Хорошо, что вовремя ретировался... Опасный противник... Представитель губкома воочию увидел, каким авторитетом и уважением пользуется у молодёжи

этот хальфа. Он поспешил снова взять бразды правления в свои руки.

– Закрутили вам головы, а? – поморщился представитель. – Однако!.. Язык у этого мугаллима хорошо подвешен. Понимает, что именно молодёжь является опорой советской власти. Соловьём заливается, хитрец!.. Чтоб его муравьи в голый зад покусали... Нет, вы, ребята, подумайте сами: разве советская власть виновата в том, что за всё лето не выпало ни одной дождинки и урожай сгорел на корню? А ведь на Курбан байраме, Гаит байраме, в своих пятничных проповедях муллы без зазрения совести призывают кару на головы большевиков, подстрекают народ против советской власти, то есть используют религиозные праздники и обряды для антисоветской пропаганды. Это немыслимое дело! Вы, смелые орлы... – представитель обратился к сидящим перед ним юношам, – вы правильно сделали, что провели антирелигиозные мероприятия во время Гаита, и вы добились своего. Муллы не выдержали вашего натиска. Ни в одном из одиннадцати приходов богослужение не прошло так, как хотели этого муллы, вы не позволили превратить намаз и вагаз²⁷ в антисоветскую вылазку. Молодцы! Так держать, товарищ Ахметсафа!..

И он пожал руку Ахметсафе, сидевшему к нему ближе других.

– Мы, старшее поколение... – продолжал представитель,

---

²⁷ Вагаз (вэгазь) – проповедь.

хотя для «старшего поколения» он был чересчур молод, и весь его «опыт» ограничивался краткосрочным нахождением в рядах Красной Армии и последующим лечением в госпиталях от подозрительно случайного ранения. – Мы, старшее поколение, гордимся вами! Уверяю вас, что со стороны губкома не останется без внимания ваше мужество, благодаря чему удалось провести успешные и активные мероприятия против религиозного мракобесия в известном на весь мусульманский мир селении Каргалы, которое называют даже второй Меккой татар!

...Выйдя на улицу, друзья долго шли молча, ощущая в душе какую-то неприятную пустоту. Весь запал борьбы «за светлое будущее» вдруг куда-то улетучился, растворился.

Стояли последние дни золотой осени, скоро начнутся дожди, но они ничуть не беспокоили сельчан, ибо осенние полевые работы давным-давно закончены. За всё лето дождь едва ли затронул пересохшую землю. Страну поразила засуха. Поднявшиеся по весне хлеба не выдержали изнуряющей жары, спалились, высохли.. Счастливицами считались те, кому удавалось собрать со своих наделов три-четыре мешка зерна. Народ затих в страхе перед неизбежным нашествием голода, костлявая рука которого уже простиралась к деревням, начисто обобранными ненасытными большевиками. Бывалые мужики ни на грош не верили председателю сельсовета Зарифу, который клялся, что советское правительство, которое «мы с вами защищали», не допустит

голода в стране. Мужики исходили в своих рассуждениях из простой крестьянской логики, в которую никак не укладывалась возможная «помощь Советов». Как можно доверять «рабоче-крестьянскому» правительству, методично и до последнего зёрнышка опустошавшему крестьянские амбары под видом «продразвёрстки» и «продналога»? Какие ещё, к ядрёной фене, завоевания революции? Четыре года длится один и тот же кошмар: ломают, разрушают, растаскивают, расхищают, грабят, грабят, грабят... И ничего не строят, не строят... Ни одного кирпичика не положили в фундамент хвалёной «новой жизни». Разумеется, на такое «правительство» никакой надежды нет, и веры ему – ни на грош. Но попробуй об этом неосторожно заикнуться кому-нибудь, как мигом угодишь в каталажку как «вражеский элемент»! Богатые Каргалы, эта «вторая Мекка» татар, настолько понравилась красноармейцам, что они редко её покидают. Разве что в тюрьму кого-нибудь отвезти. А из тюрьмы ещё никто в село не возвращался. Один Аллах знает, чем обернётся для народа эта советская власть. Народ учился молчать, хотя давалась ему эта наука очень нелегко. Пожалуй, только в мечети во время намаза и проповедей или праздничных богослужений можно было более открыто поговорить обо всём, что наболело в душе. Учитывая это обстоятельство, губком принял постановление, ограничивающее проведение богослужений, а от местных партячек и комсомольских активистов потребовал усиления антирелигиозных мероприя-

тий. Это был приказ свыше, из Москвы, где хорошо понимали, что легче всего управлять народом, лишённым веры и совести, то есть духовного ориентира. А для этого нужно было подрубить столп веры – религию, чтобы напрочь лишить народ богобоязненности...

Над деревней нависла тревожная тишина. Ахметсафа уже собирался повернуть к своему дому, как его остановил глухой голос Саттара:

– Завтра придёшь в мастерскую?

– Зачем? Завтра – последний день каникул, забыл? Нас ждёт учёба, институт...

– Ах, да, – спохватился Саттар. – Совсем из головы вылетело, столько всего навалилось за последние дни...

Нынешнее лето прошло совсем не так, как ожидал Ахметсафа. В верховьях Сакмары почему-то перестали валить лес, и Гариф со своей артелью подался на Урал. Обещанные им брёвна окончательно уплыли из рук Давлетъяровых, и Мустафа вновь попытался заняться торговлей. Организовав на последние деньги караван, он «погорел» на первой же поездке. Во время возвращения в Оренбург караван попал в руки разбойников и был дочиستا ограблен. Избитый, полуживой, выброшенный в придорожную канаву, Мустафа еле-еле добрался до ближайшей станции, где добрые люди выходили его и помогли добраться до Оренбурга. Там, в доме старшего брата Гумера, он долго лежал, харкая кровью и медленно, мучительно выздоравливая, пока осенью страшная весть

вновь не свалила его с ног: в Крыму, на Перекопском перешейке погиб его сын Гусман. Шамсия как-то странно отреагировала на смерть Гусмана: сначала Ахметсафа увидел её плачущей в углу сарая. Наплакавшись вдоволь, Шамсия вытерла слёзы, покрутилась по выжженному солнцем двору, делая вид, будто ищет что-то, а потом как ни в чём не бывало зашла в дом, мурлыча под нос какую-то мелодию. Н-да... Трудно понять этих женщин... И невдомёк было Ахметсафе, от чего на самом деле плакала мачеха: от жалости к Гусману, от тоски по своему сгинувшему любовнику Хальфетдину или просто оплакивала свою загубленную молодость... В последнее время она стала очень набожной.

...В ожидании тяжелейшей зимы Ахметсафа с Саттаром решили хоть как-то подзаработать и открыли в Каргалах мастерскую по пошиву сапог. Ахметсафа, подтверждая своё родовое прозвище «Каешлы», оказался весьма способным мастером кожаных дел. К тому же отец с готовностью оказывал ему необходимые консультации. А родитель Саттара вообще славился по всей округе как мастер по пошиву сапог, не преминув, естественно, обучить своему ремеслу и сына. Таким образом, работа новой мастерской очень быстро наладилась, вскоре пришлось даже двух-трёх помощников нанять. Да и младший – Ахметхан Давлетъяров настолько подрос, что охотно и с большим удовольствием помогал Ахметсафе. Для начала решено было испытать сапоги на своих домочадцах. Первый опыт вполне удался, и вскоре сельчане

предпочитали заказывать сапоги не в городе, а у себя под боком, в мастерских молодых студентов-каргалинцев. Появились кое-какие доходы, работа спорилась, настроение улучшилось.

Молодёжная артель привлекла к себе внимание губкомитета комсомола. Там решили форсировать организационное объединение молодёжи в коммунистический союз. В деревню из губкома приехал длинноволосый молодой человек, посланный на «укрепление» только что вступившего в партию председателя сельсовета Зарифа абзый. Он склотил первую в Каргалах комсомольскую ячейку. Первым комсомольцам деревни выдали краснокожие членские билеты. Услышав, что каргалинские комсомольцы образовали ещё и клуб «безбожников», Шамсия подняла шум, устроила скандал. Мустафа и сам не ободрял странной тяги сына к «шайке безбожных комсомольцев». Казалось, парень хорошо учится, к тому же нужное людям ремесло осваивает...

Видя причину всех бед в комсомольских членских билетах, Шамсия однажды выкрала и сожгла в печи книжицу Ахметсафы. В знак протеста Ахметсафа целый месяц не приходил домой, ночуя и питаясь в мастерской. К нему в знак солидарности присоединился и юный Ахметхан, позднее тоже вступивший в комсомол... Мустафа очень тяжело переживал отступничество сыновей. Оказавшись перед угрозой раз и навсегда лишиться сыновней привязанности, Мустафа послал к ним, в качестве парламента, маленькую Биби. Но

теперь он не знал, как вернуть сыновей не только в родительскую душу, но и в душу народа. Не знал и поэтому мучился... Впрочем, сыновья уже сами понимали, что их своеволие зашло через край дозволенного и начали размышлять о пути достойного отступления и примирения.

Бибкей вприпрыжку побежала к мастерской и звонко объявила отцовскую волю:

– Папа велит вам обоим идти домой... Не то всё село над вами сме..

Ахметсафа не дал ей договорить и схватил её в объятия: так он соскучился по своей маленькой сестрёнке! Не помня себя от радости, он поднял Биби на руки, позвал Ахметхана, и они пошли домой. Отец в беспокойстве ходил по двору. Увидев своих «смутьянов», он как-то грустно вздохнул, махнул рукой и, зайдя в дом, снова залез на свою лежанку...

* * *

– С тех пор, как вы вступили в эту, с позволения сказать, организацию, вы уже не являетесь нормальными людьми. Вы хоть понимаете это?

– Как же так? – удивился Саттар и даже обиделся. – Кто же мы по-вашему, Мифтах хальфа?

– Вы, дети мои, теперь не люди, а члены. Каждый из вас считается и является членом комсомольской организации, и без ведома других членов вы ничего сами не сможете пред-

принять. Ни-че-го!.. Я понял это уже по вашим разговорам. «Действовать всегда вместе, коллективом!», – ведь этому вас учат, да? Вы, будто пуповины, привязаны друг к другу. Даже коллективные действия вы должны исполнять по приказу свыше, то есть по велению вожаков. Закон стаи, когда порицается любое самостоятельное действие: ослушника ждёт неминуемая кара...

Мифтах хальфа принёс в починку свои сапоги, а заодно решил прощупать настроение новоявленных комсомольцев. Знают ли они, что совершают? Говорил ли кто-нибудь с юношами серьёзно? Понимают ли они на что идут?

Саттару не понравились слова учителя, и он резко возразил:

– Мы не стая... Организация!.. В комсомольскую организацию вступают те из молодёжи, кто не жалеет своей жизни для строительства нового мира. Мы гордимся тем, что состоим в такой организации. А вы говорите: члены... стая...

– Что стая, что организация – одна пара сапог... И насчёт «члена» верно: вы теперь представляете из себя отдельных «членов» странного организма под названием комсомол. Но знайте одно – вы как «члены» или «частички» принадлежите не к голове, рукам или ногам этого организма, а в лучшем случае – к пальцам, но, как правило, – к внутренностям, потрохам. Вы обречены выполнять самую грязную работу для обеспечения жизнедеятельности этого организма, потому что иначе он умрёт. Ну а ваши вожаки избрали для

себя более чистые, наружные и внешне красивые части тела и наслаждаются этим. Но вам всего не видно... Вы – в темноте, грязи, в утробе жадного организма...

– Так уж и... – осторожно подал голос Ахметсафа. – Ведь в комсомоле демократия. Если она нарушится, никто из нас молчать не станет...

– Саттар верно сказал, что вы при вступлении давали клятву. Клялись не жалеть жизни, отдать душу.. Ну, и так далее. А ещё о какой-то демократии рассуждаете. Если вы решили отдать всю жизнь и всю душу... ну хотя бы той же демократии, то какой вы себе её представляете? Держали ли вы её в руках? Знаете о ней что-нибудь? Я, например, кое-что знаю о демократии. Проще говоря, это когда меньшинство подчиняется большинству. В это же время чёрным по белому написано, что приказ «верхов» – закон для «низов». То есть что же получается? Двуличная какая-то демократия, одна – для «верхов», другая – для «низов», то есть для вас, строительного материала организации. Организация «высших» – это для вас «тёмный лес». Вы – организация «низших», а внизу собираются обычно те, кто легковверны и управляемы, кто любит выполнять приказы «сверху», люди в основном мягкие, внушаемые, которых легко увлечь, поэтому и организация у них получается какая-то слабохарактерная. А ещё собрались жизнь отдавать... За что? За кого? Вы для «верхов» – словно дети малые, должны выполнять то, что старшие скажут, хорошо себя вести, быть примерными и так да-

лее... Не то в угол поставят... Или ремнём выпорят... Хорошо ещё, если ремнём... Ведь вы поклялись и жизнь отдать...

– Никто из нас не собирается бессмысленно расставаться с жизнью, – задумался Ахметсафа. – Но разве плохо желать народу счастья, быть готовым жертвовать ради него всем, взять на себя все его горести и печали?

– Вот тут и начинается самое интересное. Готовясь взять на себя горести народа, вы тем самым теряете чувство меры, чувство реальности. Народ необъятен и бесконечен. И бед у него – целый океан. Какие из его бед вы готовы взять на себя? Или поставим вопрос по-другому: какие свои беды народ сам может доверить или делегировать вам? Ведь у каждого человека есть своё, сугубо личное горе. Обобществление людей в некий безликий народ нужно для того, чтобы уйти от прямого ответа. Когда правители говорят о народе, они обычно подразумевают самих себя, любимых, в противном случае они не были бы правителями. Каждое действие, событие они оборачивают в свою пользу. Воля правителя – первична, а народ – вторичен. А вы, простаки, думаете, что народ первичен. Разве кто-нибудь из людей приходил к вам с просьбой о том, чтобы вы повели их в «новую жизнь»?

От такой неожиданной постановки вопроса Саттар слегка растерялся:

– Кто же так приходить будет? – буркнул он, недовольный дотошностью учителя: вот ведь пристал... Из губкома и так много поручений дали, а тут ещё Мифтах хальфа со своими

проповедями и нравоучениями.

– И мне так кажется, – улыбнулся Мифтах хазрат. – Никто к вам с таким заявлением не обратится. Думать, то есть «заботиться» о других вас заставляют «сверху», так ведь? Чем проявлять такую «трогательную» заботу о людях, не просящих вас об этом, не пора ли, дети мои, о самом себе позаботиться? Овладев необходимыми знаниями и освоив хорошую специальность, вы будете гораздо полезнее для своей нации, то есть народа, по вашей терминологии. Не вздумайте, дорогие мои, своей неосторожной «заботой» ранить душу человека. Умный человек ни в чьей опеке не нуждается, поймите это... Как бы я хотел, чтобы вы всё-таки остались людьми с большой буквы, чтобы не забывали, чьи вы дети...

Мифтах хальфа был прав. Как только организацию сколотили, тут же посыпались указания, приказы, задания, ответственные поручения. Саттара как главу комсомольской ячейки вызвали в губком и вручили ему план первоочередных мероприятий против проведения Курбан байрама. Юноши задумались. До сих пор они даже не пытались предпринимать всерьёз что-либо, противоречащее религии, вере, совести. Что делать? Пришлось преодолевать сомнения, и тут-то сказалась сила коллективного воздействия. К самым решительным «безбожникам» невольно присоединялись и другие «члены» организации... Словом, в день праздничного богослужения решено было провести комсомольско-молодёжное собрание. Губком горячо одобрил такое решение, что

ещё более воодушевило низовых членов. Нашлись даже такие энтузиасты, что призывали вообще сорвать Курбан байрам. Ждали только сигнала Саттара и Ахметсафы. Но друзья под впечатлением беседы с учителем Мифтахом решили не обострять ситуацию и удержали «энтузиастов» от необдуманного шага.

Молодёжь готовилась к своему собранию – ведь это было их первое серьёзное мероприятие, тем более что затрагивался такой щекотливый вопрос, как религия. В пику Курбан байраму решено было провести тематический концерт. Привлекли молодёжь из числа «сочувствующих комсомолу», подготовили сцену в помещении караульной избы.

В канун религиозного праздника было сомнение, придёт ли вообще кто-нибудь на молодёжное собрание? Сомнения оказались напрасными, молодёжь собралась. Ахметсафа, как обычно, читал декламации, демонстрировал гимнастические упражнения. Кто-то пел песни, играл на скрипке. Нашлись и танцоры. Словом, получился настоящий молодёжный вечер, в конце которого Саттар принялся уговаривать молодёжь не идти на Курбан байрам. Его предложение прошло довольно гладко и было принято. Последним выступил коммунист Зариф абзый, который призвал молодёжь проявить сознательность и агитировать своих домашних против посещения Гаита. И это предложение в целом было одобрено. Радуюсь успешному проведению вечера, Саттар с Ахметсафой в хорошем настроении разошлись по до-

мам...

На следующее утро Мустафу и близко не подпустили к мечети. Сельские старушки и аксакалы трясли своими клюками, слали ему проклятия, даже кидали в него камни.

– Сыновей своих неверными вырастил! – кричали ему. – Настоящих кяферов²⁸ из них сделал! Вскормил собак, грызущих нашу веру!..

Со слов священнослужителей стало известно, что комсомольцы ночью заколотили досками все двери храма, а стариков, по обыкновению проводивших в мечети предпраздничный ночной молебен, жестоко избили и вышвырнули на улицу. Можно представить, какова была ярость народа, особенно стариков и старшего поколения... Словом, пришлось опозоренному Мустафе вернуться домой... в компании молодёжи. Ничего не сказав Шамсие, удивлённой его быстрым возвращением, он молча расстелил возле саке свой намазлык²⁹ и склонился в молитве...

Ахметсафа с Ахметханом как обычно спали в сеннике. Если бы они зашли в этот момент в дом, то стали бы свидетелями душераздирающей сцены: их несчастный отец стоял коленопреклоненным на молитвенном коврике, не стесняясь льющихся по лицу слёз, и, забыв про намаз, слал проклятия тем негодяям, что сорвали Гаит, испортили народу праздник и подняли руку на молящихся старцев. Слёзы стекали по его

---

²⁸ Кяфер (кэфер) – неверный.

²⁹ Намазлык – молитвенный коврик мусульман.

седой бороде на ворсистый намазлык, но Мустафа даже не замечал этого. Он ни на минуту не сомневался, что среди окаянных молодых безбожников, осквернителей храма и истязателей стариков, был и его сын Ахметсафа. Впрочем, это уже ни для кого не было тайной...

Гаит, праздничный молебен, превратился в чёрный день для жителей «второй Мекки». Молодёжь пыталась доказать свою непричастность к вакханалии в мечети, но им никто не верил, наоборот, с каждой попыткой оправдания они получали новую порцию народного гнева. Мустафа снова слёг, сражённый горем, а когда, наконец, стал подниматься на ноги и какой-то мрачной тенью бродить по двору, в деревню вернулся живым и невредимым первый муж Шамсии Фатхуллы. Шамсия, как водится у женщин, сразу упала в обморок, а потом, набравшись смелости, пошла в дом родителей Фатхуллы. Оттуда она вернулась, почерневшая от горя и унижения. Фатхулла с ней даже разговаривать не стал, не удосужился выслушать её объяснения, лишь толкнул её, зарёванную, к двери:

– Иди отсюда! Иди к мужу! Нечего тебе здесь делать!

После этого жизнь в доме старухи Таифе превратилась в ад...

Уезжая в Оренбург, Ахметсафа хотел взять с собой и младшего брата Ахметхана, но мачеха яростно воспротивилась этому и сердитой осой жужжала под ухом Мустафы:

– Не вздумай отправлять Ахметхана в этот институт бо-

гохульцев! Неужели одного уруса в семье тебе не хватает? К тому же в доме ни одного работника не остаётся. Посмотри на себя: какой из тебя работник? Спину выпрямить не можешь, еле по двору ходишь... Ты что, и младшего сына хочешь лишиться?..

Мустафа отмалчивался.

...Вечером накануне ухода из деревни в Оренбург Ахметсафа с Ахметханом поздно легли спать. Они тщательно готовились в путь, снова и снова проверяя и перебирая вещи. Обычно они забирались на сеновал и за разговорами о прекрасном будущем незаметно засыпали. Но в тот день они решили ночевать не в сеннике, а дома, как того хотел отец. Дело в том, что увидев, как после ужина сыновья снова собрались ночевать в сеннике, Мустафа нарушил своё многодневное молчание и сказал:

– Чуть ли не до первого снега на сеновале спали. Хватит.. Ночуйте сегодня в доме, в тепле...

Спорить с отцом не хотелось, хотя братья уже привыкли к сеновалу. Дома почему-то не спалось. Разговаривать не решались, боясь нарушить тишину спящего дома. Долго лежали братья без сна, ворочаясь на своей постели...

На рассвете Ахметсафу разбудил полустон, полуплачь махехи. Почуввав недоброе, он мигом вскочил со своей постели.

– Вставайте, Ахметсафа-а!.. Поднимайтесь!.. Отец ваш... А-а-а!

Ахметсафа понял: случилось что-то непоправимое. Серд-

це бешено заколотилось, взламывая грудную клетку. В ушах зазвенело так, что барабанные перепонки готовы были лопаться. Какое-то мгновение он стоял будто оглушённый. Голова гудела... Весь мир гудел и стонал, насквозь пронизанный и ошеломлённый тревогой, вслед за которой вот-вот грянет землетрясение и наступит хаос... Ахметсафа не стал будить сладко спавшего брата, лихорадочно сунул ноги в сапоги и выбежал во двор.

...Тихо ...Никого ...Но дверь сенника неестественно пахнута. Оттуда доносился приглушённый стон... Юноша рванулся туда... Мачеха вцепилась обеими руками в косяк двери, будто боясь от неё оторваться, и тихо, судорожно плакала.

– Что случилось? Отец... Где? – дрожащим голосом спросил он.

В ещё неверном свете утренней зари он увидел искажившееся лицо мачехи.

– Отец ваш... наложил на себя руки... Довели вы его, негодяи... Безбожники проклятые...

Шамсия сделала шаг внутрь сенника, но тут же отступила. От страха её всю трясло... Она указала дрожащей рукой...

– На верёвке... Под сеновалом...

...Похороны отца слились в один сплошной кошмар. В смерть отца не хотелось верить. Ахметсафа несколько дней ходил как невменяемый, пребывал в какой-то оглушительной прострации.

Родичи, соседи, весь люд каргалинский считали его виновником в смерти отца. Все наперебой хулили его... Если бы он не примкнул к безбожникам, то не стал бы осквернять мечеть. Если бы он не забивал досками двери храма... если бы он не избивал молившихся аксакалов... Тогда Мустафа со спокойной совестью пошёл бы в мечеть, и не случилось бы трагедии... Много, очень много горьких слов пришлось тогда выслушать почерневшему от горя Ахметсафе...

Но долго так продолжаться не могло. Надо было продолжить учёбу, ведь этого хотел и отец. Ахметхан вдруг передумал поступать в институт и нанялся батраком к горбатому Бадрутдину. В Оренбург Ахметсафа отправился один. Месяца через два, уже после сороковин, он ещё раз приехал в родное село, но наткнулся на закрытые двери. После исчезновения сына старуха Таифе поселилась у дочери в Оренбурге и редко навещалась в деревню. Ахметсафа в тревоге побежал искать брата. Ахметхан спокойно, в отцовской манере, объяснил ситуацию. Оказывается, мачеху и маленькую Биби забрал к себе Фатхулла... Сначала Шамсия была категорически против этого. Она чуть ли не взащей прогнала пришедшего к ней мириться Фатхулла.

– Надо смириться с судьбой, посланной нам Аллахом! Такова, значит, моя участь! И пока не поставлю детей на ноги, пока они не станут совершеннолетними, я этот дом не покину! – сказала она.

Надо сказать, что дом, где Шамсия так мало прожила с

Фатхуллой до его ухода на фронт, тоже сгорел дотла в девятнадцатом году, и Шамсия, возможно, боялась, что оставшийся без жилья Фатхулла предъявит свои права и вовсе оставит Шамсию без дома. Так это было или нет, остаётся только гадать. Во всяком случае, переговоры завершились подписанием не только мирного, но и нового брачного договора, никаха. А неделю назад Фатхулла забрал жену и падчерицу к себе, то есть в родительский дом.

Ахметсафа в беспокойстве за сестрёнку побежал в дом Фатхуллы, хотя, видит Бог, ох, как не хотелось ему туда идти. Шамсия с Фатхуллой, видимо, заранее договорились и постарались успокоить Ахметсафу:

– Не волнуйся за Бибкей, она нам как родная дочь. Пока мы живы, ни один волос не упадёт с её головы, ни одним словом не обидим, да и другим не позволим обидеть её. Поверь нам!

Ахметсафа сразу заметил произошедшую с мачехой перемену. Шамсия помолодела, посвежела лицом, движения её стали плавными, а глаза так и светились радостью и лаской. Она была необыкновенно мягка к Ахметсафе, предупредительна и ласкова. Потчевала его чаем, всякими кушаньями и всё приговаривала:

– Никто из вас не будет нам чужими, вы для нас близкие люди. Не беспокойтесь и не думайте о нас плохо. Заходите к нам в любое время, оставайтесь у нас, сколько захотите. Двери нашего дома для вас всегда открыты! Всем места хва-

тит...

А Фатхулла сидел и поддакивал... М-да... Дивные дела творятся под небесами...

Шамсие было чему радоваться. С Фатхуллой помирилась. Женщина, наконец, познала мужскую ласку, по которой тосковала все последние годы. Все противоречия и споры были решены, обиды и упрёки забыты. Для улаживания конфликта особенно постарался Фатхулла. Он нашёл того солдата из Биккулово, который принёс Шамсие весть о его смерти. Действительно, они воевали вместе, и Фатхулла тоже был тяжело ранен, но выжил, можно сказать, чудом, много месяцев провалявшись по госпиталям. Писем он решил не писать, надеясь рассказать обо всём при возвращении. Но когда его, наконец, выписали из госпиталя, грянула революция, гражданская война... Снова фронт, кровь, тысячи смертей... Из посланных Фатхуллой весточек дошла всего лишь одна, та самая записка, которую показали Шамсие... Однополчанин Фатхуллы очень был огорчён и раскаивался, что невольно взял на душу такой грех и ввёл солдатку в заблуждение. Оказалось, что его подстрекал сказать неправду, вернее, выдать желаемое за действительность, всё тот же неугомонный Валькай хаджи, положивший глаз на красивую молодуху. Все последующие недоразумения случились в конечном счёте из-за этого лжесвидетельства. Удостоверившись в подлом обмане, Фатхулла остыл, оттаял душой, переменил своё отношение к Шамсие. Дни, в один из которых их посе-

тил Ахметсафа, были наполнены для воссоединившейся четы светом истинного счастья, теплом нерастраченной любви, которую они сохранили, несмотря на все невзгоды и препятствия. Иногда они долго-долго смотрели друг на друга, словно не веря, что они действительно вместе и теперь уже ничто, никакая сила, не разлучит их...

* * *

Голод начал свирепствовать уже в декабре. Город заполнился детьми и нищими, просящими милостыню. По утрам на замёрзших улицах обнаруживали окоченевшие трупы. Толпы людей из Поволжья и Приуралья устремились в Среднюю Азию, где тепло и сытно, как думали многие. Тысячи тысяч голодающих людей тянулись в тёплые края, и движение их напоминало невиданное доселе великое переселение народов... К сожалению, большинство этих обессиленных, несчастных «искателей счастья» не доезжали и до середины пути, оседая в Оренбурге и окрестностях.

Число их угрожающе росло, усугубляя и без того тяжёлую обстановку в городе. Само понимание своего бессилия перед голодом сводило людей с ума, отнимало последние крохи воли к жизни. Наступило то страшное время, когда люди уже перестали обращать внимание на трупы, валявшиеся по улицам, переулкам, тупикам. Привыкание к смерти таило в себе грозную опасность для человека. Такое страшное

равнодушие означало не только апатию в отношении смерти как таковой, но и полное неверие хоть в какое-нибудь будущее, абсолютную утрату доверия к кому-либо или чему-либо... В атмосфере всеобщего страха и ужаса перед голодом и холодом Ахметсафа мог единственно утешаться мыслью, что и братишка, и сестрёнка его не терпят таких лишений... Пока не терпят... Ахметхану было очень нелегко батрачить, но хозяин его оказался человеком справедливым, сердобольным. Во всяком случае, Ахметхан не голодал и не мёрз. Что касается маленькой Биби, то приёмные родители души в ней не чаяли, любили её без памяти. Эта голубоглазая девочка с растрёпанными волосами и смешной, но смышлёной речью сразу и навсегда покорила их сердца. Так что и за Биби не приходилось переживать.

...Из-за нехватки в городе угля здание института перестали отапливать. Холод проникал до костей. Уроки стали проводить в жилых комнатах студентов. И так скудное питание ещё более ухудшилось, временами вообще никакой еды не было. Студенты испытывали отчаянный голод и холод. Те, кому не могли помогать из дома, опухли от голода и не в силах были посещать занятия. Оказать им хотя бы скромную помощь становилось всё большей проблемой. В студенческих комнатах установили «буржуйки», но дров по-прежнему не было, и добычу топлива возложили на плечи самих студентов. Если кто-нибудь из жильцов разжигался горстью пшена или авоськой картофеля, еду варили на всю комна-

ту. Даже у студентов, имевших в городе родичей, положение было незавидным. Ахметсафа наведывался в хлебосольный когда-то дом дяди Гумера не для того, чтобы поесть, а чтобы хоть немного в тепле посидеть. Увы, старики в последнее время были лишены как еды, так и тепла. Ахметсафе самому пришлось помогать родичам, уменьшая свой и без того скудный рацион, ухитряясь раздобыть для них охапку-другую дров...

Однако не все дни в жизни студента были беспросветны. Однажды, вернувшись от дяди Гумера в общежитие, Ахметсафа обнаружил заметное оживление в комнате. Целая толпа окружила пустовавшую ранее кровать, на которой теперь торжественно восседал незнакомый Ахметсафе весёлый парень. Увидев растерявшегося друга, Сагит подмигнул ему:

– Ну что застыл, как изваяние? Проходи, знакомься, к нам, наконец-то, Муса прибыл!

Ахметсафа подошёл к остальным, с любопытством вглядываясь в черты гостя. Это, видимо, был тот самый «поэт Муса»... Гм-м... Высокопарное определение «поэт», казалось, мало подходило к этому невысокому, худенькому губастому пареньку с живыми глазами. По мнению Ахметсафы, человек, претендующий на звание «поэта», должен выглядеть импозантно, обладать особой внешностью, магически чарующим голосом, ну как, к примеру, Хади Такташ. «Поэт» – это звучит всегда таинственно и немного странно. Учитель Мифтах любил говорить: «Слово поэта – это венец ре-

чи!» Слово «поэт» почему-то напоминало Ахметсафе эдакий клубок, который невозможно распутать до конца. Клубок с секретом... Но назвать «поэтом» невзрачного на вид Мусу как-то язык не поворачивался. Где уж тут «таинственный клубок с секретом»?! Скорее всего, «котомка с сюрпризом»...

Муса оказался живым, как ртуть, подвижным и компанейским парнем. Не успел Ахметсафа сделать и двух шагов по направлению к гостю, как Муса одним прыжком очутился возле него и уже протягивал для знакомства руку. Ахметсафа осторожно взял узкую худую ладонь Мусы в свою медвежью лапу и ощутил неожиданно сильное, энергичное рукопожатие.

– Привет, туган! – поздоровался Муса. – Привет, братишка!

Мусе, видимо, нравилось ощущать себя старше любого, кто находился в этой комнате. Впрочем, он действительно был чуть старше своих бывших сокурсников.

– Сагит уже рассказывал мне о тебе, – продолжил Муса. – Так что мы с тобой, считай, были заочно знакомы. Я – Муса Джалилов, тот самый, что стихи пишет...

Голос Мусы тоже не был таким выразительным, как у «настоящего» поэта, например, у того же Такташа. Скорее, наоборот, голос Мусы был каким-то тонким, глухим и неровным, как неочищенная кожура картошки, и всё-таки что-то в этом голосе притягивало.

– Ахметсафа Давлетъяров, – назвался Ахметсафа.

– Знаю, знаю... Наслышан, – улыбнулся Муса и снова уселся на кровать.

Ахметсафе сразу же удалось обнаружить особенность в поведении Мусы: тот разговаривал приветливо, открыто, внимательно выслушивая других, но всегда с чуть заметной снисходительной усмешкой, которая и делала его как-то старше, что ли, во всяком случае создавала впечатление, а может, иллюзию некоторого его превосходства.

Муса продолжал что-то объяснять обступившим его студентам:

– Если бы не моя болезнь, я с удовольствием поучаствовал бы во всех ваших вечерах... Однако провалялся я в госпитале довольно долго. Хорошо, что Айша не забывала, навещала меня. От неё, кстати, я и услышал впервые о существовании на свете такого великого декламатора и гимнаста, как Ахметсафа. Кроме того, в прошлом году в наше Мустафино часто навещались представители губкома, от которых я узнавал о положении в городе, в нашем институте, о других делах. Так что, дорогие мои, можно сказать, что каждый ваш шорох через пару-другую дней раздавался и под моей кроватью. Я был в курсе всех событий...

Он снова улыбнулся, и хорошо знавшие его товарищи весело загалдели, перебивая друг друга.

– Ха!.. – хлопнул его по плечу Абдулла Амантаев. – Как будто мы не знаем, что Айша – это словно магнит для те-

бя. Недаром ты дорожку сюда протоптал, магнит Айши тебя притягивает...

– Небось, и в своём Мустафине без дела не лежал, – лукаво прищурился Сагит, – наша разведка тоже работает, уважаемый Муса, и мы были в курсе всех событий. Слава твоя разнеслась по всей губернии...

Скрытая похвала Мусе понравилась, но он предпочёл напустить на себя серьёзный, деловой вид и заговорил лекторским, нагидательным голосом:

– Считаю работу с детьми и молодёжью делом чести каждого из нас. Так думаю не только я, такого мнения придерживаются и в губкоме. Каждое выступление товарища Ленина проникнуто духом обновления, изменения в жизни детей и юношества. На эту же задачу нацелена и вся партия в целом. Мы должны принять это как руководство к действию и неустанно трудиться над претворением в жизнь предначертаний партии...

– Видно, что человек учится на политкурсах и готовится стать настоящим комиссаром, – язвительно заметил Фатых. – А что говорит товарищ Ленин о голоде? Не вымрет ли население?

– Не вымрет, – ответил Муса и для пущей убедительности своих слов притопнул ногой. – Зарубежные страны, особенно Америка, организовали гуманитарную помощь, которая, кстати, ощущается даже в далёком от Москвы и Волги Оренбурге...

Тут Муса сделал вид, что вспомнил нечто очень важное, и, нахмурившись, стал прощаться:

– Ладно, ребята, мне пора. Дела не терпят. Ведь мы, курсанты политшколы, обязаны по ночам с винтовкой в руке охранять покой города...

Ахметсафа заметил, что Муса очень старался, чтобы его слова производили должное впечатление и вызвали несомненное доверие. Между тем Муса доверительным тоном продолжал:

– Особенно приходится уделять внимание охране складов и магазинов. Город наводнили воры, бандиты, разная шпана. Не нужно забывать, что в городе и в стране ещё много вражеских элементов...

Он обернулся к Ахметсафе с таким выражением, будто извинялся за то, что чуть не забыл о его существовании:

– Вот так, товарищ Давлетьяров, борьба в стране не прекращается ни на минуту! Вы тоже не должны избегать этой борьбы! Оставаться в стороне от борьбы – всё равно, что лить воду на мельницу наших врагов. Наша святая цель, наша непоколебимая вера одна и та же – строительство социализма в стране. Если нужно, мы принесём себя в жертву ради этой великой идеи, ради созидания новой жизни. Не забудьте, что жертвы эти не будут напрасными, они станут камнями, красными кирпичиками в фундаменте новой жизни, и кровь героев сильнее всякого раствора сцепит эти кирпичики воедино...

Произнося эту речь, Муса уже не походил на худенького низкорослого паренька, а удивительным образом превращался в сказочного, легендарного богатыря. После страстных слов о неизбежных жертвах на глаза Мусы даже навернулись слёзы. И в эту же минуту Ахметсафе почему-то до боли в сердце стало жаль и Мусу, и самого себя, хотя он и не мог толком объяснить, тем более понять, почему в нём возникло такое чувство. Вдруг ему вспомнились слова учителя Мифтаха хальфы, высказанные им в отношении этой самой «новой жизни», и его тут же прошиб холодный пот. Что за странное состояние? Вроде бы Муса всё правильно говорил. Но эти слёзы... И предательская дрожь в голосе... Ах, Муса, что ты со мной сделал? Вбаламутил душу... И непонятно, удастся ли найти когда-нибудь конец запутанного волшебного клубка...

Муса, видимо, ощутил перемену в настроении Ахметсафы и посмотрел на него испытывающим взглядом. Потом снова чуть снисходительно улыбнулся и стал прощаться. И только когда он ушёл, Фатых, наконец, позволил себе вступить в полемику с уже отсутствующим Мусой.

– Поучать других легко, – заворчал он. – Но когда живот сводит от голода, ни о чём, кроме как о краюхе хлеба, не думаешь.

И он тяжело затопал к «буржуйке», потому что сегодня дежурил у печи. До наступления ночи он ещё не раз вступит с кем-нибудь в спор, поругается, похнычет, поворчит. Это

так же верно, как и то, что в его дежурство «буржуйка» будет дышать на ладан.

Мусу вышли провожать его бывшие сокурсники. В комнате осталось не более трёх студентов.

– Так вот он какой, Муса... – задумчиво произнёс Саттар с видом первооткрывателя. Видимо, и на него встреча с поэтом Мусой Джалилем произвела большое впечатление. Не прошла она бесследно и для Ахметсафы. Казалось, Мусе заранее было известно, о чём лучше всего говорить в данную минуту и как заставить других поверить его словам, проникнуться его мыслями: ведь только в этом случае он признает тебя своим товарищем, протянет руку дружбы и может поделиться с тобой самым сокровенным, что накопилось у него в душе. Но он даже не посмотрит в сторону тех, кто не верит или хотя бы не полностью верит ему. Таков Муса. Но верит ли, готов ли верить ему Ахметсафа? Трудно ответить на этот вопрос после первой и пока единственной встречи. Но Ахметсафа нутром чувствовал, что Мусе очень хотелось вызвать к себе его доверие. Это желание было выражено не только в словах, но и во взглядах, жестах Мусы.

Позднее он узнал от друзей поэта, что в прошлом году у Мусы умер отец, а сам он тяжело заболел и долго не мог поправиться. Учёбу, естественно, пришлось прервать. Затем его как способного молодёжного лидера, сумевшего организовать в своём селе комсомольскую организацию, послали делегатом на губернский съезд учителей. Нынешним летом,

спасаясь от голодной смерти, он появился в Оренбурге, отчаянно пытался выжить, даже чуть было не связался с какой-то шпаной. Фатых, этот стервец, прав в одном: только ленинскими словами желудок не набьёшь. От беды Мусу спас случайно встретивший его бывший учитель Нургали абый Надиев, который с великими трудностями определил паренька на учёбу в военно-политическую школу. Говорят, что решающую роль при зачислении его курсантом сыграло поэтическое дарование абитуриента... Муса с оружием в руках боролся с белобандитами, в последние месяцы снова болел, лечился в госпитале. Выздоровев, первым делом навестил своих сокурсников по бывшему медресе, ныне пединституту... Узнав обо всём этом, Ахметсафа почувствовал ещё большее уважение к Мусе. Такому джигиту можно было верить.

* * *

В середине зимы институт возглавил Нургали Надиев, преподававший до этого на военно-политических курсах, а ещё ранее работавший педагогом в медресе «Хусаиния» и пользовавшийся у шакирдов заслуженным авторитетом как человек требовательный, но справедливый. Преподавал он географию и математику. Его заместителем по политико-воспитательной работе стал Загид Шаркый. Вслед за этими педагогами с военно-политических курсов в институт перевелись ещё несколько студентов, среди которых был и Му-

са.

Джалилов лишь однажды заночевал в институтском общежитии.

– Мне здесь долго не выдержать, – признался он Ахметсафе, в тот день дежурившему по «буржуйке», и словно в подтверждение своих слов выдохнул в холодную атмосферу комнаты молочно-белую струю тёплого воздуха из своих больных лёгких.

– Долго я здесь не выдержу, браток, – повторил он. – Ведь я ещё не совсем выздоровел. За мной нужен уход да уход...

Ахметсафа не знал, что ответить ему. В последнее время всё общежитие изнемогало чаще всего в бесплодных поисках решения двух важнейших проблем: дров и питания. Даже студенты из обеспеченных, казалось бы, семей почти перестали получать родительскую помощь, потому что и в деревнях шаром было покати. Надо ли говорить, что горожане, питание которых традиционно зависело от села, были в положении гораздо худшем, чем крестьяне?

Недавно на общем собрании студентов выбирали состав профкома института. Председателем комитета профсоюза избрали способного организатора Фатыха Исхакова, его заместителем по хозяйственным делам – практичного и деловитого Ахметсафу Давлетъярова. Не прошедшие в комитет кандидаты при случае злословили:

– Эй, комитетчик, когда обеспечишь студентов теплом? Почему не решаешь проблему дров? Зря, что ли, мы тебя в

профком выдвинули?

– Ахметсафа, дорогой, нужно бы проверить работу столовой, а то суп с каждым днём становится всё более жидким! А может, ты уже и с поварами снюхался?

Это была уже клевета, поклёп, и чаще всего возводил на Ахметсафу напраслину завистливый Мазит. Однако времени на выяснение отношений не было, нужно было что-то срочно предпринимать, дабы вконец не заморить студентов голодом и холодом.

Через два дня после заседания профкома Ахметсафа направился в администрацию «Орлеса» (Оренбургского деревообрабатывающего завода), взяв с собой официальное письмо руководства института и соответствующую справку из губкома. После долгих переговоров с руководством завода ему удалось заключить подписанный по всем бюрократическим правилам договор, по которому студенты берут на себя культурно-просветительское обслуживание рабочих и в необходимых случаях поставляют рабочую силу, а в ответ завод обязуется выделять институту некондиционный материал в виде негодных брёвен или обрезков досок. Проблема отопления, кажется, была близка к своему разрешению.

Договор с заводом стал первой значимой победой Ахметсафы на поприще общественной деятельности...

Дядя Гумер не был против общественной активности своего племянника, хотя и имел на этот счёт, как говорится, свою философию. Возвращаясь как-то с завода «Орлес», Ах-

метсафа решил по пути навестить дядю. Войдя в дом, он сразу же ощутил давно забытое тепло жарко натопленной печи. «Тёплый как масло», – образно говорят в народе о таких домах, имея в виду, что когда с холода зайдёшь в такой дом, то начинаешь таять как масло на сковородке...

Настроение у дяди было превосходное. Он пригласил любимого племянника за стол, распорядился приготовить чай, и пока супруга хлопотала на кухне, поспешил объяснить неожиданное появление достатка в доме. Оказывается, на днях из-за Яика приехал один родственник, бывший компаньон дяди, и оказал весьма существенную помощь дровами и продуктами. Словом, как в сказке... Явился добрый волшебник...

– Вот ты, дорогой Ахметсафа, взялся за общественную деятельность... Что же... И мы когда-то проходили через это... Много хороших дел было сделано на пользу общества, нации. Разве кто-нибудь подсчитывал эти дела? Поэтому и говорят: для общественной пользы. Когда ты силён, энергичен и обладаешь некоторыми возможностями, так хочется сделать что-то доброе для развития нашей нации! Вот и делаешь... Творишь добро по мере своих сил... Стараешься для прогресса национально-культурного... О таких делах не принято кричать на каждом углу, не зря же их называют благотворительностью. Я, например, был безмерно рад и за простое выражение благодарности. Так уже устроена наша душа. Большинство благотворительных деяний, как правило,

проходит бесследно. Дело в том, что общество очень быстро привыкает к добру и начинает думать, например, что ты и тебе подобные, оказывается, должны и просто обязаны постоянно проявлять бескорыстную заботу о ближних, то есть чуть ли не жить их заботами. Постепенно люди воспринимают твои благодеяния как некое должное, само собой разумеющееся, и оказывают недовольство, не видя их... Благодарности от таких уже не жди... Впрочем, кто нынче работает только ради благодарности? Глупец тот, кто за своё благодеяние обществу ждёт от него целый воз благодарностей. Держи карман шире! Не зря же говорят: «Делая добро, не забывай сваливать его в реку: если не народ, то хотя бы рыбы узнают ему цену...» Вот ведь, как я с тобой разболтался, старый дуралей!.. Да, когда-то общественная жизнь кипела в городе. Оказать пользу обществу считалось поступком, достойным настоящего мужчины. Поступком, продиктованным тебе совестью, честью. А ты, значит, на седьмом небе от радости, что избран в состав какого-то там... как его... профкома?

– Но это действительно так, Гумер абзый, – попытался объяснить Ахметсафа, всё ещё не понимая, к чему клонит дядя.

Видя заминку племянника, Гумер ага продолжил развивать свою мысль.

– Так, конечно, так... – согласился он. – Я верю тебе. Всё, что ты говоришь, является правдой. Как правдой является и то, что если прикажут белое назвать чёрным, вы так и сдела-

ете, а, мой мальчик?

Гумер ага добродушно рассмеялся и отрезал племяннику добрую краюху хлеба.

– Кушай, дорогой, одним чаем сыт не будешь, а моей болтовнёй – и подавно... Так уж в этом мире повелось: старый человек проводит остаток жизни в воспоминаниях о славном прошлом. В народе говорят: «Состарился пёс – волочит хвост, состарился человек – волочит прошлый век»... Дивлюсь я нынешней советской власти: так и норовит она приучить народ к бесплатному труду. А тут ещё эти субботники, которых пять дней в неделю. Каждый просто кипит общественной жизнью, строит из себя страшно делового и крайне необходимого для общества человека. А страна вымирает от голода...

– Но ведь именно поэтому мы стараемся растормошить общество, проявляем активность, чтобы как-то помочь людям. Сегодня, например, я был в «Орлесе» и решил проблему дров для студенческого общежития. Разве это плохо? Если не я, то кто же?

– Ох, парень, вижу, что ты не прочь похвастаться. Я и так знаю, что ты джигит способный, деятельный, обладаешь практической хваткой, умеешь найти с нужными людьми общий язык, к тому же обладаешь чистой, искренней душой. Ну, доволен? Все эти качества присущи славному роду Давлетъяровых... Но вот чего я не совсем понимаю, дорогой. Ты не обижайся, но неужели во всём медресе нет чело-

века, в обязанности которого входит обеспечение студентов дровами и питанием? Что этот человек делает, например, в данное время?

– У него и так забот полон рот. К тому же с этими обязанностями я лучше справляюсь, значит, моё слово что-то значит для людей, – с наивностью искреннего человека ответил Ахметсафа. – Старые времена прошли, Гумер абзый, теперь всё по-другому, никто не смеет заявить: мол, я выполню эту работу, а другую, дескать, не буду... Нет, такие времена остались в прошлом. Свободный, сознательный труд на любом участке строительства новой жизни – вот наш принцип.

– Всё, хватит, мой мальчик! Глубоко пашешь, как бы лемех не сломал, – в голосе Гумера абзый сквозила ирония. – Ответь мне: пока ты доблестно сражался на участке снабжения института топливом, другие студенты, я полагаю, учились?

– Ну да... Конечно...

– Конечно?.. Ну да, конечно... Что бы ещё они делали?.. Значит, ты пропустил занятия.

– Учителя поставлены в известность. У меня есть специальное разрешение директора... Я ведь не для себя лично стараюсь... Для общества, для всего коллектива. Учителя понимают всю важность моих обязанностей, и будьте уверены, плохую отметку мне не поставят.

– Ага!.. Прекрасно, мой мальчик! Значит, в то время, когда другие студенты грызут гранит науки, мой племянник

оббивает пороги начальственных кабинетов ради общественных интересов. За такую самоотверженность и доблесть на благо народа ему ещё выставляется хорошая оценка за не усвоенный им урок, да?

– Ну, в общем-то... Получается, что так оно и есть... Говорю же: время такое...

– Время, говоришь? Так чьё же нынче время? – дядя задумался и вдруг стал декламировать известные каждому шакирду новометодного медресе строки из народного эпоса-дастана об Идеее:

Чьё же время на дворе?

Хана Туктамышша.

Чья эпоха на дворе?

Хана Туктамышша.

Он остановился и спросил племянника:

– Ты что-нибудь знаешь об «Идеее»? Об этом дастане?

– А как же! – воскликнул Ахметсафа. – Об этом дастане наш учитель Мифтах хальфа мог рассказывать часами!

И он, не дожидаясь просьбы, стал выразительно декламировать отрывок из дастана:

Ради родной земли я жил,

Счастьем народа я дорожил.

Только добру я службу служил.

Понял ли меня мой народ?

Ради него я бился в бою.
Вихрям грудь подставлял свою,
Если не понял меня мой народ,
То не пришёл моей смерти черёд,
Буду стоять я там, где стою!

Ахметсафа не мог удержаться от того, чтобы по-своему прокомментировать этот отрывок из дастана:

– Видишь, Гумер абзый, даже такие великие герои, как Идегей, готовы были беззаветно служить народу, чтобы завоевать его признание, благодарность и вечную память. Уверен, что такие батыры мечтали, чтобы народ понял и поддержал их, признал в них национальных героев. Как видишь, служение народу, Отчизне появилось не сегодня и не вчера.

Гумер ага не заставил себя ждать с ответом, продекламировав другой отрывок из дастана:

Развалили они страну.
Страна нища, страна слаба,
На что похожа её судьба?
На чужбине теперь мой отец,
На чужом скакуне беглец,
Кобылу чужую доит,
И чужой у него верблюд,
И чужой вокруг него люд,
От тебя мой отец ушёл,
Места в стране своей не нашёл,
Оборвал родовую нить,

Был он вынужден так поступить.
На чью похожа его судьба?

– Вот так-то, туганкай, – подытожил дядя. – Не хочу – бо-же упаси! – отговаривать тебя от служения народу, стране, обществу. Но постарайся правильно понять мою мысль, сынок. В том же дастане, например, говорится: «Ветер может закружить кроны деревьев, слово может закружить людям головы». Я не хочу сбивать тебя с избранного пути. Но, судя по всему, тебя в скором времени завалят общественными делами. Ты их будешь с успехом выполнять, а пользу из этого станут извлекать другие. Возле тебя всегда будут крутиться разные горлопаны, которые постараются присвоить себе твои заслуги. Это – закон жизни. Такие люди обычно отличаются беспринципностью, беззастенчивостью, неприхотливостью, бывают завистливыми и к тому же весьма пронырливыми. Я как старейший в настоящее время представитель рода Давлетьяровых хочу оставить после себя жизнеспособную, крепкую родовую нить, которая подобно туго натянутой тетиве всегда будет готова посылать в жизнь всё новые и сильные стрелы родового лука. Тогда и только тогда я уйду из этого брэнного мира со спокойной совестью. Мне очень хотелось бы, мой мальчик, чтобы ты по недоразумению или непониманию той или иной ситуации не попал, во-первых, в крутые жизненные переплёты, а во-вторых, не растрчивался бы по пустякам.

Возле тебя будет околачиваться много разных ловкачей. Они по-своему любят таких, как ты, способных и деятельных людей, которых используют для своих зачастую нечистых целей. Боюсь я, Сафа, что в круговерти общественных дел ты забросишь учёбу, не сможешь получить настоящего образования и, делая за других то, что должны делать они, останешься в конце концов невеждой и недоучкой на смех тем, для кого ты стараешься. Общественная деятельность для многих пустых выскочек открывает дорогу наверх, к власти. Наступили такие времена, дорогой, когда удобнее и легче идти во власть всяким продажным болтунам, чем людям действительно способным, неординарным. Они просто раздавят таких, как ты... Будь осторожен, сынок, опасные, страшные для вас времена наступают...

* * *

Радуюсь такому безотказному помощнику, как Ахметсафа, директор Надиев действительно завалил его общественными делами и при случае никогда не гнушался посоветоваться с примерным и деятельным активистом, особенно по части разных хозяйственных хлопот. Впрочем, такая ситуация нравилась самому Ахметсафе, щекотала, подстёгивала его самолюбие. А как же! Сам директор, не говоря уже о его заместителе, здороваётся с ним за руку, как с равным себе, расспрашивает о его делах, советуется. Грех жаловаться на

такую жизнь... И Ахметсафа не жаловался, даже когда ему приходилось очень трудно. Дядя оказался прав: поручения сыпались на его племянника как из рога изобилия. А юноша не только всё выполнял в лучшем виде, но ещё и сам проявлял инициативу, находил себе новые дела, организовывал, договаривался, доставал, улаживал... Проблема дров благодаря стараниям Ахметсафы была уже счастливо забыта, подвигались и другие дела. Директор не мог нарадоваться такому помощнику.

Поэтому Ахметсафу немного покоробил слегка пренебрежительный отзыв Мусы о холоде в комнате. Дескать, «холодно здесь, терпеть нельзя»... Теперь-то как раз можно! Пришёл бы Муса в общежитие пару недель назад, не так запел бы. Если каждый будет только жаловаться и безропотно ждать, пока кто-нибудь не «сотворит» тепло, действительно, можно и окоченеть от холода... Огорчение Ахметсафы так явственно было написано на его лице, что Муса тут же понял свою промашку и поспешил сменить тему разговора.

– Дустым! Друг мой, однако хватит нам жаловаться! Одними жалобами дело не сдвинешь, так ведь? – сказал Муса, тут же оживившись, как будто не он минуту назад клял холод, косвенно обвиняя в этом Ахметсафу. – Сегодня же я переговорю с девушками. Нужно привлечь к художественной самодеятельности новых людей, поискать новые таланты...

Муса уже знал от Айши, кто из студентов на что способен, какими талантами обладает. Впрочем, ему, кажется, и не на-

до было проявлять особой активности, чтобы собрать возле себя молодёжь. Стоило ему обронить пару-другую фраз, как девушки сами тянулись к нему, как мотыльки на свет. А где девушки, там, соответственно, и джигиты. Сам же Муса, казалось, оставался как бы в стороне, но при этом никогда не выпускал ситуации из-под своего контроля. Он обладал даром, что называется, с поборота завести, зажечь юных студенток, и этим даром умело пользовался. Он подмигнул Ахметсафе, ещё не совсем переварившему обиду, и похвалил его:

– А ты, оказывается, становишься настоящей сценической «звездой!» Браво! Молодец! Нам очень нужны такие джигиты, как ты. У меня есть две-три написанные мною пьески, мы ставили их на сцене ещё в бытность мою в медресе, в прежние годы. Сагит, наверное, хорошо помнит их...

Агишев утвердительно закивал головой.

– Так вот, – продолжал Муса. – Я пересмотрел эти пьесы заново, кое-что добавил, переработал, словом, их возможно использовать ещё раз. В городе немало школ, детских садов, трудовых коллективов, так что можно организовать подшефные рейды с участием наших артистов. Глядишь, там и покормят нас или продукты какие подкинут...

Лицо Сагита расплылось в довольной улыбке, словно он уже вкушал сытный обед:

– Это было бы неплохо, Муса. Ведь один только наш Ахметсафа способен заменить двух-трёх артистов! И деклама-

тор, и спортсмен...

– Каких поэтов ты читаешь? – поинтересовался Муса, в эту минуту меньше всего напоминая дрожащего недавно от холода подростка. Теперь это был настоящий лидер, вожак, руководитель.

Ахметсафа был явно не в восторге от упоминания его артистических данных. В конце концов, он не шут какой-нибудь, а первый помощник самого директора.

– Тукая... Сагита Рамеева... Дэрдменда... – нехотя протянул он. – Их любил цитировать наш учитель Мифтах хальфа. И нас, конечно, учил...

Он вдруг запнулся, вспомнив обидные слова хальфы накануне того злополучного Курбан байрама, обернувшегося для него трагедией...

– Здорово! – одобрил Муса. – С такими поэтами можно дружить...

И тут же с видом бывалого знатока добавил:

– Но дело в том, что они устарели, понимаешь? Обветшали... Канули в прошлое... А из новых поэтов кого предпочитаешь?

– Ну... – замялся Ахметсафа, в чьих ушах всё ещё звучали укоризненные слова хальфы Мифтаха.

– «Разве учил я вас быть бесчестными? – вопрошал расстроенный до слёз учитель. – Разве этому я вас учил? Может быть, в борьбе со старым, отжившим я призывал вас крушить и ломать всё, что встретится на вашем пути? Жечь,

уничтожать, закапывать в землю заветы наших предков? Ну-ка, скажите, разве можно построить что-то новое на слезах и бедах обиженного тобой народа? Эх, вы, головотяпы, глупцы!...»

Как сквозь туман ответил Ахметсафа на вопрос Мусы:

– Ну... Такташа, например...

– Вижу, что этот Такташ совсем заморочил вам головы, – усмехнулся Муса. – Жаль, что я не успел познакомиться с ним лично, хотя стихи его читал в газетах. Когда я уезжал из Оренбурга, его здесь ещё не было, а когда я снова приехал, уже не было Такташа. По-моему, он пока тащится по следам прежних, устаревших поэтов и ещё не отзывается на новые веяния.

Ахметсафа понял, что Муса испытывал почему-то неприязнь к Такташу.

– Мы с Ченекеем уже обсуждали творчество Такташа, – продолжал Муса. – Ченекей согласен со мной... Кстати, он довольно известный в Оренбурге поэт, часто выступает, читает свои стихи...

Действительно, этот Ченекей выступал почти на каждом вечере, но почему-то так и не добился у студентов особой популярности. Однажды он выступал вместе с Такташем и выглядел серой мышью по сравнению со всеобщим любимцем. С тех пор Ченекей невзлюбил блистательного Такташа, что было всем известно. Однако его неприязнь к Такташу, видимо, передалась и Мусе, который поддержал своего дру-

га.

– Ну, что есть у Такташа? – рассуждал тем временем Муса. – Какие-то архангелы Газраили, пророки... Кавили, Хавили... Небеса... Цари... Девы рассвета... Нет, это не для нас!

Но Ахметсафа не был согласен с этим утверждением и с тихим упрямством возразил:

– Такташа любят... Особенно молодёжь. И стихи у него хорошие...

Муса предпочёл с ним не спорить, решив сохранить хотя бы видимость дружбы с человеком, которого он недавно ненароком обидел своей бестактностью. И всё-таки, уже стоя у дверей в своей поношенной шинели, он перед уходом вспомнил, что последнее слово должно остаться за ним, и назидательным тоном сказал Ахметсафе:

– Нам нужны песни борьбы и счастья! Молодёжь надо воспитывать именно в этом духе, дорогой Ахметсафа. Мы должны создать литературу, способную служить делу рабочего класса. Вот где наш путь! Преступно уводить молодёжь от революционной романтики. Огонь и воду не соединить, так что надо выбросить на помойку все эти «везены», «эслубы», «мавзуги»³⁰ и прочее старьё! Пора освободиться от идейной путаницы в головах!

Вполне удовлетворённый эффектом от своей речи, в ко-

---

³⁰ Термины восточного стихосложения, означающие ритм, рифмы, сюжеты, литературные позиции и т. д.

тором он ничуть не сомневался, Муса повернулся к двери и напоследок бросил:

– С сегодняшнего дня буду жить на квартире Ченекея, так что можете отдать мою койку кому-нибудь из нуждающихся...

Вся бравада Мусы, однако, резко контрастировала с его явно больным видом и вымученной, тяжёлой походкой. Да, Мусе действительно требовался хороший уход, лечение и питание. Холода он не выдержит...

– У Ченекея жить совсем неплохо, – заметил Фатых Сагитов. – Как-никак заведующий столовой. Что-нибудь да перепадёт. Во всяком случае, с голоду не пухнет.

По какой-то причине он уклонялся от спора с Мусой, чем, кажется, и сам был недоволен. Вот и сейчас Фатых заворчал уже после ухода Мусы, оппонентом которого так и не решился стать.

– И этот тип считает себя великим поэтом, – язвительно говорил Фатых. – Как же... Просто умеет высовываться, когда надо... Недавно на съезде губкома выступил со стихотворением «Больной комсомолец» и имел, говорят, большой успех. Теперь он, естественно, на седьмом небе от счастья. Впрочем, в одном парень рассуждает верно: декламировать на каждом вечере поэтов старой формации – всё равно что заявлять о собственной политической слепоте.

Тут Фатых многозначительно посмотрел на Ахметсафу: дескать, и тебя, декламатор, это касается. Сам Фатых не

участвовал ни в одном вечере и вообще старался избегать подобных мероприятий. Но при подведении всяких итогов он тут как тут. Вообще, ему доставляло истинное удовольствие критиковать других. В такие сладостные для него минуты его трудно было остановить. К нему обычно присоединялся ещё один бездельник – Мазит. Эти два «румяных критика», как иронически отзывался о таких людях ещё Пушкин, способны были кого угодно «разгромить» огнём своей тяжёлой артиллерии. Опровергнуть их «критику» не представлялось возможным. Они очерняли жертву своей «критики» так яростно, что забывали напрочь о таких понятиях, как достоверность, правдивость, объективность, не говоря уже о беспристрастности. А когда несостоятельность их «критики» всплывала наружу, как и положено одному из экскрементов жизнедеятельности человеческого организма, это ничуть не волновало их совесть. Более того, в таких случаях они беззастенчиво заявляли: «Ворон ворону глаз не выклюет».

Именно по вине этих «румяных критиков» Ахметсафа едва не попал в беду. Обида ещё не улеглась в его душе, поэтому он оставил без внимания «разоблачительную» тираду Фатыха, делая вид, что занят уроками.

Другие тоже остались равнодушными к ораторскому искусству Сагитова.

А дело было так... В Оренбурге, как и в других крупных городах, развернуло свою деятельность Американское обще-

ство помощи голодающим России. В первую очередь американцы открыли бесплатную столовую, заведующим которой и был назначен Тухват Ченекеев, он же «великий поэт Ченекей». Естественно, что вечно голодная даже в изобильные годы молодёжь быстро закрыла глаза на недостаток у Ченекеева поэтического дарования и через немудрёную лесть и мелкие услуги нашла верную дорогу к щедрому сердцу поэта и менее щедрому, но всё же приятному удовольствию из его столовой. Словом, студенты души не чаяли в Ченекее.

Однажды завстоловой вспомнил и об Ахметсафе, попросив его выколотить из американских мешков остатки мучной пыли, потому что капиталисты, видите ли, любят во всём порядок и стерильную чистоту. Ну просто жить без этого не могут.

Что ж... Невелика услуга... Ахметсафа отпросился с урока (после памятного разговора с дядей он старался не пропускать занятия без особой надобности), и Загид Шаркый охотно отпустил его. Как же иначе? Просьбу заведующего столовой нужно обязательно уважить.

Работа была не трудной, но пыльной (в прямом смысле слова) и утомительной. Впрочем, Ахметсафе не привыкать... Подумаешь!.. Вытряхнуть из кучи мешков пыль и аккуратно сложить их в складском помещении. Делов-то!.. Нудно, правда, но ничего не поделаешь.

Однако первый же столб белой мучной пыли чувствительно затронул не только чихательный рефлекс, но и природную

хозяйскую жилку Ахметсафы. «Постой-ка, – подумал он. – Сколько здесь мешков? Никак не меньше двух сотен. Если из каждого мешка вытряхнуть хотя бы два-три грамма муки, то... Ого! Можно сварить большую кастрюлю чумары – татарских клёцек – на всех жильцов комнаты!»

Сказано – сделано!

...Когда он вернулся, урок ещё продолжался.

Читатель, вероятно, помнит, что из-за нехватки дров аудитории не отапливались, а уроки проходили в относительно тёплых комнатах студенческого общежития. Итак, Ахметсафа тихо, стараясь не мешать занятиям и не вызывать к себе излишнего внимания, прошёл к своей кровати, вынул из тумбочки изрядно потрёпанную газету «Юксыллар сүзе» («Слово бедноты»), расстелил её на полу. Потом он поверг всех в изумление, вынимая из карманов своего старого бишмета горсточку белой муки и сыпая их на тщательно разложенную газету. Тут уж всем стало не до занятий. Каждого волновал один и тот же вопрос: откуда мука? Каким образом Ахметсафа разжился столь драгоценным продуктом?

А добытчик не спеша занимался своим делом, будто факир над своей волшебной шкатулкой, не переставая в душе благодарить понятливого Ченекея, который делал вид, что в упор не видит манипуляций Ахметсафы, озабоченного сбором крохотных порций муки. Одно только упустил из виду Ахметсафа – то, что Ченекей пригласил его именно для того, чтобы собрать немного муки для товарищей. Хорошо

зная Ахметсафу, завстоловой был на сто процентов уверен, что тот обязательно поделится своей добычей с товарищами. И он, конечно, не ошибся. Сообразительный Ахметсафа даже не стал дожидаться подсказки отлучившегося куда-то на минуту Ченекея, а сразу взялся за добычу хлеба насущного. Он работал не покладая рук, и в конце концов на его глазах выросла вполне приличная горка муки. Обрадованный успехом, он притащил из столовой сито, ловко просеял муку, сыпавшуюся лёгкой заморской «пудрой», и задумался: как и в чём унести? Времени на раздумье было в обрез, и Ахметсафа просто-напросто набил добычей все свои карманы.

Закончив своё «колдовство», он бережно положил завернутую в газету муку на дно своего сундучка, хранившегося под кроватью. Все с замиранием сердца наблюдали, как он запирает на замочек найденное невесть где сокровище и сунул его обратно под койку. Ахметсафа с чувством выполненного долга отёр о бишмет руки и как ни в чём не бывало присоединился к товарищам, уже забывшим про неоконченный урок.

Благодаря американской помощи питание студентов улучшилось, и Ахметсафа как рачительный хозяин решил приберечь муку на «чёрный день»... Но однажды случилось нечто непредвиденное, взбудоражившее всё общежитие: Фатых Сагитов с Мазитом вдруг обвинили члена профкома Ахметсафу Давлетъярова в... краже муки, предназначенной для помощи голодающим, и написали в комитет комсомо-

ла соответствующее заявление. Комитет, естественно, не мог оставить без внимания такой «сигнал общественности», и сообщил об инциденте в вышестоящую инстанцию. Оттуда распорядились созвать общее собрание и вынести на повестку дня один-единственный вопрос: «Обсуждение преступления, совершённого членом профкома института Ахметсафой Давлетъяровым». Это было громом среди ясного дня.

Собрание проходило в натопленной комнате, где жили Ахметсафа с товарищами. Вёл заседание не кто иной, как Фатых Исхаков. Прочитав донос, он предоставил Ахметсафе слово для оправдания или объяснения ситуации, но тот от неожиданного поворота дел так растерялся, что совсем утратил присущую ему решительность и даже не знал, что сказать в своё «оправдание». С грехом пополам сумел он рассказать о том, каким путём попала к нему злополучная мука, хотя всем жильцам комнаты эта история и так была известна. Первым не выдержал Сагит Агишев. Желая побыстрее помочь другу, он подбежал к его кровати, вынул из-под неё и поставил на стол «президиума» обшарпанный деревянный сундучок, в котором и было спрятано «вещественное доказательство». Тут и Ахметсафа пришёл в себя, вынул из кармана ключ и открыл замок. Перед изумлёнными взорами президиума появилась маленькая горка белой муки.

– Речь идёт вот об этой муке, – сказал Ахметсафа. – Ребята знают, что мука предназначалась для всех и хранилась на «чёрный день».

– Ну да, так мы и поверили, – хмыкнул Мазит. – В Каргалах через двор живёт вор, в этой деревне – испокон веков одни прохвосты, об этом все знают. Ещё бы не знать... О каргалинцах давно дурная слава ходит...

Ему поддакнул и Фатых Сагитов. Но самым удивительным и неожиданным стало то, что к этой паре доносчиков присоединился односельчанин обвиняемого – Карим Харамуллин, тот самый, кто провалился на первом же вступительном экзамене и которому Ахметсафа, не жалея сил и времени, помог подтянуться по учёбе и поступить, в конце концов, на подготовительный курс института. Поведение Карима было вовсе непонятным и сбило с толку Ахметсафу и его друзей. Ахметсафа вспомнил, как умолял его Карим о помощи. Более того, Ахметсафа всегда защищал своего односельчанина и продолжал оказывать ему помощь даже после его поступления в институт, словом, считал его чуть ли не названным братом. Карим настолько привык к покровительству Ахметсафы, что начал принимать это как должный факт, не вызывающий сомнения. И этот Карим, это, как оказалось, ничтожество смеет обвинять своего благодетеля! Уму непостижимо! Хотя... Не об этом ли предупреждал его дядя Гумер?

– Давлетъяровы испокон веков пили кровь трудящихся бедняков нашего села, – бойко, как по шпаргалке, тараторил «иуда» Карим. – Оно и понятно, ведь все они – торгаши, и Ахметсафа – из рода потомственных торгашей, сидевших на

шее трудового народа. Отец его, богатей Мустафа, тоже был торговцем и даже руки на себя наложил, чтобы его богатства не достались советской власти...

В глазах Ахметсафы потемнело, в голове помутилось, лицо его от гнева тут же покрылось красными пятнами. Он едва сдержался, чтобы тут же не схватить Карима за горло. Смерть отца и так тяжёлым камнем лежала на душе, не давая забыть Ахметсафе и свою вину в этой трагедии. Но почему так бесцеремонно лезет в душу этот щенок, недоносок, носивший кличку Бультерек³¹ потому, что был поздним ребёнком уже пожилых родителей?

Ахметсафа подался вперёд и угрожающе прорычал:
– Закрой пасть, бультерек!

И в его движении, голосе, во всём его облике было столько ярости, что все замерли, поскольку впервые видели Ахметсафу в таком состоянии.

Однако Карим и не думал останавливаться, а уж тем более «закрывать пасть». Голос его повысился чуть ли не до плаксивого визга.

– Вот так всегда! Что, правда не нравится? В народе не зря говорят: не ищи правды ни у барина, ни у брата. Баи испокон веков угнетали сельских тружеников, измывались над ними, а народ безмолвствовал, боясь сказать хоть слово протеста, хоть слово правды! Образно выражаясь, сломанную руку батрак молча прятал в рукав, а разбитую голову по-

---

³¹ Бультерек (диал.) – ягнёнок, родившийся поздним летом, на исходе лета.

корно накрывал шапкой. Хватит! Кончились ваши времена! Ты мне теперь, Ахметсафа, не сможешь заткнуть рот, повесить на него замок. Наступил наш день, пришла власть бедняцко-пролетарская, на которую опираются товарищи Ленин и его сподвижники. И мы не отдадим эту власть байским отпрыскам! Не позволим!.. Товарищи члены комитета, как честный человек, я должен сказать, что кража – не единственное преступление этого так называемого студента. Он даже свой комсомольский билет не смог сохранить. Дескать, мачеха в печи сожгла... Ха-ха!..

Карим нахально рассмеялся прямо в глаза Ахметсафе.

– Какой ты после этого комсомолец, строитель светлого будущего, если не смог даже собственный комсомольский билет сохранить? Значит, таково твоё отношение к самому комсомолу! Отношение барчука!.. Вот я, например, тоже комсомолец, и свой билет всегда ношу при себе, возле сердца, как самое дорогое, что у меня есть!

Карим вынул из внутреннего кармана билет, торжественно помахал им в воздухе и победно закончил:

– Вот каким бывает настоящий комсомолец!

Не успел Карим плюхнуться на своё место, как сидевший рядом Мазит поспешил пожать ему руку: дескать, молодец, парень! А Карим от радости сиял и лучился, как начищенный опытным сапожником ботинок барина.

После Карима слово взял Саттар. Он даже не стал защищать Ахметсафу, ибо невиновность друга была для него и

других товарищей настолько очевидной, что доказывать её просто не имело смысла. Он помнил, как тяжело переживал Ахметсафа смерть отца. Что касается истории с комсомольским билетом, то о ней и так знали многие студенты. Поэтому Саттар, недолго думая, сразу же накинулся на упивавшегося своей «победой» Карима:

– Если бы ты, бультерек, не поджёг тогда всю деревню своей непотушенной папирсой – ведь ты даже курить не умеешь, сморчок! – то каргалинский народ не испытывал бы сейчас такую горькую нужду. И не смей упоминать Мустафу абзый, памяти которого ты должен молиться день и ночь. Или ты забыл, как горел весь аул, как разъярённые мужики схватили тебя за руки, за ноги и собирались бросить в самое пекло, где, кстати, тебе и положено быть, и только подоспевший Мустафа абзый спас тебя от самосуда, отбил у мужиков? Забыл всё это, а? Если бы не он, твой пепел давно бы развеян был на семи ветрах...

Карим, однако, не испытывал ни малейших угрызений совести, более того, он визгливо напомнил Саттару:

– Это всё твой отец! Он первым схватил меня!

Саттар продолжал презрительно цедить слова, будто проталкивая их через зубы:

– Кто прошлым летом в мастерской валялся у наших ног, умоляя пристроить его в институт, чтобы не умереть с голоду? Когда все мы были против, кто защитил и поддержал тебя? Кто помог тебе поступить в институт? Отвечай!

– Подумаешь!.. – всё ещё хорохорился Карим.

Но все, и судьи, и зрители, давно поняли истинную подоплёку доносительского акта, и с нескрываемым презрением, даже гадливостью рассматривали Карима, как в музеях смотрят на редкое безобразное ископаемое. Увы, они ещё не знали, что очень скоро эти «ископаемые» начнут плодиться как тараканы и заползут в каждую щель, каждую ячейку больного общества...

В расследование вмешался второй доносчик – Фатых Сагитов.

– Подумаешь! – воскликнул он. – Помог одному бедняку и думает, что стал чище воды и белее молока? Не тут-то было, товарищи! Помогая другим, он в первую очередь преследует свои корыстные цели. То есть творит добро, чтобы закрыть-ся им как щитом в случае совершения проступка или преступления, такого, например, которое обсуждается на этом уважаемом собрании...

– И мне он много помогал! – вскочил с места Зиннат Абдрашитов. – Если бы не Ахметсафа, если бы не его помощь, я сейчас не был бы передовиком учёбы, а скорее всего вынужден был бы покинуть стены института. Ахметсафа – настоящий друг и подлинный товарищ!

Чувствуя, что симпатии собравшихся оказались на его стороне, и что фортуна повернулась к нему лицом, Ахметсафа вдруг расчувствовался, как какой-нибудь «маменькин сыночек», и едва сдержал слёзы. К горлу подкатил жгу-

че-сладкий комок, глаза затуманились. Что это с ним? Рас-сиропился... До сих пор Ахметсафа держался молодцом, но как только друзья единодушно встали на его защиту и принялись хвалить за добрые дела, он вдруг обмяк душой, как-то расслабился, размагнитился....

Ахметсафа неловко топтался на месте, стараясь снова взять себя в руки. Наконец, секретарь собрания Фатых Ис-хаков, в душе которого было очень неуютно от непривычно-го лицезрения Ахметсафы в роли обвиняемого, облегчённо вздохнул и предложил членам президиума:

– Может, мы разрешим товарищу Давлетъярову сесть на своё место? Думаю, что вопрос прояснён. Обвинять Ахмет-сафу не в чем. Тем не менее я считаю, что товарищ Давлетъ-яров должен был сразу, в первый же день объяснить всем, откуда у него появилась мука, а не делать из этого «тайны Мадридского двора» и возбуждать тем самым разные слу-хи. Надо понимать, что если к нам поступило заявление, мы обязаны рассмотреть его и принять соответствующее реше-ние...

В защиту и поддержку Ахметсафы выступили Ченекей, Муса Джалилов... Айша Мухамедова сразила всех наповал своей прямоотой и откровенностью.

– Да что тут говорить! – горячо воскликнула она. – Как будто вы не знаете, что если бы не Ахметсафа, мы бы тут давно перемёрзли от холода, как тараканы! И тогда этого ду-рацкого собрания в помине не было бы!..

Публика добродушно посмеивалась, очевидно, представляя себя в живописной роли дохлых мороженных тараканов.

К удивлению всех, и прежде всего самого Ахметсафы, выяснилось, что он успел помочь столь многим студентам, что пользовался авторитетом и уважением едва ли не всего курса.

Напоследок снова неприятно удивил всех этот жалкий перевертыш Карим – глупый поздний баран, одним словом, бультерек. После собрания он, как это ни странно, сам подошёл к Ахметсафе и – боже мой! – протянул ему свою испачканную в золе «буржуйки» руку.

– Ты знаешь, – как ни в чём не бывало сказал он бывшему благодетелю. – А я сидел и радовался тому, как защищали тебя товарищи, заступались, выгораживали, спасали тебя от последствий совершённой ошибки. Ты уж, парень, постарайся не попадать впредь в такие ситуации. Как, оказывается, тяжело на душе, когда обсуждают твоего односельчанина...

Говорилось всё это таким лицемерно участливым тоном, будто Ахметсафу вовсе не признали невиновным и будто только благодаря заступничеству нескольких студентов он избежал справедливого наказания. Во всяком случае, Карим ясно давал это понять.

Хотя Ахметсафа и очень обозлился на Карима, что вполне естественно, но всё-таки из-за сильного волнения ещё не способен был по-настоящему оценить предательства вчерашнего «названного брата». Наверное, поэтому он по инер-

ции привычки хотел обменяться рукопожатием, и лишь в последнюю секунду спохватился, не успев, правда, предотвратить прикосновение кончиков своих пальцев до чумазой длани³² Карима. Брезгливо, как от холодной жабы, отдернул он свою руку и поспешил к ждавшим его друзьям – Саттару и Мусе. Джалилов почему-то сразу принялся утешать Ахметсафу, а Саттар, которому явно не понравилась снисходительность Ахметсафы к Кариму, укорил друга:

– Не будь наивным простаком, Сафа. Таким, как бультерек, руку не подают. «Продавший однажды продаст многожды», – говорят в народе. Отныне я ни на грамм не верю этому ублюдку...

– М-мда... – задумался Ахметсафа. – Кажется, мы действительно ведём себя наподобие князя Мышкина из романа Достоевского «Идиот». Люди вроде Карима просто не умеют и не хотят ценить сделанное для него добро. Они с бараньим упрямством не слушают, не слышат и не будут слышать голоса добра, более того, будут глухи и слепы даже к своему внутреннему голосу. Чем грязнее становятся их подлые души, тем увереннее чувствуют они себя в этом мире, в отличие от нас, по-прежнему витающих в облаках и свято верящих в добро и лучшее будущее. Что поделаешь, мы ведь по-другому жить не можем. А законы жизни суровы и безжалостны. Чья-то злая воля внезапно захватывает и поработачивает людей излишне милосердных, сострадательных, чтобы ис-

---

³² Длань (устар.) – рука, ладонь.

пользовать их в своих слегка завуалированных грязных целях, а когда надобность в них отпадает, не раздумывая начинает уничтожать, растаптывать, растирать в порошок, словом, пускать в расход этих чудаковатых, не от мира сего, людей... Так говорит дядя Гумер...

— И всё-таки я рад, друзья, — демонстрировал свой оптимизм Муса. — Ведь сегодня мы ярко продемонстрировали свою готовность и способность противостоять силам зла и лжи. Значит, правда на нашей стороне! Но мы, друзья, уподобились бы артиллеристам, стреляющим из пушки по воробьям, если позволили бы чувствам мести взять верх и раздули бы из сегодняшнего инцидента вселенский пожар. Побережём силы для великих свершений! Ахметсафа, между прочим, обронил очень интересную мысль. Мы должны научиться слушать голос добра, голос сердца. Я тоже читал Достоевского. Не помню дословно одну его мысль, но смысл её заключается в том, что умный человек, отказывающийся другим в теплоте своего сердца, подобен глупцу, беспрестанно предлагающему своё сердце всем подряд. Оба типажа, думаю, чрезвычайно далеки от истинной человечности. Так пусть же наши деяния, друзья мои, будут проникнуты настоящим человеколюбием! И никто не вправе осуждать Ахметсафу за выбранный им самим путь...

Сидеть сложа руки не приходилось. В «американской» столовой кормили всего один раз в день, вот и приходилось зарабатывать на хлеб то разгрузкой вагонов, то выполняя разную работу в хозяйских дворах частных владений. Где-нибудь когда-нибудь какая-нибудь «шабашка» всё равно находилась, а следовательно, и на зуб кое-что перепало...

Дав себе слово не участвовать более ни на каких вечерах и концертах, Ахметсафа тем не менее нарушал его всякий раз, когда к нему приходил неугомонный Муса, который кого угодно мог уговорить, заболтать, растормошить. Душа у него нараспашку, энергия ключом бьёт... Ему не составляло никакого труда «распахнуть» замкнувшегося было в себе Ахметсафу и «по секрету» сообщить о месте и времени очередного мероприятия. Ахметсафа даже не замечал, как опять нарушал своё «слово» и соглашался идти на вечер. Впрочем, в душе своей он всегда с нетерпением ждал начала очередного вечера. Ведь где Муса, там и Айша, а где Айша, там и её подруга Загида.

Загида... Она заполнила всю душу, всё существование Ахметсафы. Если бы ему сказали, что завтра Загида будет участвовать в концерте на другом краю земли, он птицей долетел бы туда, чтобы увидеться с любимой.

На репетициях Загида всегда раскрывалась душой, как

утренний бутон розы, вела себя раскованно и очень мило, шутила, смеялась. В такие минуты Ахметсафа не сводил с неё восторженных глаз, словно заворожённый, загипнотизированный ею. Впалые от недоедания щёки девушки розовели, глаза блестели, иногда она могла бросить в сторону юноши обжигающе выразительный взгляд. О, господи! Ахметсафа теперь вполне понимал знаменитых поэтов Востока, готовых за один такой взгляд любимой отдать жизнь. Загида, конечно, знала, что Ахметсафа, мягко говоря, равнодушен к ней. Порою их взгляды пересекались, и тогда джигита от волнения бросало в дрожь, а девушка тут же опускала ресницы и отворачивала лицо, или спешила что-то объяснить то Айше, то Парваз, делала замечание музыкантше Мугине... Ахметсафа не мог унять гулкое биение сердца, ему так хотелось взять в свои руки и бережно сжать узкие ладошки своей любимой, подышать на них, согреть теплом своей любви. В мгновение ока душа его устремлялась в заоблачную высь, в царство мечты, где он ласково смотрел в бездонные глаза любимой и говорил ей такие слова... такие слова... которых ещё не знал, но которые нежно пульсировали в его сердце, растекаясь по всему телу и закипая в сосудах мозга... Увы, мечта эта в действительности оборачивалась лишь куцей надеждой, потому что ни на одном из этих волшебных вечеров до заветных слов дело так и не доходило. А вне этих вечеров и концертов Загида была совершенно другой. При встрече где-нибудь в институтских коридорах она предпо-

читала делать вид, что не замечает юношу, а в ответ на его приветствие обычно отмалчивалась или просто кивала головой. Словом, опять превращалась в замкнутую, печальную и странную девушку. Как будто ещё вчера не стояли они на сцене друг возле друга, веселя зрителей шутками-прибаутками, взявшись за руки, убегали за сцену и вновь появлялись на ней под гром аплодисментов, церемонно кланялись, не размыкая своих рук... Это были такие чудесные мгновения!.. Неужели они были?.. И... прошли? Развеялись на ветру времени?.. Да нет же, нет!.. Ахметсафа помнит, как однажды за кулисами разгорячённая выступлением девушка будто бы ненароком прижалась к его груди всего лишь на одно, но какое чудесное мгновение!.. Или это было видение, сон, мечты?.. Нет, это происходило наяву, и джигит помнит, как обожгло его это мимолётное прикосновение желанного девичьего тела...

Но это было вчера, во время концерта. А сегодня Загиду словно подменили. Вернее, она, напротив, вернулась в своё обычное состояние по-глупому счастливой жертвы безответной любви. Да-да!.. Бредя Такташем, она была настоящей рабыней любви, но рабыней счастливой! В её хорошенькой головке всё ещё не укладывалось осознание того, что Такташ уехал внезапно, в спешке, не удостоив её даже взглядом, и вряд ли уже когда-нибудь вернётся. Впрочем, если бы она знала, в какой части земного шара затерялся Такташ, она не раздумывая полетела бы туда на крыльях своей безумной

любви. Ахметсафа страдал от того, что никак не мог унять, утихомирить, а ещё лучше – перевести, вызвать на себя ту взрывоопасную смесь заоблачной мечты, пылких чувств и девичьего упрямства, которая так и бурлила в сердце «тихони» Загиды. Как сделать это, он решительно не знал. Между ним и Загидой стояла скала по имени Такташ, и сдвинуть, убрать с дороги это неодолимое препятствие было не в силах Ахметсафы или кого-либо ещё. Кажется, это понимали и Загида, и Ахметсафа. Любовь, как и птица, летит о двух крыльях. Если ты на крыльях любви не способен взмыть в небо и полететь на затерянный в безоблачной дали остров счастья, какая же это любовь? Однокрылая любовь вызывает лишь жалость, глубокую жалость... Представьте себе беркута, во время бури поранившего о скалу одно крыло, оставшегося без унесённого ураганом родового гнезда, и вы поймёте то душевное состояние, охватившее бедного Ахметсафу... Он старался скрыть от посторонних глаз свои любовные переживания, страдал в одиночку. Что делать? Первая любовь... Никакого опыта в сердечных делах. Если все свои способности и таланты в области учёбы и общественно-хозяйственных дел Ахметсафа смог бы передислоцировать и мобилизовать на завоевание сердца девушки, то возможно, добился бы успеха. Но Ахметсафа был убеждён, и убеждение это было выпестовано многими поколениями предков, что в любви, как и в религии, не должно быть никакого принуждения, никакого, даже лёгкого давления. Хотя знал он и то,

что ни одна религия ни одним народом не была принята без определённого сопротивления, а порой и войны. Что касается любви, то... сказал же, например, Гаяз Исхаки: «Только в борьбе ты обретёшь свою долю!» Но Ахметсафа был явно не готов к такой борьбе, да и как он мог отвлечь девушку от её навязчивых, чуть ли не маниакальных мечтаний о Такташе?!

Кому хорошо, так это Мусе. Всё с него как с гуся вода. С Айшой у него отношения давно наладились. И на вечерах они вместе, и в институте... Стоит только им встретиться, как тут же начинают болтать без умолку. Ахметсафа недоумевал – о чём с девушкой можно так долго и с таким удовольствием разговаривать? Впрочем, Муса – известный оратор и мастер художественного слова. Для него главное – иметь слушателя, а слушателей он находит довольно легко. Стоит кому-то из приятелей только заикнуться о намерении вечером идти куда-нибудь, как Муса тут же напрашивается в попутчики, причём его абсолютно не волнует, хотят ли взять его в свою компанию. По-детски капризным голосом он тянет:

– Дру-у-уг!.. Возьми меня с собой!..

И для пущей убедительности придумывает обычно какую-нибудь несущественную причину, ляпнув что-то вроде: «Я там ещё ни разу бывал!» А если оказывается, что он мимо этого места проходит чуть ли не ежедневно, находится причина и вовсе «безоговорочно уважительная»: «Хоть прогуляемся вместе, поболтаем!»...

Словом, отказать ему не было никакой возможности.

Впрочем, он и сам любил приглашать гостей в полуподвальное помещение, где снимал угол у поэта, учителя и ответственного работника советского общепита Тухвата Ченекеева. Говорили, что Ченекей сам из жалости пригласил Мусу к себе, приютил, отогрел, малость откормил. Хозяин не сердился на частых гостей Мусы, иногда даже приносил куски хлеба разной величины, зависящей от значимости гостя. Муса кипятил полный чайник воды и усаживал гостей за «угощение». Завязывалась беседа.

Слушать Мусу было одним удовольствием. Он не умолкал даже на улице, и знаний в этом пареньке хватало на иного пятидесятилетнего мужчину, прошедшего огни и воду. Увидев съёжившиеся на морозе фигурки спешивших куда-то девушек, Муса внезапно останавливался, дёргал Ахметсафу за рукав и заговорщицки поучал:

– Ченекей говорит, что глупо оставлять без внимания проходящую мимо девушку. Следует хотя бы постараться каким-нибудь образом остановить её, заглянуть в личико. Если она прячет лицо, придумай что-нибудь, заведи разговор, коснись её локтем, чтобы тут же извиниться, но обязательно постарайся увидеть её лицо. Кроме того, не забудь оглянуться ей вслед, чтобы оценить фигуру, походку. Ведь у каждой девушки есть что-то своё, присущее только ей, например, характерные для неё движения, наклон головы и так далее. Ченекей зря не скажет, в психологии девушек он гроссмейстер,

так что запомни его слова, браток... Пригодится... Дважды на этот свет не приходим, друг мой. Девушки любят, когда на них обращают внимание, а ты...

Тут он с шутливой укоризной толкнул Ахметсафу:

— А ты от тоски по своей Загиде настолько высох, что того и гляди, ноги протянешь. Она, конечно, славная девушка, но если у вас не ладится, не теряй голову и уж во всяком случае не расстраивайся. Девушек много, а ты — один, понимаешь? И если из-за каждой будешь волосы на себе рвать... С девушками надо обращаться, как рыбак с рыбой. Поймал — она твоя. Сорвалась — не расстраивайся, сматывай удочку и переходи на другое место, рыбок на всех хватит...

Словом, Муса заливался соловьём, и невдомёк было Ахметсафе, то ли друг его действительно прилежный ученик «профессора девичьей психологии» Ченекея, то ли высказывал собственные мысли, ссылаясь по своему обыкновению на авторитет завстоловой. Судя по всему, Муса по части девушек сам такой же дока, как его благодетель и друг Ченекей. Интересно, при разговоре с Айшой он тоже придерживался правил Ченекея? Но где же в таком случае искренние чувства, притяжение сердец?.. Как можно не быть откровенным со своей девушкой? Рыбачьи навыки здесь явно отдают пошлостью... Не может быть... Муса, наверное, шутит. Он же вечный балагур и затейник. Вот и сейчас, высмеивая его фиаско с Загидой, пытается просто растормошить друга, вывести его из заторможенного состояния.

...За разговорами они дошли до «берлоги» Мусы. Увидев гостей, Ченекей тут же вскочил со своего топчана и принялся с каким-то странным видом расхаживать взад-вперёд по комнате. В квартире было довольно прохладно, и Ченекей не снимал ни длинной шинели, ни старых ботинок. Налив из чайника воды в кружку, он жадно выпил и стал читать надрывным голосом, делая вид, что ему безразлично присутствие гостей:

О, зимние дни и длинные ночи, уйдите!
Приди, о, весна моей жизни, согрей моё сердце.
Пусть очи лучатся, а слово блеснит бриллиантом,
И я, словно солнечный день, наконец, засверкаю...

Муса разделся, несмотря на холод в квартире. Ахметсафа последовал его примеру. Поэтические завывания хозяина продолжались...

Тухват Ченекей обладал весьма приятной наружностью с намёком на аристократизм. Его удлинённое лицо оканчивалось небольшим подбородком. На узкой высокой шее покачивалась крупная голова, покрытая копной льняных волос. Словом, настоящий «служитель музыки»... Ченекей прекратил, наконец, своё блуждание по комнате и патетически воскликнул:

— Есть ли на свете счастье, друзья мои? Способен ли кто-нибудь в этом мире понять нас? Когда же мы перестанем тлеть и гнить в этом подземелье и выйдем на свет божий?

Подобные эскапады хозяина были уже хорошо знакомы и Ахметсафе, и другим завсегдатаям этого «подземелья». Муса привычно придал своему голосу назидательно-поучительный тон и принялся успокаивать Ченекея:

– Не беспокойся, Тухват абый, придут эти дни, обязательно придут! И над нашими головами встанет солнце. Придёт весна, наступит тепло, деревья зазеленеют, взойдут хлеба... Мы пришли, чтобы жить, чтобы встретить солнце свободы, и изгнать холод зимы...

Ченекей, нахмутив брови, с усмешкой посмотрел сначала на Мусу, потом на его приятеля.

– Свобода, говорите? – хмыкнул он. – А думали ли вы о том, сколько свободы нужно человеку для счастья?

Вопрос был адресован преимущественно Ахметсафе и застал того врасплох.

– Ну, как сказать... – замялся он. – Разве можно свободу взвесить и брать столько, сколько надо или сколько захочется? Наверное, степень свободы личности должна определяться в законодательном порядке.

Ченекей воздел очи к потолку:

– О-о-о, господи! Друзья мои, разве вы не знаете, кто в нашей стране выпускает законы? Свора жуликов, тюремщиков и соглядатаев-шпикиов правят теперь балом! А мы, рабы их псевдозаконов, кормим вшей в своих подземельях. Как сладок вкус свободы!.. Ха-ха-ха!..

– У свободы нет границ! – смело возразил ему Муса, не

боявшийся поспорить со своим благодетелем, ближе которого у него в Оренбурге, кажется, никого и не было. Всем было известно, что именно Ченекей спас Мусу от голодной смерти, более того, он научил паренька всему, что знал сам, в том числе в области литературы и поэзии. Словом, Тухват Ченекеев стал для Мусы вторым отцом.

А Муса продолжал:

– У свободы нет пределов! Мы строим новый мир, чтобы покончить со всякими ограничениями, ущемляющими свободу человека. Через борьбу мы идём к истинной свободе. Да, прольётся кровь, будут жертвы, но мы не отступим от своего пути и всё-таки вкусим настоящую свободу. Конечно, вы можете посмеяться надо мной, напомнив о нынешней разрухе, голоде, болезнях... Но солнце истины уже взошло, и недолго осталось торжествовать холодной зиме. Мы ещё пойдём навстречу вольности под звуки марша Свободы...

– Дай-то Аллах! – сказал в ответ Тухват, несколько смягчившись и явно не желая разочаровывать пылкого Мусу. И всё-таки инерция скептического настроения брала своё.

– Случалось ли вам задумываться, юные мои друзья, – продолжал Тухват, смотря в упор на мечтательно улыбающегося Мусу, – над тем, почему при сладком слове «свобода» на лицах большинства людей появляется улыбка? Вот ты, Муса, говоришь красиво и вдохновенно, но кажется мне, что внутри тебя сидит какой-то чертёнок и щекотит за нервы всякий раз, когда речь заходит о свободе, братстве, ра-

венстве и прочих возвышенных понятиях, то есть идеалах. Вероятно, именно поэтому при слове «свобода» ощущаешь эдакую лёгкую игривость не только души, но и ума. Тебе хочется поиграть, пошутить, попрыгать, угодить в кого-нибудь снежком, словом, поозорничать, так? Следовательно, в основе такого притягательного слова, как «свобода», лежит, извиняюсь, ёрничаие или, в лучшем случае, улыбка насмешливой мечты, то есть ирония. Разве не так? Во всяком случае, в последнее время я склонен придерживаться такого мнения. И Тухват снова перешёл на язык стиха:

Смеются цветы и светится поле,
Сияют небесные сферы.
Схожу я с ума от радости воли,
Свобода! И счастье без меры!

Стихи были знакомы Ахметсафе. Ну, конечно, это «Моё счастье» Шаехзаде Бабича.

– Ах, Бабич, друг мой! – воскликнул Тухват со слезами на глазах. – Где же ты? Куда подевался твой свет, которым ты наполнял мой сумрачный мир? Какой дьявол осмелился поднять на тебя руку, кто погубил тебя?..

Он обхватил обеими руками голову и плюхнулся на кровать.

Ахметсафа вдруг ощутил такую грусть, такую неизбежную тоску, что у него даже дыхание перехватило. И он молча поспешил покинуть это подземелье.

Направляясь из столовой в общежитие, Ахметсафа услышал прерывистый голос чуть ли не бегущего за ним Муса.

– Постой, дружище! – звал его Муса, учащённо дыша от быстрой ходьбы. – Обожди! Знаешь, что я хочу тебе сказать? Сегодня будет вечер в детском доме. И знаешь, кого пригласил уважаемый Шариф ага Камал? Знаменитого музыканта и маэстро Салиха Сайдашева.

После такого, несомненно, чрезвычайно важного сообщения Муса выдержал театральную паузу – для большего эффекта!

– Кто сказал? – спросил заинтригованный известием Ахметсафа. – Мало ли какие вечера сейчас проводятся, сразу не разберёшь...

– Ченекей сказал, – ответил Муса, нетерпеливо дёрнув друга за рукав. – Пойдём вместе, а? Мне одному как-то скучновато будет, а вместе веселее. Идёт?

– Но нас ведь никто не приглашает? – засомневался Ахметсафа, представив себя в роли непрошеного гостя. Правда, он знаком с Шарифом ага, но Салиха Сайдашева не знает, хотя и видел его несколько раз. Маэстро возглавлял музыкальную школу и часто вместе со своими воспитанниками приглашался на студенческие и молодёжные вечера. Ученики «музыкалки» были без ума от своего наставника и между

собой называли его не иначе, как «наш Сайдаш». На вечерах маэстро сидел обычно на первом ряду и кивал головой в такт музыки, а когда кто-то сбивался с ритма или пускал «петуха», виновато разводил руками и улыбался: дескать, прошу прощения, дети ещё только учатся...

Словом, приглашения одного только Мусы явно не хватало, и Ахметсафа тут же нашёл уважительную причину для отказа:

– Сегодня вечером идём в «Орлес», там рабочих рук не хватает, помочь надо.

Муса уже не раз ходил со студентами в «Орлес», когда заводу требовалась помощь, и работал самозабвенно, с упоением, несмотря на свою худобу и малый рост. Сверстники уважали его за такое рвение в работе. Ахметсафа иногда даже жалел Мусу, который, гонимый собственным энтузиазмом, метался от мероприятия к мероприятию, стараясь успеть везде: в учёбе, труде, художественной самодеятельности... Казалось, что им движет не только энтузиазм, но и какие-то непонятные, будто скрученные в пружину, силы.

Услышав о намечавшемся походе в «Орлес», Муса тут же внёс коррективы в свой план:

– Очень хорошо, дружище! – воскликнул он. – Давай сделаем так: сначала сходим в детдом. Я прочитаю своего «Больного комсомольца», ты продемонстрируешь перед детворой чудеса акробатики. Шариф ага, кстати, тоже в восторге от твоих номеров. Вот увидишь, мы будем иметь бе-

шенный успех! А потом побежим помогать «Орлесу». Договорились?

Тут он придал голосу таинственную интонацию:

– Скажу тебе по секрету, приятель, что я задумал поэму, посвящённую заводу «Орлес». Материал вроде бы есть, но никак не могу начать писать. Чего-то не хватает...

В Оренбурге крупных заводов и фабрик можно было по пальцам одной руки пересчитать. «Орлес» являлся одним из немногих таких предприятий, и Ахметсафе было лестно, что его друг взялся за поэму о заводе, с которым Ахметсафу связывали давние и прочные отношения сотрудничества. В знак одобрения он даже обнял друга, и они, весело болтая, зашагали в сторону общежития. Неудержимый творческий азарт Мусы, его стремление к чему-то более светлому и радостному, чем окружающая его действительность, вызывали чувство невольного уважения.

...Муса как в воду глядел: директор детдома Шариф Камал встретил их с радостью и тут же внёс изменения в программу.

– А этот джигит исполнит гимнастические номера, – с улыбкой посмотрел он на Ахметсафу. – Таких художеств наши дети ещё не видели. Глядишь, и они захотят эдак кувыраться...

Он добродушно засмеялся.

– Сейчас выступает Сайдаш, потом Ченекей прочитает свои стихи, после него выступление Мазита...

Речь шла о популярнейшем в Оренбурге артисте Мазите Ильдарове. Да, в именитую команду попали сегодня Муса с Ахметсафой. Как бы не опростоволоситься.

Ахметсафа с интересом наблюдал за игравшим на сцене пианистом. Зал притих, заворожённый волшебными звуками чудесной музыки. Кое-кто приоткрыл рты, изумлённо смотря на феерический танец на клавиатуре бледных, тонких, нервных пальцев великого музыканта. Эти бесподобные пальцы то замедляли, то убыстряли своё движение, и Ахметсафе казалось, что перед ним пробежали тронутые дуновением раннего утра, мелкие, узкие, серебряные волны нежившейся в лучах зари Сакмары.

Вся Вселенная находилась во власти музыки...

Сайдаш играл совершенно новые, доселе неслыханные мелодии. Прядь каштановых волос упрямо спадала ему на лоб, и маэстро лёгким движением головы откидывал их назад. Лицо его было в высшей степени одухотворённым, чем-то напоминая Такташа в минуты его вдохновенных выступлений. Даже глаза были пронзительно голубыми, как у Такташа. Ахметсафа настолько забылся, что ему вдруг померещилась Загида, стоящая возле пианино маэстро...

При мысли о любимой девушке он ещё более поддался чарам мелодии и даже пожалел, что не пригласил Загиду на этот вечер, хотя имел такую возможность. Они встретили девушку по пути на вечер. Муса, как обычно, пустил в ход всё своё обаяние, даже что-то шепнул на ушко Загиде, но та, не

обращая внимания на заигрывания Мусы, порывалась что-то сказать Ахметсафе, но замолкла на полуслове, увидев, что её воздыхатель проходит мимо с деланным равнодушием и даже какой-то церемонной гордостью, возможно, давая тем самым понять, что положил конец своим бесполезным любовным переживаниям.

«Эх, дурень! – обругал себя Ахметсафа. – Разве трудно было поздороваться, остановиться на минуту-другую, чтобы перекинуться ничего не значащими фразами? Можно было, пользуясь случаем, ненавязчиво, как бы ненароком пригласить её на вечер, и, возможно, она согласилась бы, и теперь, под влиянием волшебной музыки приоткрылась, вострепелась бы её печальная душа. И кто знает, может быть, именно в этот вечер между их душами возникла бы та невидимая, таинственная связь, которой так недоставало Ахметсафе. Надо было умирить свою холодную гордыню, вызванную, в свою очередь, упорным равнодушием к нему любимой девушки, и попытаться хотя бы сегодня отыскать ключ к её замкнутой душе. Возможно, тогда всё обернулось бы по-другому, и мир вокруг изменился бы... Но... Что толку сожалеть о прошедшем и раскаиваться об уже содеянном?.. Муса прав, говоря, что в одном лёгком взмахе девичьих ресниц скрыто тайны больше, чем в толстом тысячестраничном философском трактате. Надо только понять эту тайну... Увы, Ахметсафа пока не в состоянии понять тайну Загиды и найти волшебный ключик к дверце её души...

Музыка Сайдаша не давала ему покоя. Она была то энергичной, будто солнечной, то печальной, тоскливой и нерешительной, то выражала непонятную боль и горечь потерь, утраченных надежд... Пальцы то танцевали, то еле брели, спотыкаясь о клавиатуру. Ахметсафа впервые видел такие изящные, длинные, гибкие и чуткие пальцы. Ему не верилось, что человеческие пальцы способны извлекать, творить такую неземную музыку. Нет, это могли быть только пальцы ангела!

Музыка овладела всей душой без остатка... Тихую игру утренней Сакмары сменили шум гнущихся на ветру камышей и прибрежных ив, истошные крики чаек, делавших отчаянные и безуспешные попытки сесть на гребни беснующихся волн. Казалось, что в этих чайках отражались судьбы людей, которые бессильно бились о волны вздыбленной страны.

Да, теперь Ахметсафа начал понимать игру Сайдаша. Великий маэстро рассказывал о непрестанных, мучительных поисках человеческой души, стремящейся найти саму себя, но попадая на этом пути то в ненастье, то в штиль, то в шелест утренней речки... И так всю жизнь... Всю жизнь... Стремительные душевные порывы, разбивающиеся о скалы препятствий... Приобретения и потери.. Победы и отступления... Любовь и ненависть... Вечность и краткость жизни... Эфемерность бесконечности и бесконечная эфемерность... Ахметсафа даже не представлял себе, что посредством му-

зыка можно говорить о таких сложных философских проблемах жизни и мироздания, спорить, соглашаться, отстаивать свои убеждения. Он был безмерно рад тому, что Муса сподобился пригласить его именно на этот вечер.

Едва не умирая от тоски, музыка вдруг снова освещалась солнцем, обдувалась ветром, возрождая страстное желание жить, бороться, творить. Любовь к жизни сменяется то проклятием этому миру, то тревогой за него... Зрители напряглись, некоторые даже привстали со своих мест, взбудораженные музыкой, а Сайдаш всё играл и играл. Нет, это не струны механического инструмента издавали требуемые от них звуки, это беспокойная душа самого Сайдаша струилась сквозь волшебство его рук...

Даже слушая выступления других артистов, Ахметсафа всё ещё находился под властью музыки маэстро. Вот Муса читает своё стихотворение «Больной комсомолец», но оно почему-то не производит на Ахметсафу того впечатления, которое производило раньше. Муса любил читать это стихотворение под аккомпанемент популярного тогда вальса «Гибель Титаника» в исполнении юной ученицы музыкальной школы Магизы. Девочка и сегодня старательно играла эту мелодию, видимо, заранее предупреждённая о возможном визите поэта. Теперь Муса уже не представлял себе, как можно читать это стихотворение без соответствующего музыкального сопровождения... Выступление Мусы будто добавило залу чувство напряжённости, духа борьбы...

Когда Ахметсафа начал демонстрировать свои номера, Сайдаш вдруг, неожиданно для всех и прежде всего для самого артиста, уселся за пианино и заиграл, причём заиграл в такт движениям выступающего.

Звучала та же самая музыка, что исполнялась недавно, но на этот раз она словно прогнала с горизонта тучи, призвала яркое солнце, вообще, звучала приподнято, энергично. Ахметсафа вдруг перестал ощущать своё тело и удивился столь неожиданному, неведомому ощущению. Движения его стали лёгкими, почти невесомыми, а потому особенно изящными и элегантными... Признаться, он был на седьмом небе от счастья, что его выступление удостоилось внимания и музыкальной поддержки великого композитора.

После окончания вечера, когда зрители уже расходились по домам, к артистам подошёл озабоченный чем-то Шариф Камал. Тяжело вздохнув, он сообщил:

– Только что получено сообщение о прибытии на станцию угля для детского дома. Груз необходимо разгрузить этой же ночью. Днём грузчиков ещё можно найти, но откуда я их возьму поздно вечером? Что делать, ума не приложу.

И тут Муса развернул кипучую деловую активность:

– Я бегу на военно-политические курсы, – засуетился он, накидывая шинель. – Тебе, Ахметсафа, придётся идти в «Орлес» без меня. Надо подымать на ноги курсантов, уголь нельзя упустить из рук. Вы, Шариф абый, немедленно отправляйтесь на станцию и готовьте необходимые документы

на груз. Мы прибудем через час.

И он умчался, не дожидаясь ответа.

– Проворный малый! – похвалил Шариф Камал. – Любое дело ему по плечу. Молодец! Как он всюду успевает, понять не могу. Как заведённый... Устаёт, наверное...

– Ещё как! – с гордостью подтвердил Ченекей, – Приходит домой и замертво заваливается спать! Я уж ему говорю, что все дыры этого давно прохудившегося мира не заткнуть! Не ты, говорю, первый, не ты последний! Лучше отдохни, отойди на время от дел! Но куда там! Что ему, что стене говоришь...

Видно было, что Ченекей обожает своего воспитанника, гордится им.

Х

Весеннее солнце слизывало снеговой покров то там, то здесь, будто рыжий весёлый жеребёнок щипал сено то с одной, то с другой стороны стога. Блестящий слой снега таял на глазах от тёплого дыхания весны; на следах полозьев выступала талая вода. Уставшая от зимы природа вдыхала весенний воздух, принимая тепло как с неба посланную благодать. Вот-вот по реке тронутся льды, а такое зрелище лучше всего наблюдать в деревне. Поэтому каргалинские студенты – Ахметсафа, Саттар, Рахим, Надир и не отстававший от них ни на шаг Карим – спешили домой, в Каргалы, чтобы не пропустить начало весеннего торжества на Сакмаре. Их сборы и приготовления не остались, конечно, без внимания вездесущего Мусы, и вот он уже укоризненно кривит свои полные губы:

– Без меня собрались?.. Возьмите и меня в Каргалы, а? Тоже хочу посмотреть...

Саттар добродушно рассмеялся:

– Да ради Бога!.. Собирайся, да побыстрее, если дороги не боишься. У нас шутя говорят, будто каргалинские дороги настолько укатанные, что если пятнадцать человек из села уедут, то пятеро обязательно вернутся. Но теперь нас, учитывая тебя, будет на одного человека больше!

– Что он оставил в Каргалах? – недовольно проворчал Ка-

рим, но на его слова никто не обратил внимания. Сборы прошли быстро и весело. Ребятам нравилось, что Муса присоединился к их компании. С ним не пропадёшь: говорливый Муса любую дорогу сократит наполовину. За разговорами и не заметишь, как в село войдёшь. К тому же Муса обязательно устроит в деревне какой-нибудь вечер, растормошит местную молодёжь и вообще всю притихшую за долгую зиму деревню.

Весеннее солнце ласкает щёки, сползает по шее за пазуху... Как хорошо возвращаться домой с друзьями! Слово за слово течёт разговор, и первейшая, главная тема – конечно, девушки. Да-а, о них можно судачить всю долгую дорогу... Но вот Муса косится на Карима и нарочито громким голосом говорит, как объявляет:

– Ребята, вижу дырявую верхушку бревна!

На секретном языке друзей это означало: «Внимание! Среди нас – доносчик! Не распускайте языки при болтливом Кариме!» Друзья тут же замолкли, ибо хорошо знали, что Карим при первой же возможности выболтает встречному и поперечному всё, что услышал от «друзей-приятелей». Такова уж была его «щедрая» натура, страдавшая острым недержанием секретов. Это из-за него Муса попал однажды в очень неприятную ситуацию.

В тот день он буквально ввалился в комнату общежития, весь взбудораженный, чем-то вдохновлённый, с румянцем на всю щёку и испариной на лбу. Не говоря ни слова, он жад-

но выпил кружку воды. Все знали, что после занятий Муса уходил на завод «Орлес». Судя по его состоянию, сегодня он весьма преуспел там в шефской работе. Наверняка не ограничился лишь одной лекцией о международном положении, а ещё помог рабочим какого-нибудь трудного участка, пообедал с ними в столовой, договорился о следующим визите... Ахметсафа шутливо заметил:

– Никак ты, Муса, от самого Яика так бежал, что дыхание перевести не можешь? Мог бы не спешить так, не мчаться сломя голову, твоя ненаглядная Айша занимается в музыкальном кружке и ещё не скоро освободится.

Словоохотливый Муса обычно тут же подхватывал эту тему – ему только дай поговорить о девушках! Но в этот раз он раздражённо, даже с оттенком досады, махнул рукой и сказал:

– Ну вот ещё!.. Мне пока не до Айши...

Слова эти вовсе не означали похолодание чувств к Айше, а свидетельствовали, скорее всего, о том, что поэт одержим очередной лихорадкой вдохновения, которое на какое-то время вытесняет в нём все остальные чувства.

– Я был на «Орлесе», беседовал с рабочими, – рассказывал Муса, – и загорелся новыми идеями. Вообще, благодаря общению с рабочими во мне будто заново пробудилась вера в будущее, укрепились надежда на коренные преобразования. Ведь эти брусья, доски, перекрытия и другие строительные детали, производимые руками «орлесовских» рабочих, идут

на фундамент нового здания страны, в основание новой жизни, понимаете ли вы? Эх, ребята! Я напишу об этом поэму! Пока это лишь мечта, стремление, но некоторые строки уже бродят в душе. Вот послушайте!

Рассвет алеет. Слышится гудок.
Так начинается рабочий день...
Подъём и завтрак. Включённый станок.
Обед. И, наконец, заката тень.

И этот мир размерен на гудки.
Как по сигналу свыше. Наконец,
Как пульс крови, дыхание груди
И дружное биение сердец.

Вдохновлённый Муса ещё не закончил читать, как Фатых Сагитов недовольно сдвинул брови и забрюзжал:

– Ну, и где тут новая жизнь, новые высоты? Где, как говорится, искорки будущих грандиозных успехов? А? Какой-то заводской гудок... станок... завтрак-обед... И чего ты привязался к этому гудку? Гудок-мудок... Анахронизм какой-то... Хи-хи...

Ахметсафа поспешил защитить своего друга от несправедливых нападок.

– По-моему, гудок как некий символ здесь очень удачно использован. Гудок, действительно, может рассказать о многом. Это – и рабочий ритм завода, и память о прошлом, и

день сегодняшний, и призыв к будущему. Гудок – это труд, символ бурлящей жизни. Вспомните, что ещё недавно завод был разрушен, а теперь работает в полную силу. Муса правильно говорит, звук заводского гудка сегодня – это как ритм сердца всей страны, как призыв к вере и надежде.

Муса положил руку на плечо друга и сказал усталым голосом:

– Спасибо, друг. Именно так я и думал, сочиняя эти строки. С пуском в строй заводов и фабрик наладится и жизнь простого народа, я верю в это...

Карим, как всегда, молча впитывал в себя все эти разговоры, а потом при встрече с Айшой передал ей только те слова Мусы, которые касались его возлюбленной.

– Твой Муса сказал: «Мне сейчас не до Айши». Так что напрасно надеешься – Муса теперь загордился! Ему не нужны глупые деревенские девицы, он засматривается на заводских девчат, на русских барышень. У него одно на языке: «Орлес» да «Орлес». Будто свет клином сошёлся на этом заводе... Даже поэму начинал писать, с чего бы?..

После этого, естественно, последовал «разрыв отношений», и Мусе пришлось приложить немало усилий, чтобы с трудом восстановить почти утраченное доверие Айши. Во время помог и Ахметсафа, сумевший убедить Айшу, что злополучные слова Мусы не имели никакого отношения к его чувствам к ней, а были сказаны в горячке вдохновения. Айша, наконец, смиростивилась и даже шутливо погрозила

Ахметсафе пальчиком:

– То же мне, утешитель нашёлся... Устроитель сердечных дел... О себе подумай, джигит! У тебя же твёрдый характер. Вроде, как камень. Будь напористым. Иначе тебе не видать Загиды.

– Но Загида влюблена в Такташа! – не удержался от восклицания Ахметсафа. – Кроме него, она никого не видит и видеть не хочет!

Он быстро взял себя в руки, хотя сердце по-прежнему прыгало в груди, а в глазах поплыли какие-то разноцветные круги. Покрашенный жёлтой краской коридорный пол вдруг замерцал сначала бледно-голубыми, а потом почти фиолетовыми бликами. Голова слегка кружилась от волнения, но Ахметсафа всё-таки закончил мысль:

– Девичья душа для нас неведома... В какой дастан ни загляни, везде наткнёшься на этот извечный любовный узел, который никогда и никому не развязать. Не я первый, не я последний...

* * *

...Весёлое настроение, царившее в начале путешествия, постепенно сменилось задумчивостью, рассудительностью. Разговор зашёл об организации в Каргалах молодёжного вечера, но Ахметсафа лишь внешне, как-то машинально поддерживал беседу, будучи не в силах освободиться от своих

мыслей и воспоминаний.

А думы его по-прежнему занимала Загида. Ему казалось, что даже небесное светило загорается исключительно от благосклонного взгляда Загиды, а санный след приобретает каштановый оттенок не от заблестевшей на весеннем солнце влаги, а от свечения роскошных кос любимой. Эх, жизнь!.. Как понять девичью душу? Каждый день он встречается с той, ради которой готов броситься в огонь и воду, млеет от её улыбок и смеха, выразительных взглядов и дружеских слов, но никак не может открыть двери замкнутой девичьей души: вход туда для него, увы, заказан...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.